

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

**Уральский
федеральный
университет**

**УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**Выпуск 12
2022**

*Специальная тема выпуска:
Восточная Азия: традиции и перемены*

УДК 94(5)
ББК ТЗ(5)
У686

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральское
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 12

Специальная тема выпуска:
Восточная Азия: традиции и перемены

Екатеринбург
2022

Издается с 2005 г.
Выходит один раз в год на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77–73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Главный редактор – профессор В. А. Кузьмин
Выпускающий редактор – доцент Д. В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Антошин А. В., д. и. н., доц., проф. каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г. Н., д. и. н., доц., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д. В., к. и. н., доц. каф. востоковедения УрФУ, выпускающий редактор

Завьялова Н. А., доктор культурологии, доцент, проф. каф. лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ

Кузьмин В. А., д. и. н., проф., проф. каф. востоковедения УрФУ, главный редактор.

Смирнов С. В., д. и. н., доц., проф. каф. востоковедения УрФУ

Хренов В. В., к. и. н., доц. каф. востоковедения УрФУ, технический секретарь редколлегии

Агапов М. Г., д. и. н., доц., проф. каф. новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень)

Беляков В. В., д. и. н., проф., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Голунов С. В., д. полит. н., доц., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (Москва)

Дацышен В. Г., д. и. н., проф., проф. каф. истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск)

Лычагин А. И., д. и. н., проф., зав. каф. восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (Нижегород)

Румянцев В. П., д. и. н., проф., зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета (Томск)

Арутюнян А. Ж., д. и. н., проф., проф. каф. всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

Ван Сяоюань, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, зам. директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук (Пекин, КНР)

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук (Пекин, КНР)

Гаеминия А., доктор филологии и исламского богословия, Университет Фарбият Модарес, пл. ред. научного журнала «Зехн» («Разум») (Тегеран, Иран)

Карадавут З., доктор философии, проф., зав. каф. турецкого языка и литературы Университета Акдениз (Анталья, Турция)

Ли Джехёк, проф., Пусанский университет иностранных языков (Пусан, Республика Корея)

Молодяков В. Э., д. полит. н., доктор философии, к. и. н., проф. Университета Такусёку (Токио, Япония)

Рахмонова Ю. М., к. и. н., доц., Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан)

Эпштейн А. Д., д. социол. н., ведущий научный сотрудник World ORT (Иерусалим, Израиль)

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. 14,3. Усл.печ. л. 10,8. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Тираж 500 экз. Заказ № 225. Свободная цена.

Издательство Уральского университета 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел./ факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2022

Контактная информация:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета
Телефон: (+7) 343 389–94–27

E-mail: uralorientalstudies@mail.ru

Editor-in-Chief

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
Deputy Chief Editor

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
Technical Secretary

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
Commissioning Editor

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Mikhail G. Agapov, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Alexey A. Antoshin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vladimir V. Belyakov, Dr. Hab. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir V. Datsyshen, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Russian History of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Alek D. Epstein, Dr. Hab., World ORT, Israel

Alireza Ghaemini, PhD, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran

Sergey V. Golunov, Dr. Hab. (Political Science), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Hakob Harutyunyan, Dr. Hab. (History), Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Zekeriya Karadavut, PhD, Prof., Akdeniz University, Antalya, Turkey

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
Deputy Chief Editor

Jae-Hyeok Lee, PhD, Professor, Pusan National University, Pusan, Republic of Korea

Alexander I. Lychagin, Dr. Hab., Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

Vassili E. Molodiakov, Dr. Hab. (Political Science), PhD, Prof., Takushoku University, Tokyo, Japan; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Yulduzhon M. Rahmonova, PhD in History, Associate Professor, Urgench State University, Urgench, Uzbekistan.

Vladimir P. Rumyantsev, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Sergey V. Smirnov, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Wang Chenxing, Researcher at Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Wang Xiaoquan, Secretary General of Chinese Association for the Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Deputy Director of the Research Center «Belt and Path», Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Natalya A. Zavyalova, Dr. Hab. (Cultural Studies), Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Китай

<i>Смирнов В. В.</i> Советские историки-востоковеды в провинции Шэньси в конце 1950-х гг.	6
<i>Перминова В. А.</i> Японо-тайваньские связи и их роль во внешнеполитической деятельности Китайской Республики при президенте Цай Инвэнь.	14
<i>Zhang Jun, Lu Jia Jin.</i> Axiological Basis for Russia's and China's Management Model	37

Корея

<i>Муסיнова И. А.</i> Вклад выходцев из германских земель в налаживание германо-корейского культурного диалога на начальном этапе корейско-германских отношений	52
<i>Лим Сунгжае, Муסיнова И. А.</i> Корейские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны	58
<i>Гайкин В. А.</i> Корейские студенческие общества в Японии в борьбе за независимость Кореи (1915–1920 гг.)	65
<i>Гуськова Е. А., Кузьмин В. А.</i> Современная южнокорейская историография о феномене колониальной урбанизации	70
<i>Хренов В. В., Кавун М. Д.</i> Сотрудничество Республики Корея и Монголии в области образования, науки и культуры	84

Япония

<i>Суровень Д. А.</i> Использование письменности в Ямато конца VI века	94
<i>Бахвалова А. А.</i> Повседневная жизнь <i>ю:дзэ</i> квартала Ёсивара в период Эдо	114
<i>Молодяков В. Э.</i> Опиумная политика японских колониальных властей на Тайване в иностранной оценке, 1890–1900-е годы.	131
<i>Барышев Э. А.</i> Август 1914 г. и японские предложения о военной помощи: Политическая система и внешнеполитическая тактика «страны Восходящего солнца»	141
<i>Капсалькова К. Р., Буракова А. А.</i> «Мне давно известно Ваше имя»: письма Ватанабэ Кинъити и Ямамото Тэруюки к М. Я. Сюзюмову	156

Вьетнам

<i>Тепляшина Т. Ю.</i> Вьетнамские студенты и политизированный досуг в Екатеринбурге.	163
Сведения об авторах	172

CONTENTS

China

- Smirnov V. V.* Soviet Orientalist Historians in Shaanxi Province in the Late 1950s 6
- Perminova V. A.* Relations between Japan and Taiwan and its role in Foreign Policy of Republic of China under the President Tsai Ing-wen 14
- Zhang Jun, Lu Jia Jin.* Axiological Basis for Russia's and China's Management Model 37

Korea

- Musinova I. A.* The establishment of German-Korean Cultural Dialogue at the Initial Stage of Korean-German Relations 52
- Lim Sungjae, Musinova I. A.* Korean Labor Workers in the Urals During the First World War 58
- Gaikin V. A.* Korean Student Societies in Japan in the Struggle for Korean Independence (1915–1920). 65
- Guskova E. A., Kuzmin V. A.* Modern South Korean Historiography about the Phenomenon of Colonial Urbanization. 70
- Khrenov V. V., Kavun M. D.* Cooperation of the Republic of Korea and Mongolia in the Field of Education, Science and Culture. 84

Japan

- Suroweñ D. A.* The Use of Writing in Yamato during the Late 6th Century 94
- Bakhvalova A. A.* The Daily Life of the *Yu:jo* in the Yoshiwara Quarter in the Edo Period. 114
- Molodiakov V. E.* Opium Policy of the Japanese Colonial Authorities in Taiwan as Seen by Foreigners, 1890–1900s 131
- Baryshev E. A.* August 1914 and the Japanese Proposals of Arms Supply: Political System and Foreign Policy Tactics of the “Land of the Rising Sun”. 141
- Kapsalykova K. R., Burakova A. A.* “I Know Your Name for a Long Time”: Letters from Watanabe Kin-ichi and Yamamoto Teruyuki to M. Ya. Sjuzjumov 156

Vietnam

- Tepliashina T. Yu.* Vietnamese Students and Politized Leisure in Yekaterinburg 163
- On the authors 172

УДК 930(470)"1950" + 94(510) + 94(514.11)"19" + 82–94

В. В. Смирнов

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ-ВОСТОКОВЕДЫ В ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ В КОНЦЕ 1950-Х ГГ.

Аннотация. Советско-китайское научно-техническое сотрудничество в 1950-е годы явилось одним из главных факторов быстрого восстановления народного хозяйства КНР. Обширная деятельность советских ученых в Китае помогла не только наладить разрушенную войной китайскую экономику, но также способствовала расширению знаний советских людей о Поднебесной. Исследования основной массы приехавших в КНР советских ученых относились к сфере технических и естественных наук, таких как электроэнергетика, физика, химия, сельское хозяйство и ботаника. Однако помимо этого, на всей территории Китая широкую исследовательскую работу проводили также ученые-гуманитарии, в частности советские историки-востоковеды, такие как Р. Ф. Вяткин, по результатам командировки в провинции Шэньси получивший возможность перевести на русский язык оригинальный текст знаменитого древнекитайского произведения «Исторические записки» (Ши цзи) Сыма Цяня. Имеющиеся в нашем распоряжении китайские архивные документы позволяют также обратиться к научной деятельности советского востоковеда Т. В. Степугиной, занимавшейся проблемами Древнего Китая и советского археолога С. В. Киселёва, изучавшего в Шэньси древние коллекции народов Дальнего Востока. Командировки этих ученых проходили в годы «большого скачка» в Китае, что наложило особый отпечаток на программу поездок. В частности, китайская сторона всеми средствами старалась продемонстрировать советским специалистам большие достижения и прогрессивность идей «большого скачка»: новые исторические или археологические открытия трактовались китайской партией как неоспоримый успех и как доказательства результативности новой китайской идеологии.

Ключевые слова: советские историки-востоковеды; провинция Шэньси; «Исторические записки» (Ши цзи); Сыма Цянь; КНР

Vadim V. Smirnov

SOVIET ORIENTALIST HISTORIANS IN SHAANXI PROVINCE IN THE LATE 1950S

Abstract. In the 1950s, Soviet-Chinese scientific and technological cooperation was one of the main drivers for the rapid recovery of China's economy. Extensive activities of Soviet scientists in China helped to improve the war-ravaged Chinese economy and expanded Soviet knowledge of the Celestial Empire. Great majority of Soviet scientists who came to China worked in the field of technical and natural sciences, such as power engineering, physics, chemistry, agriculture, and botany. Along with that, extensive research work was also carried out throughout China by humanities scholars, including Soviet historians and orientalists, in particular R. F. Vyatkin. The scientist was able to translate into Russian the original text of the famous ancient Chinese work "Records of the Grand Historian" (Shiji) by Sima Qian as a result of his travelling to Shaanxi Province. The Chinese archival documents available to us also allow tracing the scien-

tific activities of such Soviet orientalists as T. V. Stepugina, whose works are dedicated to the problems of ancient China, and the Soviet archaeologist S. V. Kiselev, who studied the ancient collections of the peoples of the Far East in Shaanxi. The trips of the above-mentioned scientists took place during the years of the “Great Leap Forward” in China, that made these visits specific; in particular, the Chinese side made every effort to demonstrate to the Soviet specialists great achievements and advancement of ideas of the “Great Leap Forward”, while new historical or archaeological discoveries were interpreted by the Chinese Party as an undeniable success and effectiveness of the new Chinese ideology.

Keywords: Soviet historians-orientalists; Shaanxi province; “Historical notes” (Shiji); Sima Qian; PRC

Основой для научно-технического сотрудничества между СССР и КНР в 1950-е годы послужило подписание ряда соглашений от 1953 и 1958 годов, которые определяли научные связи ряда институтов КНР с советскими институтами в области научно-исследовательских работ [Мамаева, 2018, с. 135]. По соглашению от 18 января 1958 года советская и китайская сторона заявили о совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники и об оказании помощи Советским Союзом Китаю в этой работе. Соглашением предусматривалось совместное проведение в период 1958–1962 годов работ по решению 122 важнейших научно-технических проблем, имеющих большое значение для КНР, а также дальнейшее укрепление непосредственных связей между научно-исследовательскими учреждениями обеих стран. На той же встрече между сторонами было заключено соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук КНР и Академией наук СССР сроком на пять лет. Соглашение предусматривало, что обе академии установят в сфере своей компетенции непосредственные связи, тесное сотрудничество и взаимопомощь. Обговаривалось, что академии будут проводить совместные исследования и научные экспедиции, осуществлять координацию работ по важнейшим вопросам науки и техники [Мамаева, 2018].

Работа советских ученых в конце 1950-х годов в Китае совпала с началом проведения там политики «большого скачка», предполагавшей скачкообразное увеличение всех показателей народного хозяйства. Логично, что этот политический курс затронул и сферу науки, на которую возложили обязанность по интенсификации своей исследовательской деятельности. Фундаментом «большого скачка» стало представление китайцев о появлении так называемого «передового образа мышления», базировавшегося на представлении, что особый китайский социалистический подход при реализации любых задач является залогом успешного достижения поставленных целей. Таким образом, приезжавшим в Китай в период «большого скачка» советским специалистам зачастую приходилось работать в обстановке, когда не научный подход, а ничем не подкрепленная вера китайцев в свои безграничные силы и возможности, отказ от признанных ранее советских норм и правил и поиск особого «нового мышления» стали определяющими в подходе к решению многих научных задач. Данная специфика в большей степени затронула сферу технических наук в Китае и соответственно, в большей степени повлияла на приезжавших на работу в Китай советских ученых технических направлений. Однако это не могло не коснуться и описываемых нами в данной статье ученых-

востоковедов, работа которых в КНР была организована китайской стороной таким образом, чтобы продемонстрировать эффективность новой генеральной линии КПК через демонстрацию успехов на историческом и археологическом поле.

Так, в соответствии с упомянутым планом сотрудничества между академиями наук СССР и КНР, в декабре 1959 года была организована научная командировка в КНР заместителя директора Института китаеведения АН СССР Р. Ф. Вяткина, видного специалиста по истории и культуре Китая в Советском Союзе [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 28]. За годы своей работы Рудольф Всеволодович внес большой вклад в изучение китайского языка и методики его преподавания. Основные научные труды посвящены истории Китая, китайской революции 1925–1927 годов, англо-китайским отношениям после Первой мировой войны, китайской историографии. В переводе Вяткина, с его комментариями и примечаниями в период с 1972 по 1992 год были изданы «Исторические записки» Сыма Цяня [Бокщанин, 1996].

Прибыв в декабре 1959 года в Китай, Вяткин побывал в городах Цзинань, Тайшань, Цюйфу, Аньян, Чжэнчжоу, Лоян, Сиань и Ханьчэн. План работы в провинции Шэньси предполагал знакомство с музейными коллекциями, памятником китайского неолита – поселением Баньпо, а также посещение города Ханьчэн. Но все же главная цель приезда в Шэньси заключалась в получении от китайской стороны самых древних версий трактата «Исторических записок» Сыма Цяня для осуществления предварительного перевода текста на русский язык. Для этого китайской стороной было предоставлено Вяткину несколько древних вариантов «Исторических записок» для сопоставления и сличения разных текстов. Параллельно им проводилось изучение уже имеющихся китайских исследований, касающихся «Ши цзи» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 33].

Оригинальный текст «Ши цзи» представляет собой огромный и сложно структурированный труд в 130 главах, общим объемом в 526 тыс. иероглифов. Хронологические рамки этого произведения охватывают период примерно в две тысячи лет, а его география включает не только собственно Китай, но и множество сопредельных территорий от Индии на западе до Кореи на востоке, от Ферганской долины и Забайкалья на севере до Индокитайского полуострова на юге. По масштабам и многогранности он долгие века оставался самым значительным историографическим произведением человеческой цивилизации [Сыма Цянь, 2010, с. 14].

В процессе знакомства с «Историческими записками» в Шэньси, Вяткин активно дискутировал с китайскими экспертами по спорным вопросам трактовок «Ши цзи». В частности, активные обсуждения проходили с историками Хоу Вайлу (侯外庐) и Гу Цзеганом (顾颉刚) [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. С. 34]. Из китайских архивов видно, что во время пребывания Вяткина в Шэньси он вел себя достаточно активно, проявлял большой интерес к предметам китайской старины, постоянно дискутировал с китайскими экспертами по тем или иным историческим явлениям. К примеру, когда его привезли на построенную еще в начале династии Мин, находящуюся в центре Сианя «Колокольную башню» (*Гулоу* 鼓楼), то Вяткин посоветовал сопровождавшим его китайским чиновникам организовать в этом здании выставочный зал, куда смог-

ли бы приходиться простые китайские граждане на экскурсии. Ученый много интересовался сианьской «Большой пагодой диких гусей» (*Даянь та* 大雁塔), расспрашивая сопровождавших его китайских историков о предназначении данного здания, его первоначальном месте расположения.

Когда Вяткин посещал древний город Ханчэн в Шэньси, ему показали погребальные ямы с повозками и лошадьми (*чэмакэн* 车马坑). Сопровождавший его профессор из Северо-Западного университета города Сиань сказал: «Эти погребения имеют для нас большое значение, многие имеющиеся у нас исторические факты были подкреплены информацией, полученной из этих погребений. К примеру, все лошади в повозке эпохи Чжоу являются парными, что характерно для той эпохи». Вяткин же на это ответил: «Эти повозки принадлежали аристократии, а повозки простого народа не были обнаружены в этих захоронениях, поэтому аргументацию Ваших утверждений можно поставить под сомнение» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 38–39]. Покидая Ханчэн, Вяткин увидел крестьянина из коммуны, который занимался заготовкой удобрений, вычерпывая землю прямо из-под крепостной стены одного из древних сторожевых комплексов, имеющих большое историческое значение. Исследователь подошел к этому крестьянину и начал укорять его: «Разве вы не понимаете, что своими действиями портите это историческое сооружение?!». И обратившись к сопровождавшим его китайским профессорам, сказал: «Нужно доложить об этом в соответствующие органы, чтобы они взяли этот объект под свою защиту». Китайские профессора также переговорили с этим крестьянином, а в дальнейшем доложили о происшествии специальным органам, которые пообещали взять ситуацию под свой контроль [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 36–43].

Посетив неолитическое поселение Баньпо в Сиане, Вяткин выказал сомнение по поводу имеющейся там крашеной керамики, заметив, что, возможно, эти изображения были нарисованы людьми в более поздние времена, так как в эпоху культуры Баньпо искусство еще не было столь зрелым (*незрелое искусство*) [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 36–43].

Еще один интересный эпизод пребывания Вяткина в Шэньси связан с его поездкой на предполагаемое место захоронения китайского императора Цинь Шихуанди, правителя первого централизованного китайского государства. По свидетельствам китайской стороны, Рудольф Всеволодович с самого начала своего появления в Шэньси выказывал большое желание побывать на месте захоронения знаменитого китайского императора. Когда же его наконец привезли к предполагаемому кургану в районе уезда Линьгун, то, оглядев окружающую обстановку, Вяткин сказал: «Боюсь, что это место не является местом захоронения Цинь Шихуанди. Историк Сыма Цянь в “Ши цзи” отметил очень подробно, что захоронение находится под горой Лишань, снизу которой есть водный поток. Цинь Шихуанди при жизни очень боялся смерти, а после смерти боялся, что его могилу раскопают. Поэтому я уверен, что этот курган не является местом погребения Цинь Шихуанди» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 36–43]. Сопровождавшие Вяткина китайские профессора стали заверять, что могила первого китайского императора находится именно здесь и ошибки быть не может, поскольку на это место указывает достоверная хроноло-

гическая летопись. Вяткин спросил китайских профессоров: «Когда вы планируете вскрывать гробницу? Чем раньше это произойдет, тем будет лучше. Если вы все-таки решитесь ее вскрывать в будущем, то я обязательно приеду к вам снова. Я уверен, что в гробнице немало памятников культуры. Должны быть письменные источники. И если они есть, то окажут большую помощь в пошаговом изучении истории Китая». [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 38–42].

В настоящее время доподлинно установлено, что местоположение кургана с захоронением Цинь Шихуанди находится в месте Хуацинчи (район уезда Линьтун, ныне – часть города Сиань) [Цинь Шихуан лин эрхао кэн..., с. 418]. Таким образом, сомнения исследователя по поводу истинности захоронения первого китайского императора были, по всей вероятности, напрасными. Однако данный пример демонстрирует пытливый и критически настроенный ум советского китаевода, прекрасного знатока текста «Исторических записок» Сыма Цяня.

Вяткин приехал в Китай во время реализации там курса «большого скачка» и создания народных коммун, поэтому китайская сторона активно старалась продемонстрировать ему успехи китайской коллективизации в рамках создания народных коммун. Для этого советского китаевода активно возили по коммунам в разных провинциях. Так, он побывал в коммунах провинции Хэнань и Шаньдун. В Шэньси Вяткина пригласили в передовую коммуну Вэйчу города Сиань. Для китайской стороны было важно узнать, что думает и как оценивает советский китаевед ситуацию в китайской коммуне, поэтому все высказывания Вяткина были подробно задокументированы и предоставлены китайскому руководству для ознакомления.

Как следует из данных документов, Вяткин отмечал, что существующие условия в народных коммунах намного лучше условий в советских колхозах. В советских колхозах, по его словам, на начальном этапе было много противоборствующих элементов – «злых кулаков», в китайских коммунах такого нет. Ученый заявил, что в Советском Союзе многие люди интересуются китайскими народными коммунами. Когда его пригласили в общественную столовую при коммуне, то он остался доволен увиденным, сказав, что китайская кухня самая вкусная в мире. На встрече присутствовал председатель коммуны, с которым Вяткин поднял не один тост «За нерушимую дружбу между Китаем и СССР», указав, что коммуна Вэйчу является очень прогрессивной и что она намного лучше, чем те коммуны, которые он видел в Хэнани и Цзинани. При этом историк пожелал, чтобы здесь был построен мемориальный музей великому китайскому историку Сыма Цяню.

За несколько дней до своего отъезда Вяткин выступил с докладом в Северо-западном университете города Сиань на тему «Китаеведение в различных странах». В течение трехчасового доклада, произнесенного на китайском языке, он рассказал о ситуации с изучением истории Китая в СССР, Англии, Америке, Германии и Франции. Послушать его пришло более двухсот человек, преимущественно из среды китайской интеллигенции. Как следует из китайских материалов, публика осталась в значительной степени довольна выступлением советского ученого [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 36–43].

Практически в то же самое время в рамках советско-китайского научного сотрудничества с научными целями в Китай отправился еще один известный со-

ветский историк и археолог, член-корреспондент Академии наук СССР Сергей Владимирович Киселёв. Сферой научных интересов С. В. Киселёва в основном была древняя и средневековая история Сибири и Центральной Азии, что также подразумевало изучение характера взаимодействия народов этих областей с народами Дальнего Востока [См.: К 70-летию со дня рождения С. В. Киселёва].

Прибыв в декабре 1959 года в КНР, С. В. Киселев посетил Харбин, Шэньян, Цзилинь и Далянь. 14 декабря он прибыл в Сиань. Целью научной командировки в Китай было исследование музейных коллекций по древней истории народов национальностей Дальнего Востока. Планировалась работа в центральном музее провинции Шэньси и в музее Баньпо. Китайская сторона также заявила о намерении проконсультироваться с Киселёвым по вопросам в области археологии в Китае, для чего пригласили его поработать на раскопанных достопримечательностях династий Чжоу, Хань и Тан в Шэньси, с последующим проведением семинарских занятий для китайских археологов [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 20].

Интересна подготовительная работа китайской стороны к встрече с Киселёвым, подразумевавшая необходимость демонстрации успехов китайской археологии через призму политики «большого скачка». Вот что указано в китайских документах: «В процессе ознакомительной работы Киселёва с нашими историческими достопримечательностями нужно сделать так, чтобы он смог глубоко вникнуть в наши ошеломительные результаты “большого скачка”, достигнутые под руководством нашей партии. Ведь именно в процессе строительства социализма археология провинции Шэньси показала свои выдающиеся результаты. Нужно пропагандировать ученому наш курс на строительство социализма, где мы, напрягая все силы стремимся к вершинам, строя социализм быстрее, лучше и экономнее. Только в этом случае Киселёв сможет продвинуться в понимании нашей работы по защите культурных ценностей, которой наша партия уделяет большое внимание, и увидит примеры того, как археология служит делу строительства социалистической культуры» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 21–22].

Видя, как китайцы в Шэньси варят металл в самодельных печах при коммунах, Сергей Владимирович в разговоре с заместителем директора филиала академии наук КНР в Шэньси сказал, что в вопросе литья металлической утвари, плавки металла, китайцы имеют богатый опыт, так как начали делать это раньше всех в мировой истории. В разговоре Киселёв привел этому два доказательства. Во-первых, по археологическим раскопкам, проведенным в азиатской части СССР можно увидеть, что металлическая утварь появилась там раньше, чем в Европе. Возможность для появления металла в этой местности появилась в следствии того, что рядом находился Китай. Во-вторых Киселёв упомянул Аристотеля, якобы сказавшего, что только после того, как Китай по Шелковому пути дошел до Европы, европейцы смогли узнать о методике плавки металла, что указывает на большое китайское влияние на европейскую цивилизацию. Киселёв порекомендовал китайской стороне сделать упор на изучение методов выплавки металлов в древнем Китае, так как это, возможно, сможет пригодиться и в существующих реалиях китайских коммун, где также варят металл [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. с. 23].

В отчете комиссии по научному сотрудничеству при Госсовете КНР от 1958 года, имеется информация о научной работе в Шэньси еще одного известного советского востоковеда, специалиста по истории Древнего Китая Татьяны Васильевны Степугиной.

Ее научная командировка пролегла по территории провинций Ганьсу, Хэнань и Шэньси. Заявленная научная проблематика при этом была отмечена как изучение «Рабовладельческого строя в Китае в VII–I в. до н. э» (公元前百年至七百年古代中国的奴隶制度). Находясь в Шэньси, Степугина работала с местным археологическим материалом, книгами и музейными экспонатами [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 34. с. 83]. Ее приглашали в сианьский комитет по управлению культурно-историческими реликвиями (西安文管会), в котором китайская сторона в разговорах старалась продемонстрировать успехи политики «большого скачка» по сбережению культурно-исторических достопримечательностей в Китае. В частности, исследователю было рассказано о создании в Шэньси нового археологического исследовательского центра, появление которого стало возможным только после начала курса «большого скачка» в Китае [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 34. с. 83]. По возвращении в СССР историк написала отчет о своей командировке в Китай, уделив значительную часть его содержания описанию памятников танской и минской архитектуры в Шэньси, больших могильных курганов, исчисляющихся десятками, где была захоронена китайская знать, а также могильным курганам Цинь Шихуанди и ханьского У-ди [Степугина, 1961]. Полученная информация помогла в дальнейшем Татьяне Васильевне издать несколько научных работ в Советском Союзе и защитить докторскую диссертацию на тему «Империя Хань – завершающий этап развития древнекитайского общества» [Степугина, Империя Хань, 1990].

Таким образом, советско-китайское научное сотрудничество конца 1950-х годов, помимо задачи по передачи Китаю советских технических знаний и навыков, характеризовалось явным стремлением китайской стороны всеми возможными путями продемонстрировать советской стороне эффективность политики «большого скачка» в Китае. В китайском понимании, новая идеология «большого скачка», являлась той призмой, через которую необходимо было воспринимать многие общественные процессы, будь то возможность интенсификации производства в промышленной сфере, увеличение показателей сельского хозяйства или новые исторические и археологические открытия. Возможность увеличения показателей в этих областях, по мнению китайцев, заключалась в правильно выбранной новой методике их реализации, когда ценность правильно выбранного метода ставилась выше, чем устоявшиеся общепринятые законы природы или нормы науки: если применить правильный метод, то возможно достичь любых амбициозных проектов. Отсюда и возможность появления высказывания китайского руководства о том, что именно в процессе строительства социализма археология провинции Шэньси показала свои выдающиеся результаты, подразумевая, что без социалистических методов в китайском понимании выдающихся результатов в археологии быть не могло. Идею о необходимости приобщения к идеологии «большого скачка» китайское правительство старалось донести до советских специалистов, которых на тот момент в Китае было большое количе-

ство, подразумевая тем самым, что теперь не китайцы должны учиться у Советского Союза устаревшим нормам и правилам, а советские люди должны усвоить китайские передовые идеи «большого скачка», что повысит их эффективность труда.

Помимо этого, необходимо отметить, что углубление контактов по линии сотрудничества между академиями наук Советского Союза и КНР в 1950-е годы позволило советским востоковедам проводить свои научные изыскания непосредственно на территории Китая. В результате подобных гуманитарных контактов в СССР появился ряд новых фундаментальных трудов, углубивших понимание истории и культуры китайской цивилизации. К таким трудам можно без сомнения отнести переведенный на русский язык текст «Исторических записок» Сыма Цяня, работу над которым советский китаевед Р. В. Вяткин осуществлял в течение нескольких десятилетий. Данная работа стала знаковым событием в отечественном китаеведении в деле изучения древней истории и культуры Китая.

Список литературы

- Бокцианин А. А.* Памяти Рудольфа Всеволодовича Вяткина // Восток. 1996. № 1. С. 220–221.
- К 70-летию со дня рождения С. В. Киселёва // Советская археология. 1975. № 4. С. 88–91.
- Мамаева Н. Л., Сотникова И. Н., Верченко А. Л.* Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества / Отв. ред. Н. Л. Мамаева. Институт Дальнего Востока РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2018. 600 с.
- Степугина Т. В.* Отчет о командировке в Китайскую Народную Республику для ознакомления с китайскими музеями и археологическими раскопками на территории Китая, библиотеками и научными учреждениями, занимающимися историей и археологией / Т. В. Степугина; Акад. наук СССР. Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации. М. : [б. и.], 1961. 34 с.
- Степугина Т. В.* Империя Хань – завершающий этап развития древнекитайского общества: автореферат дис. доктора исторических наук: 07.00.03 / Ин-т востоковедения. Ленингр. отд-ние. М. : [б. и.], 1990. 39 с.
- Сыма Цянь.* Исторические записки: Ши цзи: [В 9 т.]: Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А. Р. Вяткина. М. : Вост. лит., 2010. 623 с.
- Ли Гося, Чжао Вэйцзюань, Ли Жунью, Гао Чжэнъяо, Се Цзяньчжун, Хань Гохэ, Фэн Сунлинь, Фань Дунъюй, Чжан Ин, Чай Чжифан, Чжан Чжунли, Чжу Цзюньсяо.* 李国霞, 赵维娟, 李融武, 高正耀, 谢建忠, 韩国河, 冯松林, 范东宇, 张颖, 柴芝芳, 张仲立, 朱君孝. Цинь Шихуан лин эрхао кэн бинмаюн юаньляо чаньди дэ чжунцзы хохуа фэнси 秦始皇陵二号坑兵马俑原料产地的中子活化分析 (Нейтронно-активационный анализ источника сырья для терракотовых воинов и лошадей в яме № 2 в гробнице Цинь Шихуана) // Юаньцзыхэ ули пинлунь 原子核物理评论. 2002. № 19 (4). С. 416–420.
- 1959.12.30 Сулянь кэсюэюань Юэтэцинь фу боши цзай Сиань ходун цинкуан. Шаньси шэн даньяньгуань: 196–1 – 50–28. 1959年12月30日苏联科学院越特金付博士在西安活动情况, 陕西省档案馆藏: 196–1 – 50–28. (30 декабря 1959 года. Работа кандидата наук Вяткина из Академии наук СССР в Сиане. Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. С. 28).
1959. 11. 27. Чжунго кэсюэюань. Гуаньюй сулянь каогу кэсюэцзя Сы Фу Цзиселефу фу гэди каоча фанвэнь дэ тунчжи. Шаньси шэн даньяньгуань: 196–1 – 50–20. 1959年11月27日中国科学院. 关于苏联考古学家斯·符·吉谢列夫赴各地考察访问的通知. 陕西省档案馆藏: 196–1 – 50–20. (27 ноября 1959 года. Китайская академия наук. Уведомление о посещении советским археологом С. В. Киселёвым различных достопримечательностей в Шэньси. Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 50. С. 20).
- 1958.11.24. Сулянь чжуаньцзя Сытипугэньна фу вайди каоча. Шаньси шэн даньяньгуань: 196–1 – 34–83. 1958年11月24日苏联专家斯提普根娜赴外地考察, 陕西省档案馆藏: 196–1 – 34–83. (24 ноября 1958 года. План по выездной работе советского специалиста Степугиной. Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 34. С. 83).

The article was submitted on 14.05.2022

В. А. Перминова

ЯПОНО-ТАЙВАНЬСКИЕ СВЯЗИ И ИХ РОЛЬ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ЦАЙ ИНВЭНЬ

Аннотация. Уверенная победа на президентских выборах в 2016 г. представительницы Демократической прогрессивной партии (ДПП) Цай Инвэнь означала возвращение к власти на Тайване (в Китайской Республике) сторонников укрепления связей КР с ее стратегическими союзниками – США и Японией, которые активно поддерживают Тайбэй на международной арене и играют важную роль в сохранении статус-кво в Тайваньском проливе. В условиях нарастания напряженности в китайско-тайваньских отношениях связям с Японией в КР придают особое значение.

В статье проанализирована динамика развития японо-тайваньских отношений в период президентства Цай Инвэнь. Основные задачи исследования – выявить новые подходы тайваньского руководства к решению внешнеполитических задач и определить роль японо-тайваньских связей во внешнеполитической деятельности КР; исследовать основные проблемы двусторонних отношений Японии и Тайваня; рассмотреть влияние КНР и США на взаимодействие между Токио и Тайбэем. Отдельно рассмотрены проблемы исторического прошлого и их влияние на современные японо-тайваньские отношения.

В результате исследования автор приходит к следующим выводам: во-первых, Япония и Тайвань продолжают двигаться по пути укрепления сотрудничества, причем их контакты все меньше обременяются ограничениями, вытекающими из неофициального статуса отношений. Вместе с тем японские власти пока еще не готовы напрямую контактировать с КР по вопросам безопасности. Во-вторых, значительному сближению Токио и Тайбэя в 2016–2020 гг. способствовало осложнение американо-китайских и китайско-тайваньских отношений, стремление КР к более тесному взаимодействию с США и Японией и попытка заручиться их поддержкой на международной арене. В-третьих, учитывая, что за последние несколько лет именно Тайвань проявляет заинтересованность в более тесном сотрудничестве с Японией, власти КР, вероятно, смогут пойти на еще большие уступки по проблемным вопросам двусторонних отношений. В-четвертых, очевидное смещение в приоритетах внешней политики КР в сторону США и Японии, а также политика «деки-таизации» и культивирование среди жителей «тайваньской идентичности» способствовали тому, что проблемы исторического прошлого в отношениях между Токио и Тайбэем отошли на второй план, перейдя на уровень общественных дискуссий внутри КР.

Ключевые слова: Тайвань, Китайская Республика, Япония, японо-тайваньские отношения, Цай Инвэнь, Абэ Синдзо, «женщины для утешения», международные отношения

Vera A. Perminova

RELATIONS BETWEEN JAPAN AND TAIWAN AND ITS ROLE IN FOREIGN POLICY OF REPUBLIC OF CHINA UNDER THE PRESIDENT TSAI ING-WEN

Abstract. Landslide victory of representative of Democratic Progressive Party (DPP) Tsai Ing-wen in presidential elections in 2016 meant that supporters of strengthening ties between Taiwan and its strategic partners (USA and Japan) came back to rule in Republic of China (Taiwan). USA and Japan strongly support Taipei on a global stage and play an important role in maintaining *status quo* in Taiwan Strait.

The article analyzes the dynamics of development of relations between Japan and Taiwan under the presidency of Tsai Ing-wen. The main objectives of the research – to discover new approaches of Taiwanese authorities to solving foreign policy challenges and define the role of Japan-Taiwan ties in foreign-policy activity of Republic of China; to research the main problems of bilateral relations; to consider the influence of mainland China and USA on cooperation between Tokyo and Taipei; to research the influence of problems of historical past on bilateral relations.

The author concludes that, firstly, Japan and Taiwan advance on the path of strengthening the cooperation, however, Japanese authorities are not ready to contact directly with Taipei on issues relating to regional security. Secondly, close ties between Tokyo and Taipei were favoured by several factors i. e. deterioration of Sino-American and Sino-Taiwanese relations, as well as tendency of Taiwan to strengthen ties with USA and Japan and seeking for their support on the international stage. Thirdly, taking into account that over the past number of years it is Taiwan which takes a keen interest in close cooperation with Japan, Taiwanese authorities are likely to effect a compromise on the problem issues of bilateral relations. Fourthly, obvious shift of priorities in foreign policy of Republic of China to USA and Japan, as well as “de-sinicization” policy and cultivating of “Taiwanese identity” among islanders lead to a situation where problems of historical past in relations between Tokyo and Taipei receded into the background.

Keywords: Taiwan, Republic of China, Japan, relations between Japan and Taiwan, Tsai Ing-wen, Abe Shinzo, “comfort women”, international relations

Введение

Уверенная победа на выборах в 2016 г. Демократической прогрессивной партии (ДПП) означала возвращение к власти на Тайване (в Китайской Республике, КР) сторонников укрепления связей КР с ее стратегическими союзниками – США и Японией, которые активно поддерживают Тайбэй на международной арене и играют важную роль в сохранения статус-кво в Тайваньском проливе. После восьмилетнего правления Гоминьдана при президенте Ма Инцзю 馬英九 (2008–2016 гг.), внешняя политика которого характеризовалась достаточно тесными отношениями с Китайской Народной Республикой (КНР), тайваньское общество вновь подтвердило свое намерение дистанцироваться от коммунистического Китая и двигаться дальше по пути демократического развития.

С приходом к власти представительницы от ДПП Цай Инвэнь (蔡英文) отношения между берегами Тайваньского пролива значительно осложнились, в то время как взаимодействие с Вашингтоном, который стал активно поддерживать Тайвань в период президентства Дональда Трампа, стало еще более тесным. В сложившейся ситуации внимание экспертов больше сосредоточено на отношениях КР с материковым Китаем и роли Тайваня в американо-китайском противостоянии, и в меньшей степени – на японо-тайваньских отношениях, хотя взаимодействие между Токио и Тайбэем также сказывается на ситуации в Тайваньском проливе и является еще одним показателем того, насколько самостоятельной позиционирует себя КР в мире.

В статье рассмотрена динамика развития японо-тайваньских отношений в период президентства Цай Инвэнь. Основные задачи исследования – выявить новые подходы тайваньского руководства к решению внешнеполитических задач Китайской Республики и определить роль японо-тайваньских связей в ее внешнеполитической деятельности; исследовать основные проблемы двусторонних

отношений Японии и Тайваня; рассмотреть влияние КНР и США на взаимодействие между Токио и Тайбэем. Отдельно рассмотрены проблемы исторического прошлого и их влияние на современные японо-тайванские отношения.

В исследовании привлечен большой объем материалов из СМИ на русском, английском и китайском языках, а также работы отечественных и зарубежных исследователей, затрагивающих вопросы японо-тайваньского взаимодействия. Проблемы двусторонних отношений рассмотрены в ряде работ [Dreyer; Norpens 2018a; Norpens 2018b; Chen; Duchâtel; Swanström, Heck], роли Тайваня в стратегии США и влиянию американо-тайваньских связей на отношения КР с другими странами посвящены статьи: [DeLisle; Dickey; Zuo], роль «китайского фактора» во внешнеполитической деятельности КР рассмотрена в работах: [Chou Chih-Chieh; Duchâtel; Киреева 2019a; Киреева 2019b], влияние проблем исторического прошлого на современные отношения Японии со странами Восточной Азии исследуется в статьях Д. В. Стрельцова [Стрельцов 2019; Стрельцов 2020], а также в коллективной монографии «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами – соседями» (2022).

Новые акценты во внешнеполитической повестке КР

Активное укрепление связей Тайваня со своими главными союзниками – США и Японией – было обусловлено стремлением КР дистанцироваться от материкового Китая, как в политическом, так и в экономическом плане. Обеспокоенность в обществе по поводу излишне тесных связей с КНР, которые были установлены в период президентства Ма Инцзю и опасения «поглощения» китайской экономикой Тайваня привели к тому, что КР вновь переориентировалась на своих западных партнеров и Японию. Стремление отдалиться от материка и диверсифицировать экономические связи проявилось в особой позиции нового руководства КР по отношению к КНР: Цай Инвэнь не приемлет политику «одного Китая»¹, не признает «Консенсус 1992 г.»², на базе которого осуществлялись контакты с материковым Китаем, и выступает за выработку нового соглашения. Цай Инвэнь не поддерживает идею приобретения Тайванем независимости *de jure*³ (в отличие от предыдущего президента от ДПП Чэнь Шуйбяня 陳水扁 2000–2008 гг.), но, вместе с тем, предпринимает ряд мер, направленных на «расширение» международного пространства для Тайваня (в частности, стремление КР к представительству в международных организациях, налаживание экономического и научно-технического сотрудничества со странами Европы и ЮВА). Иными словами, как образно описы-

¹ Политика «одного Китая» – принцип внешней политики государств, основывающийся на признании того, что в мире существует только один Китай (世界上只有一個中國).

² «Консенсус 1992 г.» – договоренность, предполагающая признание обеими сторонами единства и единственности Китая: «Китай и Тайвань – не отдельные государства» (一個中國，各自表述).

³ Некоторые исследователи полагают, что достаточно сдержанная позиция Цай Инвэнь по вопросу взаимодействия с КНР и отказ от претензий на юридическую независимость КР связана с опытом ее работы на предыдущей должности – главы Совета по делам материкового Китая при президенте Чэнь Шуйбяне. Вероятно, опыт выстраивания отношений между двумя берегами Тайваньского пролива заставляет Цай Инвэнь занять более прагматичную позицию (по сравнению с предыдущим президентом от ДПП) в отношениях с материком [Duchâtel, p. 1–2].

вают эту ситуацию некоторые зарубежные исследователи, “making Taiwan matter” (стремится «сделать Тайвань значимым [для остальных стран мира]») [Taiwan’s Tsai Ing-wen begins...].

Непризнание новым руководством Тайваня «Консенсуса 1992 г.» стало одной из главных причин осложнения отношений с материковым Китаем, который принял решение прекратить контакты с островом по линии двух важнейших ведомств, отвечающих за взаимодействие между Пекином и Тайбэем – Ассоциации за развитие связей между берегами Тайваньского пролива (со стороны КНР) и Фонда обменов через Тайваньский пролив (со стороны Тайваня), ограничив при этом туристические потоки с материка на остров. Более того, с этого момента власти КНР ставят предварительным условием «разморозки» отношений между китайскими и тайваньскими властями изменение устава ДПП, где Тайвань назван независимым государством [с. 124]. Такое стремительное осложнение отношений с Китаем оказалось вполне закономерным, учитывая, что последние несколько лет председатель КНР Си Цзиньпин проводит более жесткую политику в отношении Тайваньского вопроса, демонстрируя решимость в достижении цели воссоединения материка и острова [Киреева, 2019а, с. 232–233].

Усугубляющим фактором в возникших противоречиях между КНР и КР стала активизация американо-тайваньского взаимодействия после прихода к власти Дональда Трампа. Телефонный разговор между Цай Инвэнь и победившим в декабре 2016 г. на выборах Д. Трампом а также последовавшее за этим заявление в январе 2017 г. президента США о том, что принцип «одного Китая» остается дискуссионным вопросом, ожидаемо вызвало негативную реакцию Пекина. Обеспокоенность КНР в связи с активной поддержкой американскими властями стремления Тайбэя к самостоятельности еще больше усилилась после того, как в марте 2018 г. в США был принят Акт о путешествиях на Тайвань, который предоставил возможность посещать остров официальным лицам США любого уровня [Киреева, 2019а, с. 233]. Во всех этих действиях китайские власти усматривают фактическое нарушение американской стороной принципа «одного Китая», а в укреплении сотрудничества между Вашингтоном и Тайбэем – угрозу изменению статус-кво в Тайваньском проливе. Вновь возникшие американо-китайские противоречия в связи с определением статуса Тайваня привели к увеличению военного контингента и единиц военной техники в проливе. КНР провела в зоне пролива военные учения в апреле и июне 2018 г., а также в сентябре 2020 г. (в ответ на посещение Тайваня заместителем главы госдепартамента США Кита Крача 17–19 сентября 2020 г. [Помпео назвал «военным блефом»...; Министр иностранных дел У высказывается...]) и в апреле 2022 г. (после визита делегации конгрессменов на Тайвань в апреле 2022 г. [Визит американских сенаторов...]). При этом истребители ВВС НОАК неоднократно приближались к опознавательной зоне ПВО, декларируемой Тайванем, и, по заявлениям тайваньской стороны, несколько раз нарушали воздушное пространство КР [КНР проводит военные учения...]. США, в свою очередь, продолжают осуществлять поставки оборонительного вооружения на Тайвань (за период 2017–2022 гг. было осуществлено 13 поставок [МИД приветствует продажу...; Канцелярия президента приветствует продажу...]), а их

военные корабли периодически совершают транзит через Тайваньский пролив⁴. Особое внимание привлекло заявление бывшего госсекретаря США М. Помпео, озвученное им во время визита на Тайвань 2–5 марта 2022 г., в котором он призвал Вашингтон признать Тайвань (Китайскую Республику) суверенной страной и официально установить с ним дипломатические отношения [Пэн пэй ао юй мэй го...; U.S. should recognize Taiwan...]. Продолжением линии на обострение ситуации в Тайваньском проливе можно считать принятие 13 марта этого года в США закона об ассигнованиях, который запрещает отображение на картах Тайваня в составе территории КНР [МИД благодарит администрацию Байдена...; US law bans ‘inaccurate’ Taiwan maps...].

В сложившейся ситуации внимание общественности и международных экспертов сосредоточено в основном на отношениях между Тайванем и КНР, американо-тайваньских и американо-китайских отношениях, а также роли США в осложнении обстановки в Тайваньском проливе. Реже говорят о взаимодействии между Токио и Тайбэем, хотя японо-тайваньские связи в определенной степени тоже сказываются на ситуации в Тайваньском проливе и, как правило, являются еще одним индикатором того, насколько самостоятельной позиционирует себя КР на международной арене. В настоящее время сближение между Токио и Тайбэем происходит на фоне явного ухудшения отношений Тайваня с материком и осложнения взаимоотношений между Пекином и Вашингтоном. Одним из факторов такого сближения является то, что политики, находившиеся у власти в 2016–2020 гг. в США и Японии (президент Д. Трамп и премьер-министр Абэ Синдзо), были настроены на значительное укрепление связей с Тайванем и были готовы усиливать кооперацию с Тайбэем, в том числе и по линии оборонных ведомств (в случае с США).

Укрепление японо-тайваньских отношений при президенте Цай Инвэнь и премьер-министре Абэ Синдзо

Как полагают некоторые исследователи [Chen; Dreyer; Noppens, 2018a], японская сторона была настроена на укрепление связей с Тайванем не только по причинам политического и экономического характера – семью Абэ связывают с островом давние отношения дружбы. Дед бывшего премьера по материнской линии, известный политик Киси Нобусукэ, являлся лидером протайваньской фракции в Либерально-демократической партии (ЛДП) и в должности премьер-министра был с визитом на Тайване в 1957 г. Младший брат С. Абэ Киси Нобуо (с сентября 2020 г. министр обороны) возглавляет Ассоциацию молодых парламентариев по продвижению экономических и культурных обменов между Японией и Тайванем, на протяжении долгого времени он осуществлял контакты между тайваньским и японским руководством. Даже мать премьер-министра Абэ Ёко была вовлечена в продвижение двусторонних культурных связей – в июне 2016 г. она присутствовала вместе с Цай Инвэнь, уже вступившей на тот момент в должность президента, на концерте японского

⁴ Одним из недавних инцидентов прохода военного корабля США в зоне Тайваньского пролива можно считать произошедший 26 апреля 2022 г. проход ракетного эсминца USS Sampson [КНР выразила протест...].

симфонического оркестра (NHK Symphony Orchestra) в Тайбэе. Это событие в СМИ преподносили как свидетельство того, что С. Абэ и Цай Инвэнь придают большое значение укреплению японо-тайваньских отношений [Tsai, Abe's mother...].

Цай Инвэнь в период президентства Чэнь Шуйбяня (2000–2008) также принимала участие в налаживании связей между Токио и Тайбэем. Она встречалась с С. Абэ во время его визитов на Тайвань в 2010 г. и в 2011 г. (до переизбрания С. Абэ на должность премьер-министра). Во время президентской кампании Цай Инвэнь совершила в октябре 2015 г. четырехдневную поездку в Японию («тур японо-тайваньской дружбы»), в ходе которой встречалась с парламентариями, а также посетила вместе с Киси Нобуо родную префектуру семьи Абэ – Ямагути [Tsai Ing-wen's describes...]. По неофициальной информации, там же прошла неформальная встреча премьера Абэ Синдзо и Цай Инвэнь [Noppens 2018a, p. 57; Noppens, 2018b].

Победу Цай Инвэнь на президентских выборах японская сторона оценила как то, что «демократия на Тайване пустила глубокие корни» [Dreyer, p. 592–593]. Поздравляя нового президента КР, министр иностранных дел Японии Кисида Фумио отметил, что Тайвань является важным партнером и ценным другом для Японии, с которым она разделяет общие ценности и имеет налаженные экономические и культурные связи [Dreyer, p. 593]. При этом представители японских властей не раз подчеркивали, что Токио будет продолжать укреплять отношения с Тайбэем на неофициальной основе [Press Conference by the Chief Cabinet Secretary...].

Практически сразу после вступления Цай Инвэнь в должность президента сторонами были сделаны шаги навстречу друг другу, как формального, так и практического характера. С января 2017 г. японское представительство в Тайбэе было переименовано таким образом, что теперь в его названии стали фигурировать «Япония» и «Тайвань» – Ассоциация японо-тайваньских связей 日本臺灣交流協會 (ранее она называлась Ассоциацией взаимных обменов 交流協會). В ответ на негативную реакцию со стороны Пекина в связи с переименованием представительства японская сторона пояснила, что изменение названия отражает современную ситуацию в развитии торгово-экономических связей с Тайбэем и отвечает интересам обеих сторон [Foreign ministry supports...]. С мая 2017 г. ведомство, которое отвечало за развитие японо-тайваньских отношений на Тайване, было переименовано в Ассоциацию связей между Тайванем и Японией 臺灣日本關係協會 (ранее – Ассоциация связей со странами Восточной Азии 亞東關係協會) [Association of East Asian Relations...], его отделение в Токио (представительство Тайваня в Японии) с 1992 г. носит название Тайбэйское экономическое и культурное представительство в Японии (臺北駐日經濟文化代表處)⁵.

За период 2016–2020 гг. японо-тайваньские политические связи получили значительное развитие. Несмотря на недовольство Пекина в связи с укреплением контактов Токио с Тайбэем, японская сторона неоднократно проводила встречи с представителями тайваньских властей даже на фоне усилий КНР противодействовать этим встречам. В частности, несмотря на протест китайской стороны,

⁵ Власти КР обсуждали вопрос замены в названии представительства Тайваня в Японии (Тайбэйское экономическое и культурное представительство в Японии) слова «Тайбэйское» на «Тайваньское», однако эта инициатива до сих пор не реализована [Переименование тайваньской ассоциации...].

на полях саммита АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 г. состоялась получасовая беседа С. Абэ со спецпредставителем Тайваня Джэймсом Суном (Сун Чуюем 宋楚瑜) [Abe meets with Taiwan envoy...]. Помимо этого состоялось несколько визитов на Тайвань японских политиков достаточно высокого уровня, в их числе: заместитель министра внутренних дел и коммуникаций Акама Дзиро, посетивший КР в марте 2017 г. [Japanese deputy minister...], бывший премьер-министр Мори Ёсиро, который дважды за 2020 г. побывал на Тайване [МИД приветствует визит на Тайвань...], Киси Нобуо, также посетивший КР за прошедший год дважды – в январе после переизбрания Цай Инвэнь на должность президента [President Tsai meets Japanese...], и в июле, когда он прибыл в составе японской делегации во главе с Мори Ёсиро для участия в церемонии прощания с бывшим президентом КР Ли Дэньхуэем (1988–2000 гг.) [Президент Цай обязуется хранить...].

Визит на Тайвань в марте 2017 г. Акама Дзиро стал значимым событием в японо-тайваньских отношениях – это был первый визит чиновника такого высокого уровня с момента прекращения официальных отношений между Токио и Тайбэем в 1972 г. Формально заместитель министра приехал для участия в мероприятиях, посвященных культурным и туристическим обменам между Тайванем и Японией (в рамках проведения туристической ярмарки в Тайбэе), однако основной целью его визита было проведение консультаций с тайваньскими властями по вопросу отмены эмбарго на импорт японских продуктов из зон, пострадавших во время аварии АЭС в Фукусиме в 2011 г. В тайваньских СМИ приезд Акама Дзиро был представлен как подтверждение того, что Япония собирается поддерживать с Тайбэем долгосрочные дружественные отношения и тесные торгово-экономические связи [Тай жи гуань си шэн вэнь...; Japanese deputy minister visits...].

Основные проблемы в отношениях между Токио и Тайбэем

Проблема снятия эмбарго на японские продукты, выращенные в префектурах вблизи пострадавшей в 2011 г. АЭС, остается одним из важных вопросов в торгово-экономических отношениях Японии и Тайваня. Этот вопрос японская сторона неоднократно затрагивала во время всех встреч с тайваньским руководством (как при Ма Инцзю, так и при Цай Инвэнь), однако окончательного решения о разрешении импорта принято так и не было. Хотя продукты из пострадавших районов прошли сертификацию, подтвердившую безопасность их употребления, тайваньское общество с обеспокоенностью воспринимает возможное снятие эмбарго [Taiwan ban on Japanese food...]. Из-за негативной реакции общественности вопрос о разрешении ввоза японских продуктов власти КР вынесли в ноябре 2018 г. на референдум, который подтвердил намерение тайваньцев продлить запрет на импорт еще на два года [Taiwan votes to keep ban...]. В феврале 2022 г. правительство КР приняло решение скорректировать ограничения на импорт продовольствия из Японии, однако окончательной отмены эмбарго сих пор не произошло [Тайвань корректирует ограничения...].

Для Тайваня решение этого вопроса оказывается особенно важным, учитывая, что именно запрет на импорт является одним из основных факторов, который пре-

пятствует присоединению КР к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ССТПР), вступившем в силу с конца декабря 2018 г. Поскольку лидирующие позиции в этом соглашении занимает Япония (с тех пор, как в начале 2017 г. США вышли из соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТРП), предшественнике ССТПР), для Тайваня особенно важно заручиться ее поддержкой, чтобы стать полноправным участником соглашения [Taiwan's ban on Japan's Fukushima food...; Taiwan's Tsai Ing-wen begins her second...; Taiwan aims to be eligible to join CPTPP...]. Ранее (в 2016 г.) японская сторона заверяла Цай Инвэнь, что поддержит стремление Тайваня присоединиться к договору [Dreyer, p. 603], однако на данный момент процесс вступления туда КР оказывается все еще затруднен. С 2022 г. тайваньская сторона все больше акцентирует внимание японских коллег на том, что после ослабления ею в феврале 2022 г. правил, регулирующих импорт продуктов питания из Фукусимы, КР ожидает более активной поддержки со стороны Токио в присоединении Тайваня к договору ССТПР (примером могут служить заявления, сделанные Цай Инвэнь во время видеоконференции с бывшим премьер-министром Абэ Синдзо 23 марта 2022 г. [President Tsai holds videoconference...]).

Тайваньские власти, вероятно, смогут пойти на еще большие уступки, так как присоединение Тайваня к соглашению ССТПР является одной из важнейших задач экономического курса Цай Инвэнь («Новая политика южного направления» 新南向政策⁶). Эта задача стала для Тайбэя особенно актуальной после того, как в ноябре 2020 г. было подписано соглашение о Региональном всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (RCEP), которое создает в Азии крупнейшую зону свободной торговли, объединив 15 стран АТР, в том числе КНР, Японию, Южную Корею и Австралию [Сделка прошла онлайн...]. Учитывая, что в соглашение RCEP входит материковый Китай, который едва ли позволит КР присоединиться к этому договору в роли самостоятельного субъекта, для Тайваня участие в Транс-Тихоокеанском партнерстве (ССТПР) остается одной из немногих возможностей участвовать в торговых отношениях между странами АТР на выгодных условиях [Taiwan's ban on Japan's Fukushima food hindering CPTPP bid...].

В числе неурегулированных вопросов между Японией и Тайванем остаётся территориальный спор вокруг островов Дяюйдао (釣魚島)/Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтай 釣魚臺 как их называют на Тайване). Так же как и раньше, КР формально продолжает отстаивать свой суверенитет над этими территориями, однако с тех пор, как Ма Инцзю подписал соглашение о рыболовстве 2013 г., Тайбэй, по сути, отказался от активного противостояния Токио в этом вопросе. В связи со значительным укреплением связей между Токио и Тайбэем при президенте Цай Инвэнь последние несколько лет не были отмечены какими-либо значимыми инцидентами. Исключением можно считать переименование района Тоносиро (префектура Окинава), к территории которого Япония относит острова Сэнкаку, в «Тоносиро

⁶ Новая политика южного направления (新南向政策) – ключевая инициатива администрации Цай Инвэнь, реализуемая с сентября 2016 г., которая касается дипломатических и торгово-экономических отношений Тайваня с азиатскими странами, прежде всего с ЮВА. КР намерена постепенно снижать экономическую зависимость от материкового Китая за счет укрепления связей с другими странами региона.

Сэнкаку». Такое решение было принято властями города Исигаки (префектура Окинава) 22 июня 2020 г., после чего как материковый Китай, так и Тайвань выступили с решительным протестом [Taiwan President Asserts Sovereignty...]. Еще в тот момент, когда в японских СМИ появилась информация о том, что вопрос о переименовании района был вынесен на повестку заседания городского совета, КР через свое представительство в г. Наха связалась с мэрией города и предупредила о недопустимости переименования без согласования с тайваньской стороной. Мэр города пояснил, что решение о смене названия было принято еще летом 2018 г. и лишь откладывалось до настоящего времени, сейчас же процесс переименования был ускорен в связи с участвовавшими случаями захода китайских судов в акваторию спорных островов [Тайвань протестует против переименования...].

Еще одним территориальным вопросом, сохраняющим актуальность на повестке японо-тайваньских отношений, является определение кораллового атолла Окинотори: Токио считает его островом, что позволяет отсчитывать от его берега исключительную экономическую зону. КР, в свою очередь, не считает атолл островом и заявляет о своих правах на ведение в его акватории рыболовного промысла. В апреле 2016 г. японская береговая охрана задержала тайваньское рыболовецкое судно, которое прошло вблизи атолла и, по мнению Токио, оказалось в пределах исключительной экономической зоны Японии [Swanström, Heck]. Впрочем, сильного резонанса этот инцидент не получил – практически сразу после случившегося стороны приступили к переговорам. В мае 2016 г. перед инаугурацией Цай Инвэнь состоялась беседа между Киси Нобуо и Ма Инцзю (во встрече также принимала участие Цай Инвэнь), в результате которой стороны договорились продолжить консультации по вопросу Окинотори [Horrens, 2018a, p. 57]. В итоге в конце 2017 г. Япония и КР подписали Меморандум о взаимопонимании, согласно которому корабли каждой из сторон получили право беспрепятственного прохода вблизи атолла в случае чрезвычайных ситуаций [Taiwan, Japan sign marine emergency...]. Как полагают некоторые эксперты [Swanström, Heck], подписанный меморандум хотя и не решил вопрос полностью, тем не менее, позволил снизить некоторую напряжённость, которая возникла в связи с инцидентом в апреле 2016 г.

Способность Токио и Тайбэя поддерживать друг с другом конструктивный диалог и договариваться о практических решениях в вопросах территориального характера (Соглашение о рыболовстве 2013 г., Меморандум о взаимопонимании 2017 г.) лишний раз подтверждает то, что стороны заинтересованы в поддержании тесных связей друг с другом и стремятся избежать любого обострения ситуации. Несомненно, за последние несколько лет такую заинтересованность в большей мере демонстрирует именно Тайбэй, который полагается на поддержку со стороны США и Японии в период обострения отношений с материковым Китаем.

Вопросы безопасности и совместной обороны

В условиях напряженности в отношениях между берегами Тайваньского пролива опора на своих стратегических союзников и укрепление сил самообороны становятся важнейшими задачами внешней и внутренней политики, стоящие перед

администрацией Цай Инвэнь. С 2016 г. был возобновлен трехсторонний диалог (Вашингтон – Токио – Тайбэй) по вопросам обороны и безопасности в АТР, на котором одной из важных тем обсуждения неизменно является вопрос о более активном взаимодействии оборонных ведомств США, Японии и Тайваня, а также техническое обновление ВМФ Китайской Республики [Dreyer, p. 606]. Одновременно Тайвань стремится модернизировать ВС с опорой на собственные научно-технологические возможности, к числу наиболее значимых проектов можно отнести начало программы строительства субмарин «Сделано на Тайване» с ноября 2020 г. (ориентировочное время начала эксплуатации подводных лодок – 2025 г.) [Президент Цай дает официальный старт...], строительство скоростного минного заградителя (был спущен на воду в августе 2020 г.) [1st locally built fast minelayer...], строительство учебно-тренировочного самолета нового поколения (первый тестовый полет состоялся в июне 2020 г.) [Tsai lauds inaugural flight...]. Впрочем, ведущую роль в модернизации сил самообороны КР, несомненно, играют США, которые продолжают поставки вооружения на остров, обновляя весь комплекс ВС Тайваня.

На фоне активизации взаимодействия Тайбэя с Вашингтоном и Токио по вопросам безопасности на Тайване все чаще раздаются голоса в пользу укрепления двустороннего сотрудничества с Японией по вопросам обороны. С учетом того, что запрет на экспорт вооружений был снят в Японии еще в 2014 г., власти КР считают, что Токио мог бы играть более значимую роль в обеспечении безопасности в Тайваньском проливе, например, за счет передачи тайваньской стороне технологий, обмена техническими специалистами, проведения совместных учений и, возможно, поставок компонентов или целых единиц военной техники в КР [Dreyer, p. 606; Norpens, 2018a, p. 59]. Впрочем, эта инициатива не встречает одобрения с японской стороны – даже после назначения в сентябре 2020 г. на должность министра обороны Киси Нобуо, известного как про-тайваньски настроенного политика, Токио вновь подтвердил свое намерение сотрудничать с Тайванем по вопросам безопасности и обороны только при участии США [PM Suga's Choice of Defense Minister...]. Такую позицию можно объяснить тем, что Япония, принимая во внимание негативную реакцию КНР на сближение Токио и Тайбэя, не готова идти на серьезное обострение отношений с Пекином ради еще более тесного сотрудничества с КР.

Вместе с тем, часть японского истеблишмента выступает за более активное взаимодействие с Тайбэем. Именно эти политики, как правило, являются сторонниками принятия в Японии закона об отношениях с Тайванем, подобного американскому⁷, который мог бы создать юридическую базу для расширения контактов между Токио и Тайбэем. Подобная идея была озвучена еще в 2006 г. президентом Чэнь Шуйбянем [Chen urges Japanese 'Taiwan relations...], позднее, в 2013 г., группа японских специалистов по Тайваню подготовила доклад, в котором эксперты

⁷ Закон об отношениях с Тайванем – государственный акт, принятый американским Конгрессом 10 апреля 1979 г., согласно которому США и Тайвань поддерживают неофициальные отношения. В законе устанавливаются обязательства американской стороны по предоставлению Тайбэю оборонительных средств и услуг в случае внешних угроз безопасности острову. Поддержание неофициальных, но де-факто дипломатических контактов с тайваньской стороной было закреплено за Американским институтом на Тайване, учрежденным в январе 1979 г. в статусе некоммерческой организации.

рекомендовали разработать закон, который регламентировал бы двусторонние отношения, определял статус КР и ее роль в поддержании безопасности Японии [Like the U.S., Japan Should Have...]. В 2017 и 2019 гг. парламентарий Судзуки Кэйсукэ (ЛДП), неоднократно поднимал вопрос о принятии такого закона в Токио во время консультаций по безопасности между США, Японией и Тайванем. С призывом принять закон об отношениях с КР выступили и участники международного симпозиума «Сотрудничество между Японией, США и Тайванем в условиях потенциальной нестабильности в отношениях между берегами Тайваньского пролива», который прошел в мае 2019 г. в Токио. Экспертами было принято совместное коммюнике, в котором говорилось о необходимости принятия такого закона в условиях угрозы изменения статус-кво в Тайваньском проливе по инициативе КНР [Hsiao, 2019]. На прошедшем в октябре 2020 г. очередном «Японо-тайваньском форуме» в г. Кага участники приняли декларацию, в которой парламентарии со стороны Японии и Тайваня призывали Токио активизировать работу над законом. Помимо положений, касающихся разработки юридической базы взаимодействия Токио и Тайбэя, в декларации содержался также призыв к властям активнее поддерживать усилия КР по вступлению в ВОЗ и присоединению к Транс-Тихоокеанскому партнёрству (ССТПР) [Тай вань цзяо лю фэн хуэй...]. В целом, несмотря на поддержку подобного закона некоторыми японскими политиками и то, что тайваньские власти в последние несколько лет демонстрируют явную заинтересованность в продвижении этого закона, ряд экспертов считают, что такая инициатива вряд ли осуществима с учетом важности для Токио связей с КНР [Strong but constrained...; Hsiao, 2020].

«Китайский фактор» во внешнеполитической деятельности КР

Необходимость укрепления японо-китайских отношений понимают как в Токио, так и в Пекине. Несмотря на множество нерешенных проблем в последние несколько лет стороны стремятся нормализовать политический диалог друг с другом, избегать эскалации конфликта в Восточно-Китайском море и развивать взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество. Исследователи полагают, что «потепление» в двусторонних отношениях было обусловлено в большей мере политикой КНР, которая на фоне резкого ухудшения отношений с США, стремится наладить связи со своим ключевым партнером в АТР – Японией⁸. Заявления сторон о начале «новой эры» в японо-китайских отношениях [Xi touts 'new era'...] и создание в ноябре 2020 г. зоны свободной торговли в Азии (RCEP), в которую входят как КНР, так и Япония, можно считать проявлением прагматичного подхода, который теперь демонстрируют власти в Токио и Пекине по отношению друг к другу. Тайваньские власти, в свою очередь, с обеспокоенностью смотрят на «потепление» в отношениях Японии и КНР. Несмотря на то, что в Токио не раз заявляли о «крайней важности» взаимодействия с Тайбэем на фоне растущей мощи КНР [Taiwan is 'extremely' important...], в СМИ звучат опасения по поводу того, что Япония может полностью или частично поддержать материко-

⁸ Подробнее о причинах японо-китайского сближения в 2017–2019 гг. см.: [Киреева, 2020].

вый Китай по вопросу административного урегулирования в Гонконге⁹, а позднее и по Тайваньскому вопросу [Despite electoral landslide...].

КНР, в свою очередь, на протяжении всего периода пребывания у власти Цай Инвэнь стремится использовать все возможные средства для воздействия на своих партнеров и международные организации с тем, чтобы исключить Тайвань из текущих мировых процессов. В ответ на политику сдерживания Китая, о которой напрямую заявляли власти КР [Taiwan president Tsai Ing-wen urges world...], Пекин стремится «сузить» пространство, в котором Тайвань может заявлять о себе как о самостоятельном акторе международных отношений. К числу таких мер можно отнести препятствие участию КР в международных организациях и структурах (в частности, с 2016 г. Тайвань лишился статуса наблюдателя на сессиях Всемирной ассамблеи здравоохранения) и «переманивание» дипломатических партнёров КР (за период 2016–2020 г. общее количество государств, поддерживающих официальные дипломатические отношения с Тайванем сократилось с 22 до 15). Помимо этого, под давлением Пекина некоторые международные организации, участником которых является Тайвань, изменили название острова с принятого ранее «Китайская Республика» на «Тайвань–Китай», «Тайбэй–Китай» или даже «Тайвань – провинция Китая» [Выборы на Тайване в ноябре 2018 г...]. Известно также, что КНР настаивает на подобном уточнении названия острова в каталогах крупных иностранных компаний (Marriott, Mercedes-Benz, Muji и др.), а в 2018 г. Пекин добился того, чтобы ведущие американские авиаперевозчики (Delta Air Lines, American Airlines и др.) на своих веб-сайтах указывали принадлежность Тайваня Китаю [Chou Chih-Chieh, p. 138]. Вопрос о выборе «правильного» названия для КР на международных спортивных соревнованиях оказался принципиальным и лишил тайваньский город Тайчжун права проводить в 2019 г. Восточноазиатские юношеские игры. Это решение принял Оргкомитет после того, как Пекин выразил обеспокоенность по поводу того, что тайваньские власти провели в 2018 г. референдум с предложением сменить название команды КР на планировавшихся Олимпийских играх в Токио-2020 с наименования «Китайский Тайбэй» на «Тайвань» [Chou Chih-Chieh, p. 138]¹⁰.

К числу экономических мер противодействия самостоятельной политике властей КР можно отнести ограничение потока китайских туристов на Тайвань – в течение первых двух месяцев с момента вступления Цай Инвэнь в должность президента турпоток был сокращен на 30%, в дальнейшем предприняты дополнительные меры – с августа 2019 г. под запрет попали индивидуальные туристические поездки жителей материка на Тайвань. Особое внимание Пекин уделяет предпринимателям из КР, которые работают на материке (т. н. *тайшан* 台商) – для них соз-

⁹ Речь идёт о принятии 30 июня 2020 г. в КНР закона об обеспечении национальной безопасности в Гонконге, согласно которому в этом административном районе создаются Комитеты национальной безопасности, напрямую подчиняющиеся Пекину. Принятие этого закона сопровождалось в Гонконге массовыми акциями протеста местных жителей.

¹⁰ Примечательно, что тайваньцы отклонили предложение о переименовании команды большинством голосов (55%), однако право проводить Восточноазиатские игры в 2019 г. КР не вернули [Дикарёв, Лукин, с. 128].

дают хорошие условия для ведения бизнеса в КНР, однако если они открыто высказываются в поддержку действующих тайваньских властей или заявляют о том, что разделяют идею независимости КР, их работа может быть серьезно затруднена [Duchâtel, p. 5]. На фоне явно про-западной политики ДПП и роста популярности идеи «тайваньской идентичности» на острове китайские власти стремятся привлечь молодежь Тайваня к учебе и работе на материке – Пекин предоставляет для них большие возможности для профессиональной реализации, рассчитывая, что это будет способствовать тому, что молодое поколение жителей Тайваня будет осознавать важность тесных связей острова с материком и не будет настроено антикитайски [Duchâtel, p. 5–6].

Вместе с тем, данные социологических опросов подтверждают неуклонный рост числа жителей КР, которые ассоциируют себя только с Тайванем: более 90% населения считают себя полностью или частично тайваньцами (т. е. идентифицируют себя как «тайваньцы», либо как «и тайваньцы, и китайцы»). Помимо этого около 70% жителей КР полагают, что Китай и Тайвань – два независимых государства, эту же идею разделяет большинство тайваньской молодежи. Именно молодое поколение и люди в возрасте до 40 лет, как считается, составляют основную долю населения, которая поддерживает идею сохранения статус-кво в Тайваньском проливе, разделяет либерально-демократические ценности и поддерживает ориентацию внешней политики КР на западные страны и Японию [Дикарёв, Лукин, с. 129–131].

Вопросы исторического прошлого в современных японо-тайваньских отношениях

Продолжение курса на демократизацию Тайваня под руководством Цай Инвэнь вновь выдвинуло концепцию «тайваньской идентичности» на передний план. Политика «декитайзации» (去中國化), начатая еще при президенте Чэнь Шуйбяне, так же как и раньше, ориентирована не только на ослабление торгово-экономической зависимости от КНР, но и на популяризацию идеи о том, что тайваньское общество является, по сути, мультикультурным и существенно отличается от китайского общества на материке. Проявлениями такой политики стали пересмотр учебников истории и школьных программ в целом, акцент на модернизаторской и просветительской роли японского колониального правления, отказ от празднования памятных дат китайской истории, вплоть до переименования некоторых ведомств и организаций, в которых содержалось слово «китайский» [Chou Chih-Chieh, p. 137; Hoppens, 2018b].

Активизация японо-тайваньских связей, политика «декитайзации», а также укоренение в сознании жителей Тайваня идеи о том, что КР следует в большей мере ориентироваться на сотрудничество с западными странами и Японией привели к тому, что проблемы исторического прошлого отошли на второй план. Признание Японией вины за агрессию в Азии в период Второй мировой войны, оценка ее внешней политики и преступных действий ее армии в период 1930–40-х гг., а также интерпретация итогов войны – все эти вопросы в последнее вре-

мя приобрели особую актуальность, являясь серьезным фактором, осложняющим отношения Японии со странами Восточной Азии (в первую очередь, с Китаем и Южной Кореей). В то же время на Тайване, который в первой половине XX столетия находился под колониальным управлением Японской империи (1895–1945 гг.), проблемы исторического прошлого в силу ряда факторов не приобрели большого значения и до сих пор практически не влияют на развитие традиционно дружественных японо-тайваньских отношений.

Вопрос о принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку, равно как и проблема компенсаций бывшим «женщинам для утешения» (т. н. *вэйаньфу* 慰安婦)¹¹, хотя и появлялись ранее на повестке двусторонних отношений, с приходом к власти Цай Инвэнь практически полностью утратили свое «внешнеполитическое измерение», перейдя на уровень общественных дискуссий, не выходящих за пределы острова. Хотя оба эти вопроса до сих пор формально остаются в КР открытыми, среди жителей Тайваня не сложилось однозначного подхода к их решению. В частности, нет консенсуса по проблеме *вэйаньфу* – в то время, когда часть общества стремится сохранять память о них, другая считает это пережитком прошлого и намеренным осложнением отношений между Токио и Тайбэем.

За последние несколько лет вопрос о компенсациях «женщинам для утешения» попытался решить Ма Инцзю в конце своего второго президентского срока. После того, как в конце 2015 г. было подписано японо-южнокорейское соглашение по проблеме «женщин для утешения», в котором Токио приносил дополнительные извинения и обязывался выплатить компенсации в размере 10 млн долл. США (1 млрд иен) [Дьячков, с. 78], президент КР обращался к японской стороне с просьбой заключить подобное соглашение и с Тайванем, однако Токио ответил, что ситуация с «женщинами для утешения» в Корее и на Тайване отличается принципиальным образом, давая понять, что японская сторона, по всей видимости, не намерена обсуждать этот вопрос с Тайбэем [Dreyer, p. 601]. На фоне некоторого усиления внимания к проблеме «женщин для утешения» при поддержке Тайбэйского фонда спасения женщин и Гоминьдана готовился к открытию музей, посвященный бывшим *вэйаньфу* – музей «Ама» 阿嬤家 (в переводе с тайваньского языка «ама» означает «бабушка» и употребляется при обращении к оставшимся в живых *вэйаньфу*). Музей, официально открытый в сентябре 2016 г., просуществовал всего четыре года и был закрыт в ноябре 2020 г. из-за финансовых сложностей в связи с малым числом посетителей, особенно в период пандемии COVID-19 [Тайваньский музей «женщин для утешения»...].

Действующие тайваньские власти и президент Цай Инвэнь до сих пор не озвучивали четкую позицию по вопросу «женщин для утешения», за что их нередко критикует оппозиция [Ма Инцзю пи Цай Инвэнь...]. Летом 2016 г. из уст премьер-министра КР Линь Цюаня (林全) прозвучали слова о том, что девушки, попадавшие в военные бордели японской армии, делали этот шаг осознанно. Это заявление, впрочем, нельзя считать официальной позицией властей, поскольку

¹¹ «Женщины для утешения» (т.н. *вэйаньфу* 慰安婦) – эвфемизм, которым принято обозначать женщин, принужденных работать в годы Второй мировой войны в публичных домах японской армии. Общее количество тайваньских *вэйаньфу* составляло примерно в 2 тыс. человек.

под давлением общественности он вскоре отказался от своих слов и принес извинения [Complicating Taiwan's love affair...]. Несомненно, далеко не все тайваньцы разделяют мнение Линь Цюаня по проблеме *вэйаньфу*, и память о них всё еще сохраняется в обществе, вместе с тем консенсуса по этому вопросу до сих пор нет. Очередным подтверждением такого явления стал инцидент со статуей *вэйаньфу*.

Бронзовая статуя «женщины для утешения» (девушка, изображающая *вэйаньфу*, стоит в полный рост, слегка прикрывая руками лицо) была установлена в Тайнани в августе 2018 г., на церемонии открытия памятника присутствовал бывший президент КР Ма Инцзю [Жи бэнь сяо чоу цзай тай вань...]. Статуя появилась на Тайване в период всеобщего внимания к проблеме *вэйаньфу* в тот момент, когда по всему миру стали возникать подобные памятники как реакция на заключенное между Японией и Южной Кореей соглашение, призванное окончательно урегулировать вопрос по поводу «женщин для утешения». Усилиями корейской диаспоры в 2016 г. были установлены копии сеульского памятника *вэйаньфу* в Сиднее и вблизи Лос-Анджелеса, в 2017 г. – в Пусане и в Сан-Франциско, в 2018 г. памятник местным «женщинам для утешения» появился на Филиппинах [Дьячков, с. 78–79].

Установка в Тайнани монумента в память о тайваньских *вэйаньфу* вызвала недовольство со стороны Токио. На самом же Тайване это событие трактовали неоднозначно – администрация Цай Инвэнь и ДПП открыто критиковали появление памятника, подчеркивая, что правительство не имеет к его установке никакого отношения, поскольку он был открыт на средства активистов. Представитель КР в Японии Се Чантин (謝長廷), критикуя Гоминьдан за помощь в установке памятника, заявил, что такие действия «портят дружественные японо-тайваньские отношения» [Жи дай бяо цзюо чуай вэй ань фу...; Жи бэнь сяо чоу цзай тай вань...].

Через месяц после открытия памятника Токио направил на Тайвань делегацию для обсуждения проблемы «женщин для утешения» – в Тайнань приехала группа из представителей японской организации народного движения за установление справедливости в отношении проблемы *вэйаньфу* (慰安婦之真相國民運動組織)¹², которые должны были урегулировать этот вопрос с местными властями (главным образом, с представителями Гоминьдана). Однако переговорам не суждено было состояться из-за инцидента, случившегося в канун запланированной встречи.

6 сентября 2018 г. один из членов японской делегации Фудзии Мицухико, проходя мимо бронзовой статуи, внезапно ударил ее ногой. Этот момент был запечатлен на камерах наружного наблюдения, более того, он попал в фото-отчет корреспондента, который оказался ровно в тот же момент рядом с памятником. Это совпадение позволило некоторым журналистам полагать, что это могло быть спланированной акцией – в сообщениях прессы писали о том, что «Фудзии позировал перед фотографами и ничуть не смутился тем, что его действия были зафиксированы корреспондентами». Запись с камер наблюдения почти сразу оказалась в сети интернета, инициатором этой публикации выступил депутат городского со-

¹² Организация, представляющая интересы консервативной части японского общества, была создана в 2013 г. Цель её создания – защита репутации Японии и восстановление положительного имиджа страны в связи с актуализацией вопросов исторического прошлого, в том числе, проблемы «женщин для утешения».

брания Тайнаня Се Лунцзе (謝龍介). Публикация получила множество откликов, а сам инцидент вызвал волну негодования среди местного населения.

Особое возмущение тайваньцев вызвала слишком сдержанная реакция ДПП на случившееся – М. Фудзии избежал наказания и смог беспрепятственно уехать с Тайваня через день после инцидента. Сам он не признал свою вину, однако за него принесла извинения организация, которая направила М. Фудзии на Тайвань в качестве переговорщика [На гэ цзяо чуай тай вань...]. 10 сентября группа активистов в Тайбэе направилась к зданию японского представительства (Ассоциации японо-тайваньских связей) с требованием от главы представительства Нумата Мацуо принести извинения за случившееся. Четверо из участников протестной акции облили здание краской, были зафиксированы случаи столкновения с полицией [Taipei says Japanese activist...]. Глава Ассоциации вышел к участникам акции и принял от них письмо с протестом, однако отказался давать какие-либо комментарии по поводу случившегося [A Japanese man appeared to kick...]. Каких-либо официальных заявлений со стороны японских властей также не последовало.

Критика действий японского представителя за пренебрежительное отношение к памяти о «женщинах для утешения» довольно быстро переросла в критику действующих властей. Отсутствие каких-либо официальных заявлений властей КР и самой Цай Инвэнь после произошедшего инцидента освещалось в некоторых СМИ как поражение правящей партии, которая не стала выступать с осуждением подобных действий. Властей обвиняли в коррумпированности, отсутствии национальной гордости и неспособности защитить интересы жителей Тайваня [Ма Инцзю пи Цай Инвэнь...]. К критике ДПП подключился и материковый Китай – представитель Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Ань Фэншань (安峰山) осудил действия японского представителя и призывал «соотечественников с Тайваня объединиться в борьбе против искажения исторических фактов и попыток оправдать преступления японского милитаризма» [На гэ цзяо чуай тай вань вэй ань фу...].

Несмотря на то, что инцидент с бронзовой статуей, очевидно, задел чувства многих тайваньцев, он не привел к каким-либо крупным акциям протеста, в то время как в СМИ нередко излагались противоположные друг другу подходы к проблеме «женщин для утешения» и перспективам урегулирования инцидента с памятником. Действующие власти, не проявив внимания к произошедшему, способствовали тому, чтобы дискуссии по вопросам исторического прошлого оставались на уровне общественных обсуждений, не выходящих на официальный уровень, и, тем более, на уровень внешнеполитической проблемы. Токио и Тайбэй, как и ранее, сохранили хорошие отношения, высокий уровень доверия друг к другу и тесное взаимодействие во многих отраслях.

Внимание к проблеме *вэйаньфу* внутри Тайваня на данный момент ограничивается ежегодными акциями памяти у тайнаньской бронзовой статуи «женщины для утешения» в Международный день памяти «женщин для утешения» (14 августа). В этих мероприятиях, как правило, принимают участие не только активисты, которые требуют от Токио извинений и компенсаций за преступные

действия Японии в военное время, но и представители Гоминьдана (постоянным участником проводимых акций является бывший президент КР Ма Инцзю) [814 го цзи вэй ань фу жи...].

Заключение

Эпидемия коронавирусной инфекции, охватившая в 2020 г. многие страны мира, несомненно, повлияла на социально-экономическую жизнь в этих государствах. Для Тайваня, который в сжатые сроки смог взять под контроль распространение инфекции, успехи в борьбе с COVID-19 открывают новые возможности – КР может активнее заявлять о себе на международных площадках, особенно в организациях социальной направленности (в т. ч. ВОЗ), и рассчитывать на развитие торгово-экономического сотрудничества с теми странами, с которыми до пандемии связи были не столь тесными. Пример эффективной борьбы с вирусом, продолжающийся экономический рост даже в условиях пандемии и значительная помощь, которую Тайвань оказал другим странам, положительно сказались на имидже КР в мире, став одним из важных факторов ее международной поддержки [МИД приветствует принятие Европейским парламентом...; МИД благодарит международное сообщество...]. На фоне того, как очевидные успехи Тайваня в борьбе с вирусом COVID-19 и готовность КР оказать помощь другим государствам встречают одобрение среди большинства стран мира, реакция Пекина на стремление КР к выходу на международные площадки под предлогом помочь справиться с эпидемией остаётся резко негативной – Китай продолжает блокировать попытки Тайваня в качестве отдельного от КНР региона принять участие в международной борьбе с COVID-19 (например, в рамках ВОЗ) [WPRO's "Taiwan, China" designation...].

Токио и Тайбэй оказали друг другу значительную помощь в борьбе с коронавирусной инфекцией – Япония на безвозмездной основе предоставила Тайваню 4,2 млн доз вакцины против COVID-19, Тайвань поставлял в Японию средства индивидуальной защиты [Открылась тайваньско-японская конференция...]. Помимо того, что в период эпидемии стороны обменивались опытом и координировали свои действия, японские авиаперевозчики предоставили тайваньцам возможность вернуться на родину в тот момент, когда границы многих государств уже были закрыты – так в конце мая 2020 г. на борту самолета компании Japan Airlines более 90 жителей КР смогли покинуть Москву и вернуться к себе домой [96 мин тай вань жэнь...]. Помимо этого Токио неизменно поддерживает Тайбэй в его стремлении принять участие в работе ВОЗ и передать другим странам опыт борьбы с вирусом [MOFA thankful for unprecedented global backing...].

Подводя итоги японо-тайваньского взаимодействия в период президентства Цай Инвэнь, можно сказать, что Япония и Тайвань продолжают двигаться по пути укрепления сотрудничества, причем их контакты все меньше становятся обременены ограничениями, вытекающими из неофициального статуса отношений. В числе основных факторов, которые способствовали значительному сближению

Токио и Тайбэя – осложнение американско-китайских и китайско-тайваньских отношений, стремление КР к более тесному взаимодействию со своими стратегическими партнёрами (США и Японией) и попытка заручиться их поддержкой на международной арене. Благоприятным образом сказалось и то, что политики, находившиеся у власти на Тайване и в Японии в период 2016–2020 гг. – как Цай Инвэнь, так и Абэ Синдзо – были настроены на продолжение укрепления связей между Токио и Тайбэем. За последние несколько лет именно Тайвань проявляет заинтересованность в более тесном сотрудничестве с Японией, поэтому власти КР, вероятно, смогут пойти на определённые уступки по проблемным вопросам двусторонних отношений (например, по вопросу окончательного снятия эмбарго на японские продукты) и вряд ли пойдут на обострение территориального спора с Токио по поводу принадлежности островов Дяюйдао/Сэнкаку или вопроса определения атолла Окинотори.

В целом, несмотря на то, что дипломатические контакты, торгово-экономические и культурные связи между Токио и Тайбэем значительно укрепились, японские власти пока еще не готовы напрямую контактировать с КР по вопросам безопасности, поскольку это может нанести серьёзный ущерб японо-китайскому сотрудничеству. Третьей стороной, которая продолжает играть ведущую роль в японо-тайваньском взаимодействии по вопросам поддержания безопасности в Тайваньском проливе, остаются США.

В условиях продолжающегося антагонизма между островной и материковой частями Китая и опоры внешнеполитической стратегии КР на идею противостояния «китайской угрозе», поддержка со стороны США становится для Тайбэя все более значимой. Вместе с тем, несмотря на то, что Тайвань действительно занимает важное место в продвижении американских интересов в АТР, некоторые эксперты считают, что в долгосрочной перспективе столь тесное американско-тайваньское взаимодействие невыгодно как для Тайбэя, так и для Вашингтона [Chou Chih-Chieh; DeLisle; Zuo]. В числе основных доводов в пользу прекращения активной поддержки Тайваня – вероятность втягивания США в конфликт в Тайваньском проливе и существенные потери из-за ухудшения отношений с КНР. Что касается самого Тайваня, то как полагают некоторые исследователи [Zuo, p. 161–162], КР играет скорее вспомогательную роль в глобальной стратегии Вашингтона в Азии и является лишь средством оказания давления на материковый Китай. В таком случае, незначительные перемены во внешнеполитической стратегии США могут принципиальным образом сказаться на всей системе внешнеполитических связей Тайваня, его статусе и роли в современном мире [Chou Chih-Chieh, p. 137, 144–145].

Осложнение отношений между берегами Тайваньского пролива при президенте Цай Инвэнь и очевидное смещение в приоритетах внешней политики КР в сторону США и Японии, а также политика «декитаизации» и культивирование среди жителей особой «островной идентичности», которая совмещает в себе элементы как китайской, так и японской традиции, обусловлены не столько стремлением сильно сблизиться с Японией, сколько желанием максимально отдалиться от материкового Китая. Поэтому тема исторического прошлого и, в частности, акцент на особой роли японского колониального правления в модернизации острова

стали важным аргументом, подтверждающим уникальность истории и культуры Тайваня, а значит, и определяющим перспективы его развития в качестве самостоятельного региона. В такой ситуации проблема «женщин для утешения», равно как и территориальный спор по поводу островов Дяюйдао/Сэнкаку, едва ли выйдут на уровень внешнеполитической проблемы и будут играть значимую роль в отношениях между Японией и Тайванем.

Список литературы

814 го цзи вэй ань фу жи Ма Инцзю пи Цай Инвэнь «гуан шо бу цзо» 814國際慰安婦日馬英九批蔡英文「光說不做」 (14 августа в Международный день памяти «женщин для утешения» Ма Инцзю критикует Цай Инвэнь за то, что она «не выполняет собственные обещания») / China Times. 14.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinatimes.com/realtimeneews/20200814002113-260407?chdtv> (дата обращения: 28.01.2022)

96 мин тай вань жэнь чэн жи хан фэй цзи чэ ли э ло сы 96民台湾人乘日航飞机撤离俄罗斯 (96 тайваньцев на борту самолета Japan Airlines выехали из России) / Livejapan.cn. 27.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.livejapan.cn/news/news_between/20200527/27731.html (дата обращения: 17.03.2021).

Визит американских сенаторов на Тайвань вызвал обострение ситуации вокруг острова / РБК. 18.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/18/625968a69a79472f829b799c> (дата обращения: 01.05.2022).

Выборы на Тайване в ноябре 2018 г.: победа Пекина или просчёт администрации Цай Инвэнь? / Сайт РСМД. 10.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/danil-bochkov/34473/> (дата обращения: 09.01.2021).

Дикарёв А. Д., Лукин А. В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // Сравнительная политика. 2021. № 1. С. 118–133.

Дьячков И. В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

Жи бэнь сяо чоу цзай тай вань ти «вэй ань фу» тун сян, ши шэй гэи та де дань цзы 日本小丑在台湾踢“慰安妇”铜像，是谁给他的胆子 (Где набрался смелости тот негодяй из Японии, который пнул на Тайване бронзовую статую «женщины для утешения») / Sohu.com. 12.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/253381541_521483 (дата обращения: 09.01.2021).

Жи дай бяо цзюо чуай вэй ань фу ту пьань бао гуан 日代表脚踏慰安妇图片曝光 (Опубликованы фотографии, подтверждающие тот факт, что японский представитель ударил ногой статую «женщины для утешения») / hxnews.com. 10.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hxnews.com/news/gj/gjxw/201809/10/1608601.shtml> (дата обращения: 09.01.2021)

Канцелярия президента приветствует продажу Соединёнными Штатами Тайваню новейшего пакета вооружений / Тайваньская панорама. 09.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=214631&unit=133&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=Последние+известия+textlink (дата обращения: 01.05.2022).

Киреева А. А. Роль и место Китая в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. В кн.: А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов (ред.) Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Аспект Пресс. 2019а. С. 212–262.

Киреева А. А. Тайваньский вопрос. В кн.: А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов (ред.) Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Аспект Пресс. 2019б. С. 79–118.

Киреева А. А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47.

КНР выразила протест из-за прохода эсминца США в Тайваньском проливе / РИА Новости. 27.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20220427/esminets-1785653122.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.05.2022).

КНР проводит военные учения рядом с Тайваньским проливом / Информационное агентство ТАСС. 18.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9490869> (дата обращения: 06.02.2021).

Ма Инцзю пи Цай Инвэнь дуй жи бэнь жуань жо: и юй «вэй ань фу» вэнь ти цзю бянь я ба 马英九批蔡英文对日本软弱: 一遇“慰安妇”问题就变哑巴 (Ма Инцзю критикует Цай Инвэнь за ее излишнюю уступчивость по отношению к Японии: всякий раз, сталкиваясь с проблемой «женщин для утешения», президент КР теряет дар речи) / Finance.sina.com. 14.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-08-14/doc-ihytcern0845906.shtml> (дата обращения: 09.01.2021).

МИД благодарит администрацию Байдена за поддержку Тайваня / Тайваньская панорама. 15.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://taipanorama.tw/news.php?unit=133&post=216204&unitname=Последние-известия-Политика&postname=МИД-благодарит-администрацию-Байдена-за-поддержку-Тайваня> (дата обращения: 22.03.2022)

МИД благодарит международное сообщество за поддержку участия Тайваня в деятельности ООН / Тайваньская панорама. 06.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://taipanorama.tw/news.php?unit=133&post=186639&unitname=Последние-известия-Политика&postname=МИД-благодарит-международное-сообщество-за-поддержку-участия-Тайваня-в-деятельности-ООН> (дата обращения: 17.03.2021).

МИД приветствует визит на Тайвань бывшего премьер-министра Японии Мори и членов возглавляемой им делегации / Тайваньская панорама. 21.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=185649&unit=133&utm_source=Taiwan%20Info%20&utm_medium=email&utm_content=Последние%20известия%20textlink (дата обращения: 09.01.2021).

МИД приветствует принятие Европейским парламентом резолюций в поддержку Тайваня / Тайваньская панорама. 26.01.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=193265&unit=133&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=Последние+известия+textlink (дата обращения: 17.03.2021)

МИД приветствует продажу Соединёнными Штатами Тайваню новейшего пакета вооружений / Тайваньская панорама. 09.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=190551&unit=133&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=Последние+известия+textlink (дата обращения: 06.02.2021).

Министр иностранных дел У высказывается об отношениях Тайваня с США и Китаем в видеоинтервью испанской газете “Diario ABC” / Тайваньская панорама. 04.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=188411&unit=133&utm_source=Taiwan%20Info%20&utm_medium=email&utm_content=Последние%20известия%20textlink (дата обращения: 06.02.2021).

На гэ цзюо чуай тай вань вэй ань фу сянь дэ жи бэнь жэнь бэй со шу цзюо чжи пао ци 那个脚踹台湾慰安妇像的日本人被所属组织抛 (Уволен со своего места работы тот японец, который ударил ногой статую «женщины для утешения» на Тайване) / Taiwan.huanqiu.com. 13.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnKcz1d> (дата обращения: 17.03.2021).

Открылась тайваньско-японская конференция по торгово-экономическим вопросам / Тайваньская панорама. 13.01.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=213610&unit=134&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=%D0%D1%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%8F+textlink (дата обращения: 01.05.2022).

Переименование тайваньской ассоциации по связям с Японией / News.intaiwan.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://news.intaiwan.ru/переименование-тайваньской-ассоциации/> (дата обращения: 06.02.2021).

Помпео назвал “военным блефом” учения КНР близ Тайваня в ответ на визит своего зама / Информационное агентство Интерфакс. 18.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/727674> (дата обращения: 06.02.2021)

Президент Цай даёт официальный старт программе строительства тайваньских субмарин / Тайваньская панорама. 26.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=189840&unit=133&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=Последние+известия+textlink (дата обращения: 06.02.2021).

Президент Цай обязуется хранить и развивать наследие покойного президента Ли / Тайваньская панорама. 22.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=185799&unit=133&utm_source=Taiwan%20Info%20&utm_medium=email&utm_content=Последние%20известия%20textlink (дата обращения: 09.01.2021).

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 336 с.

Пэн пэй ао юй мэй го ли цзи вай цзяо чэн жэнь тай вань 蓬佩奧籲美國立即外交承認台灣 (Помпео призвал США как можно скорее официально признать Тайвань и установить с ним дипломатические отношения) / China Times. 04.03.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinatimes.com/realtimenews/20220304003693-260409?chdtv> (дата обращения: 22.03.2022)

Сделка прошла онлайн: 15 стран Азии договорились о зоне свободной торговли / Российская газета. 15.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/11/15/v-azii-podpisano-besprecedentnoe-ekonomicheskoe-soglashenie.html> (дата обращения: 06.02.2021).

Стрельцов Д. В. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея. В кн. : А. В. Торкунов, Д. В. Стрельцов (ред.) Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.

Стрельцов Д. В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседами: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

Тайвань корректирует ограничения на импорт продовольствия из Японии / Тайваньская панорама. 10.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://taipanorama.tw/news.php?post=214698&unit=133&utm_source=Taiwan+Info+8&utm_medium=email&utm_content=Последние+известия+textlink (дата обращения: 09.01.2021)

Тайвань протестует против переименования Японией островов Дяоютай / Русская служба Международного Радио Тайваня (МРТ). 15.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93260?fbclid=IwAR2dVcrqdf48cNYYVNVJa97SCgSjNMikyRyoFszkK9xY2Xal1yAJBUwGD18#.XudThiKy1Ls.facebook> (дата обращения: 09.01.2021).

Тайваньский музей «женщин для утешения» закроется в связи с финансовыми трудностями / Русская служба Международного Радио Тайваня (МРТ). 07.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.rti.org.tw/news/view/id/93326?fbclid=IwAR1i9C13zrUjiTodqlGczXe4QyU4i6h155s2LXW_EVlmsejD2TZEWo7hPU#.XwRC9yKw_5k.facebook (дата обращения: 15.07.2020).

Тай вань цзяо лю фэн хуэй цзя хэ сюань янь: цу дин тай жи цзяо лю цзи бэнь фа 台日交流峰會加賀宣言 促訂台日交流基本法 (Декларация по итогам японо-тайваньского саммита в г. Кага: необходимо принять основной закон, который будет регламентировать взаимодействие Японии и Тайваня) / CNA. 27.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cna.com.tw/news/aor/202010260318.aspx> (дата обращения: 17.03.2021).

Тай жи гуань си шэн вэнь 台日關係升溫 (Уровень японо-тайваньских отношений повышается) / 自由时报 Цзы ю ши бао. 25.03.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/2016048> (дата обращения: 09.01.2021)

Ти чан жи бэнь бань «тай вань гуань си фа» жи и юань: тай вань цзяо бу кэ бэй чжун го бин тунь 提倡日本版「台灣關係法」 日議員：台灣絕不可被中國併吞 (Японский парламентарий выступил с инициативой принятия в Японии «Закона об отношениях с Тайванем»: Тайвань ни в коем случае не должен быть поглощён Китаем) / 自由时报 Цзы ю ши бао. 19.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/breakingnews/2763940> (дата обращения: 17.03.2021)

Чжун го нэй ди цзюй минь фу тай цзы ю син цзань тин 中国内地居民赴台自由行暂停 (Жителям материкового Китая запрещено совершать индивидуальные туристические поездки на Тайвань) / Синь лан цай цзин. 01.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-08-01/doc-ihytcitm6050438.shtml> (дата обращения: 17.03.2021).

1st locally built fast minelayer launched in Taiwan / Taiwan today. 05.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=2&post=182648&unitname=Politics-Top-News&postname=1st-locally-built-fast-minelayer-launched-in-Taiwan> (accessed 06.02.2021).

Abe meets with Taiwan envoy at APEC summit despite warning from Xi / The Japan Times. 12.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/11/12/national/politics-diplomacy/abe-meets-taiwanese-lawmaker-apec-summit-vietnam-despite-warning-xi/> (accessed 09.01.2021).

A Japanese Man Appeared To Kick A Statue Dedicated To “Comfort Women” In Taiwan And People Are Pissed / BuzzFeed.News. 10.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/williamyang/taiwan-comfort-women-statue> (accessed 17.03.2021).

Association of East Asian Relations Changes Name to Taiwan-Japan Relations Association Starting May 17 / Ministry of Foreign Affairs NGO Bilingual Website. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taiwanngo.tw/p/404-1000-31943.php?Lang=en#:~:text=Association%20of%20East%20Asian%20Relations%2C%20established%20Dec.,relationship%20between%20the%20two%20countries> (accessed 06.02.2021).

Chen E. S. Japan's Practical Taiwan Policy. What's driving Japan's outreach toward Taiwan? // *The Diplomat*. 14.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2017/04/japans-practical-taiwan-policy/> (accessed 07.11.2020).

Chen urges Japanese 'Taiwan relations act' / *Taipei Times*. 31.10.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2006/10/31/2003334112> (accessed 17.03.2021).

Chou Chih-Chieh. Contending notions of the Cross-Strait status quo in Taiwan and across the Strait: impacts on U.S. – Taiwan relations // *The China Review*. 2018. 18(3). P. 121–148.

Complicating Taiwan's love affair with Japan / *The Japan Times*. 03.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2016/09/03/commentary/complicating-taiwans-love-affair-japan/> (accessed 09.01.2021).

DeLisle J. United States-Taiwan relations: Tsai's presidency and Washington's policy // *The China Review*. 2019. 18(3). P. 13–60.

Despite electoral landslide, 'new era' of Sino-Japanese ties strikes fear into the hearts of Taiwan's leaders / *Japan Times*. 12.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/01/12/national/politics-diplomacy/taiwan-tsai-ing-wen-election-japan-china-communist-party/> (accessed 17.03.2021).

Dickey L. Taiwan matters: Taipei's role in expanded US-Japan relations. In: B. Glosserman, J. Gardner, S. Brandt (eds) *A new era for cooperation: next generation views of the US-Japan Alliance*. Pacific forum CSIS. Issues and Insights. 2016. 16(18). P. 1–16.

Dreyer J. T. Taiwan and Japan in the Tsai era // *Orbis*. 2016. 60(4). P. 592–608.

Duchâtel M., Drun J., et al. Taiwan between Xi and Trump. Report. European Council on Foreign Relations. 2017. [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/resrep21522 (accessed 09.01.2021).

Foreign ministry supports name change / *Taipei Times*. 29.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2016/12/29/2003662107> (accessed 06.02.2021).

Japanese deputy minister visits Taiwan / *Taiwan News*. 25.03.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3125546> (accessed 09.01.2021).

Hoppens R. Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in historical context. In: A. Arthur (ed.) *Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations*, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV. Washington D. C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2018a. P. 49–64.

Hoppens R. Contemporary Japan-Taiwan Relations in Historical Context. *Asia Dialogue*. University of Nottingham Asia Research Institute. July 13. 2018b. [Электронный ресурс]. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/07/13/contemporary-japan-taiwan-relations-in-historical-context/> (accessed 07.11.2020).

Hsiao R. Former US, Japanese, and Taiwan Officials Call for Enhanced US-Japan-Taiwan Ties // *The Global Taiwan Brief*. 2019. Vol. 4. Is. 11. [Electronic resource]. URL: <https://globaltaiwan.org/2019/06/vol-4-issue-11/> (accessed 17.03.2021).

Hsiao R. Kaga Declaration: Growing Calls for a Japanese Taiwan Relations Act // *The Global Taiwan Brief*. 2020. Vol. 5, Is. 21. [Electronic resource] URL: <https://globaltaiwan.org/2020/11/vol-5-issue-21/> (accessed 17.03.2021).

Like the U.S., Japan Should Have Its Taiwan Relations Act / *Japan-forward.com*. 28.06.2018. URL: <https://japan-forward.com/like-the-u-s-japan-should-have-its-taiwan-relations-act/> (accessed 17.03.2021).

MOFA thankful for unprecedented global backing of Taiwan's WHA bid / *Taiwan Today*. 16.11.2020. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=2&post=189046&unitname=Politics-Top-News&postname=MOFA-thankful-for-unprecedented-global-backing-of-Taiwan's-WHA-bid> (accessed 17.03.2021).

PM Suga's Choice of Defense Minister Signals a Taiwan-Friendly Administration / *Japan Forward*. 07.10.2020. URL: <https://japan-forward.com/pm-sugas-choice-of-defense-minister-signals-a-taiwan-friendly-administration/> (accessed 09.01.2021).

President Tsai holds videoconference with ex-Japan PM Abe, pledges to strengthen bilateral ties / *Taiwan Today*. 24.03.2022. URL: https://taiwantoday.tw/news.php?post=216664&unit=2&utm_source=Taiwan+Info+1&utm_medium=email&utm_content=Politics+textlink (accessed 01.05.2022).

President Tsai meets Japanese House of Representatives Member Nobuo Kishi / Сайт Администрации президента Китайской Республики. 12.01.2020. URL: <https://english.president.gov.tw/News/5955> (accessed 09.01.2021).

Press Conference by the Chief Cabinet Secretary (Excerpt) / Prime Minister of Japan and his Cabinet. 20.05.2016. URL: http://japan.kantei.go.jp/tyoukanpress/201605/20_p.html (accessed 06.02.2021).

Strong but constrained Japan-Taiwan ties / *Brookings.edu*. 13.03.2018. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/strong-but-constrained-japan-taiwan-ties/> (accessed 17.03.2021)

Swanström N., Heck L. Taiwan-Japan (Unofficial) Relations: In a Sea of Troubles. Institute for Security and Development Policy. Issue and Policy Briefs. June, 2020. URL: <https://isd.eu/publication/taiwan-japan-unofficial-relations-sea-troubles/> (accessed 09.01.2021).

Taipei says Japanese activist kicking 'comfort woman' memorial was unacceptable / South China Morning Post. 11.09.2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2163737/taipei-says-japanese-activist-kicking-comfort-woman-memorial> (accessed 17.03.2021).

Taiwan aims to be eligible to join CPTPP before Beijing, but 'must revisit Japan food ban' / South China Morning Post. 14.12.2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3113901/taiwan-aims-be-eligible-join-cptpp-beijing-must-revisit-japan> (accessed 06.02.2021).

Taiwan ban on Japanese food looks set to stay / The Japan Times. 08.12.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/12/08/asia-pacific/taiwan-ban-japanese-food/> (accessed 06.02.2021).

Taiwan, Japan sign marine emergency and rescue operations MOU / Focus Taiwan. 20.12.2017. URL: <https://focustaiwan.tw/politics/201712200009> (accessed 09.01.2021).

Taiwan is 'extremely' important, Japan's diplomatic guideline says / Nikkei Asia. International relations. 20.05.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Taiwan-is-extremely-important-Japan-s-diplomatic-guideline-says> (accessed 17.03.2021).

Taiwan president Asserts Sovereignty Over Disputed Islands Claimed by Japan and China / The Diplomat. 26.06.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/06/taiwan-president-asserts-sovereignty-over-disputed-islands-claimed-by-japan-and-china/> (accessed 09.01.2021).

Taiwan president Tsai Ing-wen urges world to 'constrain' China / Japan Times. 25.06.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/06/25/world/taiwan-president-tsai-ying-wen-urges-world-constrain-china/#.XL07aehKg2w> (accessed 20.02.2020).

Taiwan's ban on Japan's Fukushima food hindering CPTPP bid: minister (Interview) / Focus Taiwan. 19.11.2020. <https://focustaiwan.tw/politics/202011190017> (accessed 06.02.2021)

Taiwan's Tsai Ing-wen begins her second term amid a pandemic. Round table (J. deLisle, J. T. Dreyer, V. Wei-Cheng Wang, T. J. Shattuck) / Foreign policy research Institute. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/05/taiwans-tsai-ing-wen-begins-her-second-term-amid-a-pandemic/> (accessed 09.01.2021).

Taiwan votes to keep ban on foods from Fukushima disaster areas for 2 more years / Mainichi Japan. 26.11.2018. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20181126/p2a/00m/0na/023000c> (accessed 06.02.2021).

Tsai, Abe's mother enjoy NHK concert in Taipei / Focus Taiwan. 06.03.2016. URL: <https://focustaiwan.tw/culture/201606030036> (accessed 06.02.2021).

Tsai Ing-wen's describes Japan trip as 'fruitful' / Taiwan News. 09.10.2015. URL: <https://www.taiwan-news.com.tw/en/news/2817473> (accessed 06.02.2021).

Tsai lauds inaugural flight of indigenous advanced jet trainer / Taiwan Today. 23.06.2020. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=2,6,10,15,18&post=179984> (accessed 17.03.2021).

U.S. should recognize Taiwan, former top diplomat Pompeo says / Reuters. 04.03.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/us-should-recognise-taiwan-former-top-diplomat-pompeo-says-2022-03-04/> (accessed: 22.03.2022).

US law bans 'inaccurate' Taiwan maps / Taipei Times. 13.03.2022. URL: <https://www.taipetitimes.com/News/front/archives/2022/03/13/2003774680> (accessed: 22.03.2022).

WPRO's "Taiwan, China" designation protested by MOFA / Taiwan Today. 28.01.2021. URL: https://taiwantoday.tw/news.php?post=193400&unit=2&utm_source=Taiwan+Today+EN+1&utm_medium=email&utm_content=Politics+textlink (accessed 17.03.2021).

Xi touts 'new era' of China-Japan ties in shadow of Trump / Nikkei Asia. International relations. 23.12.2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Xi-touts-new-era-of-China-Japan-ties-in-shadow-of-Trump> (accessed 17.03.2021).

Zuo Y. The U. S. global strategy and its Taiwan policy // The China Review. 2018. 18(3). P. 149–176.

The article was submitted on 3.05.2022

AXIOLOGICAL BASIS FOR RUSSIA'S AND CHINA'S MANAGEMENT MODEL

Abstract. In recent years, Russia and China have cooperated in various fields such as economy and trade, investment, energy, technological innovation, humanities and localities, and the trade volume has continued to grow. However, there are still many problems in actual cooperation. For example, cultural differences and diverse understandings of business activities lead to misunderstandings or frustrated meetings. It's necessary to study and analyze the similarities and differences between the management models of the two countries. The Russian and Chinese management models have common and special, which relate to geography, culture, climate, and history of the country. For intercultural communication, mutual understanding is very important. If only consider your own culture is "correct", while everyone else seems strange, "uncivilized" or underdeveloped, which makes it difficult to understand the behavior of others and hinder business cooperation. The study relies on the method of comparative analysis and focuses on universal human values, respective features of stereotypes of common behaviors and patterns of life, and comparative aspects of Russian and Chinese management models. The research results can be used to understand cooperation issues in real business cases, and can help businesspersons find the best partner in any business cooperation field between Russia and China. Thus, the paper can be of interest to investors and business activists of the two countries.

Keywords: Russia's management model, China's management model, business cooperation, economy of region, regional cooperatives, cross – culture aspect, axiological basis of management model

Чжан Цзюнь, Лу Цзяцзинь

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В последние годы Россия и Китай сотрудничают в различных сферах, таких как экономика и торговля, инвестиции, энергетика, технологические инновации, гуманитарная и региональная наука. Объем торговли продолжает расти, однако в реальном сотрудничестве еще много проблем. Например, культурные различия и разница в подходах как вести бизнес приводят к недопониманию или несостоявшимся встречам. Необходимо изучить и проанализировать сходства и различия между моделями управления бизнесом двух стран. В российской и китайской модели менеджмента есть общее и различное, это связано с географией, культурой, климатом и историей стран. Для межкультурной коммуникации взаимопонимание очень важно. Если исходить из того, что лишь собственная культура – “правильная”, остальные – неизбежно окажутся “странными”, “нецивилизованными” и т. д., что затрудняет понимание поведения других народов и препятствует деловому сотрудничеству. Это исследование опирается на метод сравнительного анализа и фокусируется на общечеловеческих ценностях, соответствующих особенностях стереотипов общего поведения и образа жизни, а также на сравнительных аспектах российской и китайской модели управления. Результаты исследования могут быть использованы для понимания вопросов сотрудничества в реальных бизнес-кейсах и могут помочь бизнесменам найти лучшего партнера в любой сфере деятельности между Китаем и Россией. Таким образом, эта статья может быть интересна инвесторам и бизнес-активистам двух стран.

Ключевые слова: китайская модель управления, российская модель управления, деловое сотрудничество, региональная экономика, региональные кооперативы, кросс-культурный аспект, ценностные основания модели управления

Introduction

According to China's statistics, China-Russia bilateral trade value fell slightly to USD107.77 billion in 2020, passing the mark of USD 100 billion for three consecutive years. Russian and Chinese bilateral trade is characterized by the following features: First, closer trade cooperation and stronger momentum for steady growth of trade. Robust growth in imports of commodities from Russia to China, such as oil, gas and iron ore. Second, emerging new growth points. In 2020, agricultural trade value hit a record high of USD 5.55 billion. The "stay-at-home economy" has greatly driven up exports of electronic products to Russia, with laptops, tablet PCs up by 39% and 29% respectively. There are also highlights in areas other than trade. China-Russia east-route natural gas pipeline has been put into use. The two sides have made positive progress in cooperation on 5G, cloud services, smart travel, etc¹.

With the onset of the 21st century, the regions of Russia and China have accelerated their way toward each other and strengthen relationships, first of all, economic relationship. With the growth of bilateral trade volume and the improvement of foreign trade laws and regulations, more and more businessmen want to engage in Russian-Chinese trade. First of all, the problems of interaction between Russian and Chinese companies are intercultural communication currently. Many Russian businessmen say that the Chinese are very difficult negotiators, who are very tough in defending their interests. And many Chinese are afraid of the Russian business climate. Many inexperienced business people lose confidence in international trade because they do not understand the characteristics of the management model of both parties, and miss cooperation opportunities, or waste time and money. [Garcia-Herrero, p. 389]. Therefore, it is necessary to study the axiological basis for Russia's and China's management model.

In this study, our goal is to analyze the similarities and differences between the management models of Russia and China, as well as give some suggestions to help businesspersons to find the best partner in any business cooperation field between Russia and China.

This paper focuses on the following objectives:

- To describe Russia's and China's universal human values for mutual understanding;
- To analyze the respective features of stereotypes of common behaviors and pattern of life between Russia and China;
- To show Comparative aspects of Chinese and Russian management models.

Theoretical background

Regarding Russia's management model, a significant body of research has been accumulated. Russian scholars focused on Russia's specificity. Novitskaya, O. and Brewster, C. [Novitskaya, Brewster] demonstrated that the impact of national context effects on HRM practices in Russian subsidiaries of western MNCs. They think Russian

¹ News from Ministry of Commerce People's Republic of China. January 31, 2021. <http://english.mofcom.gov.cn/article/pressconferencehomepage/biandmultirelations/202102/20210203037297.shtml>.

market potential is very attractive for foreign investors. However, dealing with Russian culture and institutions has proved problematic for many foreign investors.

Sergeeva A. V. [Sergeeva, 2017] analyzed Russian mentality relies on personal experience and the data of historians, ethnographers, psychologists, statisticians, and compared with other nations. Then, Sergeeva A. V. [Sergeeva, 2020] discussed how have globalization and the “market” influenced Russians. She thinks that after 20 years of the hurricane changes some “Russianness” was preserved, and some changed.

Regarding China’s management model, scholars are also concerned about new management model under the influence of traditional culture and globalization. McGregor, J. [McGregor] emphasized that nothing is as it seems and nothing about doing business in China is easy. Foreigners must have a deep understanding of Chinese traditions, values, and the most urgent desires in order to find the key to do business in China.

Ge, R. J. [Ge Rongjin] researched the influence of Confucianism on the management mode of today’s China. Confucianism advocates flexible management thinking, focusing on “humane management”, “management in pleasure” and “personalized management”. Jie, T., & Ward, A. [Jie T.] contended that Chinese management has experienced a dramatic change in recent years. In many areas, established ideas about how Chinese management operates are oversimplified and outdated.

Of course, many scholars have also devoted themselves to studying the differences and similarities of Russian and Chinese management models. Li, W. [Li Wei] carried out a study on the cognition and identification of Chinese culture and values among the Russian people. He tried to show the image of Chinese businessmen in Russia in multiple dimensions and provided some thoughts and suggestions. Garcia-Herrero, A., & Xu, J. W. [Garcia-Herrero] examined quantitative data to evaluate bilateral trade and investment activities in a comparative context, and projected future trends in Chinese-Russian economic relations.

There are many studies aiming to analyze Russia’s and China’s management model and their axiological basis. This question, however, still remains open to debate. In order to discuss the axiological basis for Russia’s and China’s management model, we should look at the dynamics of their management model, which will be intended in this article.

Method and Data

The study relies on the method of comparative analysis. It compares the similarities and differences between the management models of the two countries. The rest of this paper is organized as follows. The research goes through the following three stages. At the first stage, the paper analyzes Russia’s and China’s universal human values for mutual understanding. At the second stage, the respective features of stereotypes of common behaviors and pattern of life between Russia and China are described. At the third stage, this paper shows comparative aspects of Chinese and Russian management models. At the end, this article gives some suggestions to people engaged in business between the two countries to make them more comfortable in actual practice.

The economic data in this paper are publicly available, they are obtained from Ministry of Commerce People's Republic of China. The data on China-Russia bilateral trade value, agricultural trade value, exports of electronic products. In addition, the study examines the information from the official media portals – Sputnik and Xinhua News Agency.

Results

China is undoubtedly an Eastern country and belongs to the family of Eastern civilization. Russia is a Eurasian country, and a large part of Russian culture is influenced by Eastern civilization. Therefore, Russia and China have a lot of universal human values, and understanding these can build a foundation for mutual ideals and communication.

Universal human values for mutual understanding

The text describes a set of behavioral models, which are able to unite Russian with the Chinese and can be used for mutual understanding. It helps you have empathy and stop wasting time and money on “strange” foreign behavior. And find a balance point in the business meeting.

Collectivism

Since ancient times, China has been a collectivist country. There is no doubt about this. Russian society has undergone tremendous changes in the past 30 years. Although many people think that Russia is no longer a collectivist society in the traditional sense, the two countries still have a lot of common characteristics in this aspect.

The Orthodox Church has a very special nature, that is, its cohesion, which fundamentally determines the collectivist spirit of the Russian nation. [Yuan Shuizhi, p. 102] For Russian, recognition from people around it is very important, public opinion (the world, society, colleagues, or friends) is their guideline of action.

Russian believe that a group of people united by joint activities is not always collective. True collectivism involves not only cooperation and mutual assistance, but also general recognition of the group and the separability of each member. This means that personal goals should coincide with the target of each team member. or Russians, the concept of “company like family” is not quite typical. In Russian companies, individualism has its specifics and is represented by groups with individualistic behavior, which is associated with their history and with the habit of protecting personality. [Sergeeva, 2017, p. 155].

China has been part of the collectivist camp throughout its long history. Such societies are generally characterized by participation in intensive social interaction that affords little privacy, leading to a corresponding stress on the need to maintain harmony. Open confrontation is considered impolite and flat refusal is replaced by delay or “yes” [Piskunova]. Harmony is considered an important element in human relationships. Another feature of the Chinese mentality is the priority of the general over the particular. In China, everyone works for the collective interests and prosperity of the group. Usually, Chinese company maintains a team spirit and organizes corporate events.

Colleagues willingly strike up friendly relations, invite each other to go home, go on joint trips together, or and give others gifts on special days. They are interested in each other's personal lives, health, and other existence. We see the managerial pragmatism of Confucianism as follows: Among employees, it is necessary to form a conscious attitude to work, the atmosphere of “home” and “family” in the company [Wang B.]. In some companies, leaders even know the birthday and family status of their employees. Therefore, colleagues are already used to taking care of each other.

Nepotism

In any field of activity in Russia, you can meet numerous nepotisms. Any nepotism can only be penetrated through “their own people” – relatives, friends, or classmates. This is called “to have the connection” (иметь в связь, иметь блат) and “to have the hand” (иметь руку). If suddenly one person gets in trouble, then his “own people” always help him. Cohesion and the sense of conformism among Russians, in practice, leads to the tacit mutual responsibility of all members of society.

Interestingly, collective cohesion and collective responsibility are also manifested in Russian state institutions. For example, it is possible to hide income, to avoid paying taxes. The accountant can present the financial report “in the best possible way” [Sergeeva, 2020, p. 155].

The Chinese people love to work with “their people”. For bosses, it is generally accepted to hire relatives or friends, even if they are mediocre specialists. Leaders always think: “I trust my family absolutely; my confidence in friends and acquaintances has been established and invested, but about nobody else will you make assumptions concerning their goodwill” [Ge Rongjin].

In large companies, this problem is not so obvious, but in general, it is also observable in small companies, like family businesses. In China, nepotism is closely intertwined with the concept of “guanxi”. This is the establishment of mutually beneficial ties and the exchange of interests between people of the same social status. Obviously, guanxi extends to all spheres of life of Chinese people, but it has special power in the business field [Wang B].

Wine culture and drunkenness

Love for strong drinks in Russia is traditional and well-known. Firstly, this is due to the cold climate: alcohol warms up the body appreciably on cold days. Secondly, there are psychological reasons for Russian drunkenness – the anesthetic effect of alcohol. For centuries, the Russian was looking for oblivion for problems. Alcohol can release a person from the pressure of obligations to society, and enhance “love of freedom”. Thirdly, the Russians' long-standing habit of alcohol will inevitably affect you if you are going to do business in Russia. For Russia, “business drunkenness” was typical. People who did not drink felt like outcasts or strangers in the collective. Knowing who you “should drink” with, being able to organize “your own circle” and being “on the board” can promote your career advancement. If a person had any problems, the members of “his circle” can help him.

Drunkenness just “for fun” has always been condemned, and the ability to keep a clear mind after drinking was highly valued as special manhood. By the way, Russian need to drink in company. Drinking alone like a drunkard cannot get respect [Sergeeva, 2017, p. 192].

When many foreigners start living or doing business in China, they accidentally discover that Chinese people drink a lot. Firstly, in China, since ancient times, catering has played an extremely important social function. In addition to singing and dancing performances throughout the banquet activities, it is wine. Secondly, the Chinese are implicit and accustomed to concealing their emotions. Most people think only at the alcoholic table that they can express their feelings. Therefore, many business meetings will be selected at the wine table. Chinese businessmen who are well-drunk expect to inquire about more business details by persuading alcohol, and by flattering others to inquire about information when they relax vigilance. Thirdly, Chinese wine culture is an instrument to build trust. If you listen to me and drink the wine obediently, then I can trust you, then I can do business with you. After three cups of wine, people can show their true thoughts quickly, and the cost is very low in terms of time and economy.

Nowadays, most young people hate the wine culture and don't like to participate in the wine bureau. But “Beggars can't be choosers”. It is very common for superiors to persuade subordinates to drink in the company's wine bureau. Toasting has become the respect for others, and not accepting persuasion is to look down on others. Many Chinese sacrifice their health to gain recognition and recognition from others. Most Chinese only use wines as the medium to communicate, and few people like wine tasting [Li Wei].

Respective features of stereotypes of common behaviors and pattern of life

The Russians and the Chinese have many of the same values, which can help communicate and understand each other. Conversely, they also have their unique behaviors and management models. In a word, when describing the life of any nation, only one approach is fruitful – “human-centered”, it should focus on the person, his self-consciousness and worldview, and his mentality. [Sergeeva, 2020, p. 5]. The pattern of life in different countries always depends on particular conditions, climate, geography, culture, and many other factors. We can say that each nation is exceptional since each country has gone its way and is not like others [Sergeeva, 2017, p. 6].

Russians' features of their social behavior

In recent years, there has been a growing interest in Russians. Foreigners know about “Mystifying Russian soul”, and some Russians accept this wording. It is known that in the West the Slavs are perceived as incomprehensible and unpredictable people. Many Chinese believe that Russians are the fighting nation (zhan dou ming zu). And in general, what is Russia: East or West? Moreover, the main thing is not the geographical position of Russia, but the mentality of Russians. Can we find the key to the code of the Russian characters? Thus, the article will introduce some unique and typical behaviors and mindsets of Russians [Sergeeva, 2017, p. 6].

1. Contradictoriness, mysticism and extremeness

As the Russian religious philosopher Berdyaev said: “The dual beliefs of Russians—Eastern Orthodox beliefs and polytheistic beliefs can explain the many contradictions of the Russian nation. Russians live under the influence of two cultures. The formation of the Russian national character is not so much the influence of the geographical environment as it is the influence of the Eastern and Western culture”. [Porus]. Another reason for this inconsistency—Russian history with an eternal conflict between state power and the instinct of the people’s love for freedom. Russians are both unrestrained and introverted, lazy and hardworking, sincere and no lack of hypocrisy. This antinomy is a clear manifestation of the contradictoriness of the Russian national character [Wu Yuming].

Orthodox mysticism has constructed the mystery and extremeness of the Russian national character. In addition, the Mongols ruled Rus for more than two hundred years. With the invasion of Mongolia, the shaman culture has also been brought into the Russian nation. Due to the structural lack of rationalism, Russians often go to extremes. “Either all or nothing” is their consistent principle of doing things. They will not choose an intermediate compromise. Their emotions often prevail over reason, and passions over material interests. When solving difficult questions, Russians will be guided more often by the “voice of the heart” and not by the mind. Thus, it is difficult to demand objectivity of “rationality”. Such people are constantly overwhelmed with energy and emotions that distract them from radial analysis and the sober assessment of their actions. They may act without hesitation, even risk their own lives in the name of the high ideals [Jia Changlong, p. 241].

2. Patience

Patience is the outstanding character of the Russians, and it is also the foundation of the Russian national character. Russia’s climate is complex and changeable, with long and cold winters and very short summers. The harsh weather in the severe winter requires Russians to have a strong body, the courage to fight against harsh nature, and patience. In addition, the unique natural conditions make the Russians have irresistible awe and worship of nature. The reverence and worship for nature have cultivated the negative and patient character of the Russians.

The patience of the Russians is also related to religion. The Eastern Orthodox Church believes that all people have original sins, and only through penance to achieve self-salvation. In addition, the Eastern Orthodox Church advocates fraternity, forgiveness and patience. The suffering spirit of the Eastern Orthodox Church has cultivated the supreme endurance and patience of the Russian nation. [Liu Ling].

Besides, communism during the Soviet era also made the Russians more patient. The collectivist rationing system makes people accustomed to long waiting in line to get the goods. And the inefficient work in modern Russia also makes waiting like a norm acting. If you ask Russians why they are so patient, most of them will answer: “We are used to it”.

3. Smile

Russian’ attitude to the smile is too serious for the Chinese. It is believed that Russians smile rarely, their faces gloomy, depressed, reserved. Some Chinese jokingly

called “smiles without worldly wishes”. There are reasons for this attitude. Firstly, this character may be associated with natural conditions. Secondly, for Russians, excessive smiling or cheerfulness seems suspicious in the sense of stupidity, mental disability. The smile for Russians must necessarily express feelings: cordiality, trust, friendliness, or gratitude. Russians’ smile has no connection with etiquette. And it did not turn into an empty, meaningless grimace.

Russians are not just stingy with smiles, but moreover: it is not customary for them to smile at strangers on the street. This can be viewed as a violation of the rules of decent behavior, as a mockery that someone has disorders in their clothes. To express your friendliness and disposition, Russian etiquette provides for other means: facial and eye expressions, special intonations, words or expressions [Sergeeva, 2017, p. 201].

Chinese’ features of their social behavior

Reflection on Chinese management practice is informed by its uniqueness, which reflects national identity, especially as manifested in traditional texts from Confucius and so on. The relevance of this study is also connected with the interest of Chinese people themselves in pragmatizing the intellectual tradition in their search for axiological bases of rapid contemporary social and economic change. Next, the article will introduce some typical and distinctive management models and social behaviors of Chinese people.

1. Chinese Relationship (guanxi)

An old Chinese proverb states: *time isn’t as important as the terrain; but the terrain isn’t as important as unity with the people*. The concept of “guanxi” is a much more complicated than the Western concept of “network”. It is a platform for social and business activities in China and consists of ties determined by reciprocity, trust and mutual obligations. Therefore, it is better to create your own guanxi and to be aware of the guanxi around you before you do anything. This is an unwritten rule of China: if someone doesn’t trust you and there is no guanxi between you, this means that you can’t do business with that person. Chinese people always think that connections are the most important thing for business. The largest enterprises always have big fish supporting them [Jie T, p. 25].

2. Against Being Blunt (*han xu*) and Communication Should be Calm with Forbearance

Despite the stress on harmony in Chinese society, tensions inevitably arise. Where this happens, Chinese strategies for resolution are still formed by the desire to avoid open conflicts. It is necessary to avoid open debate and direct confrontation [Jie T, p. 15].

The Chinese act as restrained, implicit and indirect. *Han xu* will inhibit the direct expression of emotion, especially negative emotion. For Chinese people, communication is about building relationships, while in the West, effective communication and prompt fulfilment of tasks are considered more important. Silence does not mean that your message will not be transmitted. The wise Confucian is supposed to listen in silence. It not mean that Chinese do not want to share information. [Piskunova].

Concerns about harmony and hierarchy inform styles of communication. The Confucian ideals of the superior man encourage respect for those who maintain self-control and who embody “perfect calm”. Emotional outbreaks cause strong distrust and antipathy. In the context of intercultural negotiations, Chinese prefer restrained, moderate behavior [Jie T, p. 15].

3. All warfare is based on deception

The Chinese often say “business is like a war”, running an enterprise is like waging a war. There are such Chinese proverbs: “business is a front without the smoke of battle”, “business is a form of human competition”. Therefore, the path of deception is the way of using the weaknesses and peculiarities of human psychology to defeat the enemy and win the commercial competition. Therefore, information may be withheld when doing business with Chinese people. If you and your Chinese partner do not have a foundation of trust, you may be replaced at any time. The contract does not protect your rights and interests. A stable and trustworthy business relationship is even more important.

For Chinese, everyone should be able to “follow the situation,” therefore “change context” is a norm for Chinese culture, it is very flexible. So contractual relations or international relations, are more practical among the Chinese. Abstract truths, rules, agreements do not fit into their doctrinal relationships.

It means managers should be required to have strategic thinking, foresight, and forward-looking knowledge. They should insist on flexibility, innovation, and variability of actions. It’s better to pay more attention to creating favorable situations than accepting and dealing with the specific situation [Dimovski].

Comparative aspects of Russian and Chinese management models

Many Russian businessmen say that the Chinese are very difficult negotiators, who are very tough in defending their interests. And many Chinese are afraid of the Russian business climate. First of all, the problems of interaction between Russian and Chinese companies are intercultural communication currently [Garcia-Herrero] The article will show the most representative resemblance and differences in the management models between China and Russia, which are very useful and interesting for those business people who engaged in trade between the two countries.

Attitude towards superiors

The Russian proverb says “you are the boss – I am the fool, I am the boss – you are the fool.” This means that a person without power can rarely have a complete personality. Another proverb “do not argue with the authorities: they know better. And if you start arguing, you will be worse.” Many people think that it is not worth taking harsh actions, because it may get “even worse.” Oftentimes, Russians can come to terms with difficult circumstances without rage, and the Russians can endure [Yin Shangwei].

In Russian companies, the management style is hierarchical and centralized. And also, there is a huge distance between the superiors and subordinates. As the result, there is a complete dependence of employees on the arbitrariness of the bosses [Sergeeva,

2017, p.159] If compared with the attitude of the Chinese towards their superiors, the Russians appear to be less “respectful”, freer and more casual.

The boss, in Chinese “*ling dao*”, is always right. This is especially true in small private companies, where *ling dao* has the greatest power, his orders and instructions must be carried out promptly and without question. He makes the correct decisions and should not be accountable to anyone. Subordinates, on the contrary, must show boundless respect and unquestioning obedience to their superiors. Chinese bosses sometimes do their best to maintain authority and save face, and even force employees to work overtime.

In Chinese traditional culture, people believe that to manage an enterprise masterly, its boss must create a good (*xing xiang*) “image” to set an example for others in the company. This requires that the boss should not only have a high position in the company, professional qualifications and experience, but also certain personal qualities, a humanistic mindset and high moral guidelines [Piskunova].

Decision making style

In Russia, when solving a difficult issue, Russians often listen to the “voice of the heart”; it is difficult to demand objectivity, rationality, and calm [Sergeeva, 2017, p. 184] As in the Russian proverb “all or nothing”. In Russian companies, there is usually no complete teamwork, performers are little involved in the preparation of decisions. And for Russians: “nothing venture, nothing have”, so they are not used to making plans [Xu Fenglin].

Russians are more focused on current tasks. Even Russians rarely think about the future, “everything depends on fate.” For Russians, the most important condition for happiness is a clear conscience, “a guilty conscience needs no accuser.” Therefore, compared with the Chinese in negotiations, the Russian people are not accustomed to concealing their emotions. Before deciding on a cooperative project, Chinese businessmen always prevaricate and delay. And Russian businessmen are always extremely anxious and irritable. Chinese businessmen are often surprised at the speed of decision-making by Russian businessmen, which makes them believe that this may be just “temporary excitement” [Chen Xiaofang].

The Chinese think a promise is a debt and that they should look before they leap, so they always take longer to make decisions. In China, the decision-making process is based on ensuring that the balance of all parties is taken into account. Chinese people want to be sure that all points of view of the issue are considered first and all issues are thought out before coming to a conclusion. This process often involves returning to the beginning and starting to think and debate again. Also, since the Chinese people do not like to say “no” in a direct manner, it is best to never assume a deal will be struck until you hear it clearly [Piskunova L].

On the basis of traditional culture, learning proceeds from imitation rather than critical debate. Many Chinese, therefore, avoid making individual choices when faced with new challenges. In dealing with the unexpected, they have a traditional learning from childhood as well as relying on superiors and groups to guide them [Jie T, p. 24]

Work Attitudes

The Russians can work quickly and sustained for a short time and dislike simple tasks or regular activities. They prefer not to be engaged in petty and fussy work with a moderate workload. But Russians can solve non-standard tasks, the employees' thinking is very active and creative [Sergeeva, 2017, p. 184] If a big order comes after getting off work, most Russian employees will not work overtime, but will work tomorrow. Compared with Chinese employees, they value their personal time more and are unwilling to sacrifice their time to continue working [Zhang Xinwen].

Everyone knows that the Chinese are hardworking, they can work continuously without complaint. And the Chinese are sure that only continuous diligence and self-improvement can make a person successful. As the Chinese saying: "Sharpening makes a mighty sword, and cold makes a blooming wintersweet." In Chinese companies, the overtime system is very common. Even this became a default rule. If the boss stipulates and pays overtime, most employees will not oppose and think that this is a request that cannot be refused.

Attitude towards money

For Russians, the attitude to money usually ambivalent. On the one hand, among Russians, it is not customary in public to talk about money. Focus on this topic – this makes them awkward, even a sense of shame, especially for the older generation. On the other hand, modern market relations dictate new rules of behavior and values. Increasingly, especially among young people, the value of money is frankly mentioned. Like the desire to earn money, the desire to become a wealthy and financially independent person. They are convinced that "money gives freedom", and without them, neither education, nor culture, nor travel, etc. is possible. More and more Russians now admit that "it is not shameful to be rich," and even vice versa: money in Russia is becoming a measure of success in life, even the key to success [Zuo Fengrong].

In general, many Russians believe that "it is better to work less and earn less, not to overstrain," and "money for Russians is evil, but coveted." Money can and should be desired, but the desire to demonstrate is indecent. "Generosity" is considered a good quality for Russians, "rationality" and "greed" are not considered priorities [Sergeeva, 2017, p. 81].

In modern society, Chinese people are very frank about their desire for money. When they bless others, they will say: "Wishing you good wealth and prosperity!" We can find many marks of wealth in Chinese homes, such as Chinese Gods of Wealth and Fortune Cat. Publicly stating your desire for money is considered straightforward and honest. Instead, concealing one's desire to make a fortune is considered to be a strive for reputation. Chinese people like to give red envelopes and receive red envelopes² very much. In the New Year, they need to give their children New Year's money, not gifts. When participating in other people's weddings, they must also prepare the money, which is called "gift money". This saying can see the status of money in the hearts of

² In Chinese a red envelope or a red packet is a monetary gift which is given during holidays or special occasions such as weddings, graduation or the birth of a baby.

Chinese people: “money is not everything, but without money, you can do nothing”.

For many Chinese, the urgency of making money is higher than other desires: rest, travel, and enjoy life. Therefore, the efficiency of Chinese work is very fast. You can do business with them no matter it is off work time or on holidays. In addition, Chinese people have a habit of saving, especially the older generation. The debt must be the least bad way for them. “Lavish spending” is considered a bad quality, “diligent and thrifty” are worthy of promotion [Wang B].

Attitude to time and time management

The idea of time in Russian consciousness is associated with repetition and the cycle of operation. The past for them is the basis of any decision. Russians often look back than forward. Since they are sure: the future cannot be controlled, it is predetermined by fate. Therefore, you should not look for a momentary solution, it is better to think just before deciding on something. And in general, it is better to postpone the final decision.

One feature of the Russian psyche: the priority of tasks is determined not so much by logic, but mood, emotions, experiences, and the flow of personal life. First of all, this feature is shown in personal time management: Russians may confuse the foreigners, because of unexpectedly changing the plan – be late, cancel an appointment at the last minute, fail to fulfill promises, etc. [Guo Lishuang].

Russians’ attitude towards working time is not the same as their attitude towards personal time. The main population of the country, from generation to generation, has developed an attitude towards work as a state duty, but not associated with the specific contribution of a person. And wages usually depended less on the individual labor contribution. Disregarding of enforcing the working time has ingrained in society: being late for work, leaving early, extending the lunch break, drinking tea for hours, and chatting during the working day has become a habitual way of life. Today, in some private firms and enterprises, employees receive the salary in direct proportion to their labor contribution, the attitude to working time is changing better [Sergeeva, 2017, p. 184].

In recent decades, the Chinese people’s concept of time is related to the degree of economic development. In China, such as Beijing, Shanghai, Shenzhen, and other economically developed places, more people can abide by the time limit. In addition, the pace of life and work of young people is accelerating, and there are almost no employees who do not work overtime. Because the Chinese traditional concept-individual interests can be sacrificed for collective interests. Therefore, most Chinese people can compress their personal time to complete their work. In the Chinese company, “996” work schedule (9 am to 9 pm, 6 days a week) is even more normal. When the young hot attends an interview, if he says: “I cannot accept overtime”, he will definitely be replaced by someone else.

China’s social competitiveness is so strong that many countries may not be able to compare it. The Chinese have been indoctrinated from a young age with the idea that “people who work hard may not succeed, but those who don’t work hard must not succeed”, “an inch of gold will not buy an inch of time” and so on. The most popular books are “science of success” books in China. Therefore, when Chinese feel that they are “wasting time”, they often feel “guilty”.

Attitude towards foreigners and foreign culture

Under the influence of contacts with foreigners, Russian material culture, philosophy and language were enriched. Russians reworked the foreign original idea beyond recognition because Russian ingenuity, practicality influenced it.

Russians clearly understand the more European type of their culture, especially when referring to the national character. The biggest influence on the character of Russians is the national characteristics of Germans, French and Briton. Russians perceive Russia as a “European-Eurasian country”. Russians feel that they almost like Europeans, but not altogether. They have no particular affinities for the East, except for Japan, China, India, or Arab countries [Sha Duanyi].

Therefore, Russians’ attitudes towards to foreign countries may be divide into two extremes. On the one hand, the Russians are against foreign geopolitical influence and pressure on them from outside; interference in their internal affairs, practicality, and lack of “spirituality” in the consumer society. On the other hand, Russians perceive the material and technical culture of countries with high economic development positively, it’s because of the cultural proximity, common history, and traditional practicality of Russians [Sergeeva, 2017, p. 177, 200].

Over the past two centuries, foreigners invaded China in order to plunder the national wealth, it deeply rooted in the souls of the Chinese. Hundreds of years of foreign domination and deception have left a legacy of suspicion and mistrust. Knowledge of history is vital to doing business in China. As in the rest of the world, commerce in China is profitable, but business is closely intertwined with China’s struggle to change and embrace the Western path of development while maintaining the Chinese “essence”.

In recent years, Chinese people, especially young people, began to worship their traditional culture, and their interest in foreign cultures began to diminish. Many Chinese are opposed to giving foreigners the privilege of surpassing their nationals. The Chinese are generally willing to accept advanced civilizations such as foreign products and technologies. But they are also proud of China’s development and confident in themselves and their country. Nationalism prevails, but this is because of self-confidence, not because of insecurity and low self-esteem as before [Ford].

Conclusions and Recommendations

In this paper, we looked at the universal human values between Russia and China for mutual understanding. For those engaged in commerce and trade between the two countries, understanding these can easily find a sense of belonging and intimacy in another civilization, which helps build a bridge of communication. We analyzed the respective features of stereotypes of social behavior, this is important features of the business culture of the two countries. When communicating with each other, please be careful and don’t worry when you encounter problems. We described the comparative aspects of Russian and Chinese management models, these can help you avoid minefields in business practice, understand the “strange” behaviors of others, and not waste time and money.

In addition, there are some suggestions for business people in both countries. For Chinese people: Russians don’t like long-term, boring work, and they are not used

to overwork. Therefore, if your partner temporarily changes the plan, don't panic, sometimes it's not your fault. You should find a way to guide your Russian employees, let them have passion and interest in work, and arrange a comfortable work area for them, which is much more effective than blind supervision and order. For Russians, your Chinese partner urging you does not mean that they are forcing you. They may send you some useless and cumbersome documents or plans on a regular basis and look forward to your response. The best way to work with them is to build on enough trust, and then show your strengths in all directions. Don't let them think that you "talk glibly", but a rational person.

From the perspective of axiological basis for Russia's and China's management model, the contribution of this study is that can prove useful for investors and business activists between Russia and China to help businesspersons find the best partner in any business cooperation field.

Список литературы

Garcia-Herrero A., Xu J. W. How does China fare on the Russian market? Implications for the European Union // *Russian Journal of Economics*, 2019. Vol.5(4). P. 385–399.

Novitskaya O., Brewster, C. The impact of national context effects on HRM practices in Russian subsidiaries of western MNCs // *Journal of East-West Business*, 2016. Vol.22. p.1–27.

Sergeeva A. V. Сепеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. (Russians: stereotypes of behaviour, traditions, mentality). Moscow Москва: Flint ФЛИНТА, Science Наука, 2017, 315 p.

Sergeeva A. V. Сепеева А. В. Русские. Как мы изменились за 20 лет? (How have we changed in 20 years?) Moscow Москва: Flint ФЛИНТА, Science Наука, 2020, 432p.

McGregor, J. One Billion Customers: Lessons From the Front Lines of Doing Business in China. New York, London, Toronto, Sydney: Free Press and Simon & Schuster, 2005. 352 p.

Ge Rongjin 葛荣晋. Rujia rouxing guanli yu dongya jingji fazhan 儒家柔性管理与东亚经济发展 (Confucian flexible management and development of the East Asian economy) // *Zhongguo wenhua yanjiu* 中国文化研究. 2000. Vol. 0 (2). P. 3 – 12.

Jie T., Ward A. The changing face of Chinese management. NY. : Routledge, 2004. 248 p.

Li Wei 李玮. Eguo xiong yanzhong de zhongguo long 俄国“熊”眼中的中国“龙” (The Chinese “dragon” in the eyes of the Russian “bear”) // *Guowai shehui kexue* 国外社会科学. 2012. Vol. 5, P. 81–89.

Yuan Shuizhi 袁顺芝. Eluosi wenhua jianming jiaocheng 俄罗斯文化简明教程 (A brief course on Russian culture). Wuhan 武汉: Wuhan University Press 武汉大学出版社. 2012. 307 p.

Piskunova L., Lu J. Confucianism as the axiological basis for China's management model // *Changing Societies & Personalities*. 2018, Vol. 2(1), P. 32–55.

Bao Wugang 鲍吾刚, Yan Peiwen 严蓓雯, Han Xuelin 韩雪临, Wu Dezhu 吴德祖. Zhongguoren de xingfuguan 中国人的幸福观 (Chinese people's view of happiness). Jiangsu 江苏: Jiangsu People's Publishing House 江苏人民出版社. 2009. 517 p.

Wang B. Chinese Leadership: 5 Critical Differences with the West. IEDP Developing Leaders. 01.01.2018. [Electronic source] URL: <https://www.iedp.com/articles/chinese-leadership-5-critical-differences-with-the-west/> (Date of access: 01.03.2022)

Porus V. N. Nikolai Berdyaev on the “Spirits of the Russian revolution” // *Russian Studies in Philosophy*. 2017, Vol. 55(3–4). P. 210–226.

Wu Yuming 武玉明. Dongzhengjiao yu eluosi minzu xingge 东正教与俄罗斯民族性格 (Eastern Orthodox and Russian national character) // *Weifang jiaoyu xueyuan xuebao* 潍坊教育学院学报, 2008, Vol. 01. P. 53–55.

Jia Changlong 贾长龙. Eyu yuyan guoqingxue jiaocheng 俄语语言国情学教程 (Russian language and national conditions course). Beijing 北京: Beijing Language and Culture University Press 北京语言大学出版社. 2009. 329 p.

Liu Ling 刘玲. Eluosi-minzu xingge yu wenhua tezheng 俄罗斯——民族性格与文化特征 (Russia—national character and cultural characteristics) // *Tianfu xinlun* 天府新论. 2002. Vol. 06. P. 91–95.

Dimovski V., Maric M., Uhan M. Sun Tzu's "The Art of War" and implications for leadership: Theoretical Discussion // *Organizacija*. 2012. Vol. 45(4), P. 151–158.

Yin Shangwei 尹绍伟, Cui Zhengling 崔正领. Qianxi eguo cunshe zhidu de yanhua 浅析俄国村社制度的演化 (Analysis on the evolvement of Russian rural community) // *Silongjiang jiaoyu xueyue xuebao* 黑龙江教育学院学报. 2011. Vol. 30(01). P. 7–9.

Xu Fenglin 徐凤林. Eluosi zongjiao zhexue 俄罗斯宗教哲学 (Russian religious philosophy). Beijing 北京: Peking University Press 北京大学出版社, 2006. 314 p.

Chen Xiaofang 陈晓芳. Eluosi minzu xingge de zongjiao chanshi 俄罗斯民族性格的宗教阐释 (Religious interpretation of Russian national character). Fujiansheng waiguoyu wenxuehui 福建省外国语言文学学会2008年年会论文集. Paper presented the 2008 Annual Conference of Fujian Foreign Language and Literature Association. Xiamen. 2008. pp. 270–273. Fujian 福建: College of Foreign Languages and Cultures Xiamen University 厦门大学外文学院.

Zhang Xinwen 张欣文. Pujing shidai eluosi guojia yishi xingtai de chongsu 普京时代俄罗斯国家意识形态的重塑 (The reshaping of Russian National Ideology in Putin Era) // *Jiangsu shehui kexue* 江苏社会科学. 2015. Vol. 0(2). P. 128–133.

Zuo Fengrong 左凤荣. Eluosi de minzu chuantong yu pujing de qianguo zhanlue 俄罗斯的民族传统与普京的强国战略 (Russia's national tradition and strategy to strengthen the country) // *Zhonggong Zhongyang dangxiao xuebao* 中共中央党校学报. 2007. Vol. 11(3). P. 85–90.

Guo Lishuang 郭丽双. Eluosi zhuliu shehui jiazhi guan de chongjian ji qi kunjing 俄罗斯主流社会价值观的重建及其困境 (Reconstruction of Russia's mainstream social values and its dilemma) // *Makesi zhuyi yu xianshi* 马克思主义与现实. 2015. Vol. 1. P. 147–153.

Sha Duanyi 沙端一. Dangdai eluosiren jiazhi guan de bianhua Pingxi 当代俄罗斯人价值观的变化评析 (Analysis of and commentary on changes in contemporary Russian values) // *Eluosi wenyi* 俄罗斯文艺. 2013. Vol. 2, P. 72–76.

Ford, P. China's view of foreigners is no longer so extreme. *China Youth Daily*. 03.05.2012. [Electronic source] URL: http://qnck.cyol.com/html/2012-05/30/nw.D110000qnck_20120530_1-27.htm (Date of access: 11.03.2021)

The article was submitted on 15.05.2022

УДК 327.1(430:519) + 94(519)"19" + 316.77

И. А. Мусинова

ВКЛАД ВЫХОДЦЕВ ИЗ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В НАЛАЖИВАНИЕ ГЕРМАНО-КОРЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОРЕЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. После 1990-х гг., по мере укрепления экономического и научно-технического сотрудничества между ФРГ и Республикой Корея, растет интерес исследователей двух стран к начальному периоду германо-корейских отношений. В настоящем исследовании предпринята попытка дать краткую характеристику деятельности выходцев из немецких земель А. Зонтаг, Ф. Эккерт, Р. Вунш, Й. Боллян, которые участвовали в налаживании культурного диалога между двумя странами на начальном этапе германо-корейских отношений. Несмотря на их заслуги, следует также отметить, что их влияние в указанный период распространялось, в основном, на представителей корейской политической и экономической элиты.

Ключевые слова: германо-корейские отношения, новая история Кореи, Мария-Антуанетта Зонтаг, Франц Эккерт, Ричард Вунш, Йоханнес Боллян

Irina A. Musinova

THE ESTABLISHMENT OF GERMAN-KOREAN CULTURAL DIALOGUE AT THE INITIAL STAGE OF KOREAN-GERMAN RELATIONS

Abstract. After the strengthening of economic, scientific and technical cooperation between Germany and the Republic of Korea at the end of 20th – the beginning of 21st century, the interest towards the initial period of German-Korean relations among the researchers of both countries is growing. The following article attempts to give a brief description of the activities of immigrants from Germany A. Sontag, F. Eckert, R. Wunsch, J. Bolljan, who participated in the establishment of cultural dialogue between the two countries. It should also be noted that their influence during this period extended mainly to representatives of the Korean political and economic elites.

Keywords: German-Korean relations, new history of Korea, Marie-Antoinette Sontag, Franz Eckert, Richard Wunsch, Johannes Bolljahn

По мере укрепления экономического и научно-технического сотрудничества между ФРГ и Республикой Корея в конце XX – первой четверти XXI в., растет интерес исследователей двух стран к начальному периоду германо-корейских отношений, который был недостаточно изучен в предыдущие десятилетия. Усилиями немецких и южнокорейских исследователей был проведен серьезный анализ указанного периода, была найдена и опубликована информация о тех, кто внес вклад в культурный диалог между двумя странами. Благодаря усилиям Х. Кнайдера, С. Брэзель,

Ли Суну, Чхве Чжонго были реконструированы биографии выходцев из германских земель, которые заложили основы германо-корейского сотрудничества.

Согласно правительственной статистике, опубликованной в газете «The Independent», в Чосон в 1897 г. насчитывалось не более двухсот европейцев и около ста американцев [The Independent 2:29, 11 March 1897]. При этом в 1902 г. немецкая община в Сеуле не превышала всего нескольких десятков человек [Kneider, p. 118].

В число самых выдающихся личностей раннего периода германо-корейских отношений входит Мария-Антуанетта Зонтаг (нем. Antoinette Sontag, кор. 손택, 1838–1922). Наиболее яркие страницы ее жизни связаны с работой в качестве церемониймейстера при корейском дворе, а также с открытием знаменитой резиденции, первой гостиницы западного типа в Сеуле [Braesel, p.133]. Приемы и встречи, которые проводились в резиденции, оказали серьезное влияние на вестернизацию корейской элиты. Западные отели были местами, где корейцы знакомились с современными достижениями западной культуры (кофе, фотоаппарат, бильярд, велосипед, западная музыка, свадьбы нового типа и т. д.). Многие из этих достижений впоследствии прочно входили в повседневную жизнь корейской столицы, меняя ее облик [이순우, 2012, p. 201].

Мария-Антуанетта Зонтаг, а после отъезда из Кореи в декабре 1885 г. Розали фон Мёллендорф А. Зонтаг заняла ее место в качестве консультанта корейского двора по вопросам западного этикета и организации официальных приемов, помогала королеве Мин с подготовкой к приемам иностранных делегаций [Kneider, p. 575]. При ее активном участии были обставлены вестибюли дворца Чхандоккун, предназначенные для приема западных гостей; она познакомила корейскую королевскую семью с западной кухней и с кофе. Кроме того, она часто подавала королевской паре европейскую выпечку и другие блюда [최종고, p. 193]. Высокопоставленные корейские министры и чиновники, стремящиеся следовать западным тенденциям, также обращались за помощью к госпоже Зонтаг, чтобы украсить комнаты своих домов в западном стиле или попросить совета относительно покупки европейской посуды [Braesel, p. 209].

В 1895 г., после убийства королевы Мин, когда корейский правитель Коджон, опасаясь за свою жизнь, принял непростое решение бежать в российскую дипломатическую миссию, где по достоинству оценил заботу и кулинарные навыки А. Зонтаг [Braesel, p. 208], а после возвращения во дворец назначил ее придворным церемониймейстером и подарил участок площадью около 3900 м² с традиционным корейским домом [Braesel, p. 209]. Госпожа Зонтаг постепенно приобрела влияние при дворе и начала отвечать не только за организацию приемов и банкетов в честь высокопоставленных иностранных лиц, но и за управление бюджетом дворца. Шаг за шагом ей постепенно удалось внедрить европейские протокольные обычаи на официальных приемах в Корею, что привело к сокращению корейских придворных церемоний. Дипломаты разных стран нередко обращались к ней за помощью [Kneider, p. 575–578].

В 1902–1903 гг. Антуанетта Зонтаг в своей корейской резиденции построила двухэтажный дом в западном стиле по проекту российского архитектора А. И. Середина-Сабатина. Он стал резиденцией для молодых состоятельных муж-

чин из стран Запада, которые еще не успели в Корею обзавестись собственным жильем и хозяйством, а также как гостиница для путешественников, которым требовалось комфортное европейское жилье [이순우, 2012, p. 203]. Резиденцию госпожи Зонтаг (другие названия: «Sontag Hotel» (손탁 호텔), «Hanseong Hotel», «Hanseong bingwan» 한성빈관(漢城賓館), «Sontakbingwan» 손탁빈관(孫澤賓館), «Haus von Madame Sontag» [Kroebel Emma, p. 137]) можно считать одной из первых гостиниц западного типа в Сеуле [최종고, p. 194].

Частыми гостями отеля были западные дипломаты, высокопоставленные политики, офицеры, ученые, миссионеры, путешественники и журналисты со всего мира. Среди гостей были Оскар фон Труппей (1854–1931), губернатор немецкой колонии в Китае, доктор медицинских наук Рихард Вант, Эрвин фон Бэлыц и др [Lensen, p. 75]. Гостем отеля в свое время был и молодой Уинстон Черчилль (1874–1965), который посетил Корею в качестве заместителя государственного секретаря по колониальным делам после русско-японской войны [Habinger, p. 131]. Первый японский генерал-резидент князь Ито Хиробуми (1841–1909) также прожил в отеле в 1904–1905 гг. [Lensen, p. 75]

Резиденция Антуанетты Зонтаг являлась также местом встреч политического клуба Чондон (кор. 정동구락부, ханм. 貞洞俱樂部, англ. «Chongdong Club»), членами которого были такие известные корейские политики того времени как Мин Ёнхван (1861–1905 гг.) и Юн Чжихо (1865–1945 гг.), западные дипломаты и миссионеры [Claussen-Wunsch, p. 110]. Корейские реформисты и сторонники модернизации страны по европейскому образцу, такие как Со Джепиль (1864–1951 гг.) также регулярно встречались там [Claer, p. 306]. Оккупация Кореи Японией заставила А. Зонтаг прекратить свое долгое пребывание в Корею. Прожив в Корею около 25 лет, Антуанетта Зонтаг вернулась на родину в сентябре 1909 г. Ее пансион был продан [이순우, p. 207].

В феврале 1901 г. немецкий музыкант Франц Эккерт (нем. Franz Eckert, кор. 애도다, ханм. 埃巨多) был приглашен в Корею в качестве придворного капельмейстера. Он сочинил первый национальный гимн Корейской империи и руководил корейским придворным оркестром [전성환, p. 102–104]. Через шесть месяцев Эккерт создал придворный оркестр из 50 корейских музыкантов [Eckardt, Andre, P. 5]. Успехи оркестра были настолько велики, что он не только регулярно выступал при дворе на официальных мероприятиях, но и проводил концерты каждый четверг в одном из парков Сеула. Исполнялась как маршевая музыка, так и увертюры Вагнера [Kroebel, P. 147].

Кроме того, Ф. Эккерт получил задание сочинить корейский национальный гимн. Эккерт выбрал мелодию из числа корейских народных песен, затем гармонизировал и аранжировал ее для европейских инструментов. Так возник первый корейский национальный гимн «Тэханджегук эгукка», который был представлен при дворе 1 июля 1902 г. [Eckardt, p. 98], широкой публике он был представлен в рамках празднования 50-летнего юбилея вана Коджона 9 сентября 1902 г. [Guhangukwoegyo munseo 舊韓國 外交文書, deogan 德案2, Nr. 2819]. В декабре 1902 г. Эккерт получил орден за заслуги 3-й степени от императора Коджона за эту композицию и за его большие успехи в обучении придворного оркестра [Eckardt,

р. 47]. Помимо работы капельмейстером и композитором, Франц Эккерт также занимался исследованиями в области изучения традиционной корейской музыки [Kneider, p. 196]. Он также интересовался корейскими народными песнями, на мелодии которых он создавал свои собственные композиции [Kneider, p. 197–198]. Ф. Эккерт умер 6 августа 1916 г. в своем доме в Сеуле в возрасте 64 лет и был похоронен на кладбище для иностранцев «Янхваджин-оейнмедзи» (яп. 楊花津外人墓地) [Kneider, p. 198]. Без сомнения, Эккерт помог немецкой и европейской музыке занять значительное место в Корее.

Следующим в списке немцев, чья судьба непосредственно связана с Кореей, стал Рихард Вунш (Dr. med. Richard Wunsch, кор. 부연사, ханм. 富彦士). Он работал при корейском дворе с ноября 1901 г. по апрель 1905 г., занимая должность придворного врача. Р. Вунш работал в Корее, Японии и Китае в 1901–1911 гг., благодаря ему достижения европейской медицины нашли применение в Восточной Азии и в Корее [Vianden, p. 134–137]. В 1976 г. его воспоминания под названием «Рихард Вунш. Доктор в Восточной Азии» частично опубликовала дочь Р. Вунша и исследователь немецкой диаспоры в Восточной Азии Гертруда Клауссен-Вунш [Claussen-Wunsch, p. 503].

Прибыв в Корею, Вунш обнаружил, что должен был скорее лечить персонал дворца, нежели самого корейского монарха. Занялся он также бесплатным лечением малоимущих. Благодаря своей репутации хорошего врача, он скоро начал консультировать европейцев-резидентов в Корее и проводить операции в корейской американской больнице [Claussen-Wunsch, p. 42, 79]. В 1902 г. в Чосон разразилась серьезная эпидемия холеры, и Рихард Вунш представил в Министерство внутренних дел Кореи предложения по введению санитарных мер. Таким образом, он оказал большое влияние на развитие политики в области здравоохранения и профилактики болезней в стране [Claussen-Wunsch, p. 105].

Р. Вунш просил у корейских властей средства, необходимые для открытия собственной клиники, чтобы иметь возможность лечить своих пациентов не только амбулаторно. К сожалению, план создания больницы не был реализован [Claussen-Wunsch, p. 104, 110].

Йоханнес Боллян (нем. Johannes Bolljahn, кор. 불야안) сыграл значительную роль в создании первых школ западного типа, в частности, первой немецкой школы в Корее, и подготовке переводчиков с немецкого языка для дипломатических и экономических нужд. Императорская школа немецкого языка (нем. Kaiserlich Deutschen Schule) была основана в Сеуле в сентябре 1898 г., в качестве ее преподавателя, а затем директора и был нанят Й. Боллян [Eckardt, p. 47]. Количество учащихся школы варьировалось от 40 до 70, возраст учеников был от 16 до 25 лет [Bolljahn, p. 127]. Помимо говорения, чтения, письма, грамматики, диктантов и эссе на немецком языке, в школе также проводились занятия по таким предметам как география, математика, физика, история, немецкая поэзия и гимнастика; в старших классах проводились занятия по бухгалтерскому учету и переводу [Bolljahn, p. 201]. Язык преподавания был немецким [Bräsel 2005, p. 246].

О судьбе первых выпускников школы военный атташе при корейском дворе немец Зигфрид Генте сообщает следующее: «Один работает на немецкой золотой

шахте в Дангоэ, другой работает во дворце в качестве помощника переводчика. Третий, Пэк Йонг, помогает королевскому капельмейстеру Францу Эккерту при проведении сложных музыкальных уроков, так как не все корейцы в оркестре еще знают западную нотную грамоту. Четвертый, особо одаренный Хён Хонсик, несмотря на свою молодость, уже стал секретарем в недавно созданной корейской дипломатической миссии в Берлине» [Genthe, p. 5]. Кроме того, сама немецкая школа в 1903 г. наняла трех корейских помощников-учителей, которые также являлись бывшими учениками и свободно владели немецким языком [Kneider, p. 70]. Доктор Рихард Вант (1869–1911), личный врач корейского императора, нанял сразу три бывших ученика школы, они помогали ему в медицинской работе при дворе. Первым секретарем корейского посольства в Берлине и Вене был назначен первый выпускник немецкой школы Хон Химсик, умный и подтянутый молодой человек, сравнительно хорошо говоривший по-немецки и работавший переводчиком во дворце [Below, p. 54].

Помимо преподавательской деятельности в немецкой языковой школе, Боллян и его французский коллега Мартель в апреле 1901 г. получили задание также преподавать немецкий и французский языки в Императорской военной академии [The Korea Review, Vol. 1, No. 4 (April 1901), p. 172]. К сожалению, в соответствии с «Постановлением о школах иностранных языков», изданным в 1906 г. немецкая школа была интегрирована в школу иностранных языков Хансон. После аннексии Кореи Японией все государственные школы иностранных языков были закрыты, а преподавание языка с 1 ноября 1911 г. было интегрировано в программы обычных средних школ.

При этом обязательно стоит отметить, что многие европейцы и американцы, проживавшие на Корейском полуострове в указанный период, разделяли приверженность к буржуазной культуре, т. н. культуре «среднего класса», которая на тот момент активно формировалась у них на родине и в значительной степени отличалась от культуры местного корейского окружения. Их образ жизни, формы общения, а нередко и чувство превосходства над местными жителями свидетельствуют об этом. Европейцы пытались воспроизвести в Чосон культурные и экономические модели, характерные для родной страны, но в результате взаимодействия различных европейских и местной восточноазиатской культур формировалось нечто совершенно новое.

Существует определенное количество немецких граждан, проживавших в Чосон в конце XIX – начале XX вв., и оказавших серьезное влияние на развитие германо-корейских отношений, налаживание культурного диалога между представителями двух стран, на процессы вестернизации и модернизации страны. В число наиболее известных представителей германских земель можно включить придворного церемониймейстера при дворе корейского правителя, создательницу первой гостиницы в Сеуле и первого кафе западного типа в Чосон А. Зонтаг, создателя придворного корейского оркестра и автора первого корейского гимна Ф. Эккерта, заложившего в Чосон основы государственной политики в области гигиены врача Р. Вунша, директора немецкой школы в Сеуле Й. Болльяна, подготовившего немало специалистов по немецкому языку и культуре и др. При этом сле-

дует помнить, что указанные лица одновременно входили в немногочисленную прослойку иностранного «буржуазного» среднего класса в Чосон, стремящегося к жизни в комфорте и роскоши, нередко недоступной подавляющей части местного населения, поэтому их влияние распространялось, в основном, на представителей корейской политической и экономической элиты.

Список литературы

Дастон Л. История науки и история знания / пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2020. Том 30. № 1. С. 63–90.

Johannes Below (Hrsg.): Deutsche Schulen in Korea 1898–1998. Die deutsch-koreanischen Beziehungen im Überblick. Waegwan: Benedikt Press, 1998. 238 p.

Bolljahn, Johannes: „Das Schulwesen in Korea“. In: Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik. Langensalzen, April 1899. Цит. по Kneider, Hans-Alexander: Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009. 463 p.

Sylvia Bräsel. Johann Bolljahn (1862–1928): Begründer des Deutschunterrichts in Korea. In: Baltische Studien. Bd. 95 N.F. (2009). Kiel 2010, p. 133–150.

Claer, Alexander von. Bericht aus dem Jahre 1904. Manuskript in Kneider, Hans-Alexander: Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009. 463 p.

Claussen-Wunsch, Gertrud. Arzt in Ostasien. Authentische Berichte über Medizin und Zeitgeschehen von 1901 bis 1911 in Korea, Japan und China aus der Feder des kaiserlich-koreanischen Hofarztes. Hrsg. und erl. von. Büsingen/Hochrhein: Krämer Verlag, 1976. 381 p.

Eckardt, Andre. Wie ich Korea erlebte. Frankfurt. Main und Bonn 1950, Zeitschrift für philosophische Forschung Bd. 23, H. 3 (Jul. – Sep., 1969), pp. 414–416

Genthe, Siegfried. Korea: schilderungen von dr. Siegfried Genthe “Berlin, Allgemeiner verein für deutsche literatur”, 1905 (репринт). 403 p.

Guhangukwoegyomunseo 舊韓國 外交文書, deogan德案2, Nr. 2819

Habinger, G. (2006). Reisen, Raumaneignung und Weiblichkeit: zur Geschichte und Motivationsstruktur weiblicher (Vergnügungs-) Reisen. SWS-Rundschau, 46(3), 271–295. [Электронный ресурс]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-164463>

Kneider, Hans-Alexander. Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009. 463 p.

Kroebel, Emma. Wie ich an den Koreanischen Kaiserhof kam, Berlin 1909. 69 p.

Lensen, George Alexander. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899. 1983, 984 p.

The Independent 2:29, 11 March 1897

The Korea Review, Vol. 1, No. 4 (April 1901)

Vianden, Hermann Heinrich. Die Einführung der deutschen Medizin im Japan der Meiji-Zeit. Düsseldorf 1985, 278 p.

이순우. 근대서울의 역사문화공간: 손탁호텔. 서울: 하늘재, 2012. 288 p.

전성환. 황제의 명을 받아 쓰1 영환이 가사를 지은 에케르트의 대한제국 애국가// 음악동아, 서울, 1986. 104 p.

최종고 著. 韓獨交涉史, 출판사향, 서울 弘盛社, 1983. 522 p.

The article was submitted on 19.05.2022

Лим Сунгжае, И. А. Мусинова

КОРЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В последние годы среди южнокорейских исследователей растет интерес к соотечественникам, которые проживали на территории современной Российской Федерации. Информация о корейских рабочих на заводах Урала практически не привлекала внимание исследователей в Республике Корея, до сих пор о них не написано ни одной отдельной научной статьи. В России есть исследования по указанной теме. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать имеющиеся сведения о корейских рабочих, которые трудились на заводах, стройках и в шахтах на Урале на основании уже опубликованных материалов, а также на материалах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Ключевые слова: корейцы, корейская диаспора на Урале, корейские рабочие, Первая мировая война

Lim Sungjae, Irina A. Musinova

KOREAN LABOR WORKERS IN THE URALS DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. In recent years, there has been a growing interest among South Korean researchers in the history of ethnic Korean Diaspora in Russia. Information about Korean workers in the factories of the Urals, who worked there in 1915–1917, is practically unknown in the Republic of Korea, but there are studies on this topic in Russia. This article attempts to systematize the available information about Korean workers who worked in factories, construction sites and mines in the Urals on the basis of published materials, as well as on the materials of the State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO) and the State Archive of the Khabarovsk Region (GANH).

Keywords: Koreans, Korean diaspora in the Urals, Korean workers, World War I

В конце XIX в. в связи с необходимостью развития удаленных районов Дальнего Востока, а также в связи с недостатком местной рабочей силы в Российской империи активно привлекался труд корейских и китайских рабочих. Сначала этот процесс был ограничен Приамурьем и отчасти приграничными районами Забайкалья, но с начала XX в. труд азиатских рабочих использовался по всему Забайкалью и Сибири, учитывая наличие удобной и безопасной транспортной связи по Транссибирской магистрали. Постановлением Совета министров Российской империи от 30 июня 1915 г. было отменено ограничение на ввоз китайских и корейских рабочих на территорию страны [Пак Хван, с. 53].

С началом Первой мировой войны в Российской империи повысилось значение Урала как центра металлургической промышленности, произошло расширение производства и переориентация местных заводов на выпуск военной продукции. К 1916 г. в регионе начало развиваться крупное частное и государственное производство, работавшее на оборону страны. При этом, по причине военной мобили-

зации, произошло резкое сокращение числа работников-подданных Российской империи, и в годы Первой мировой войны один из основных потоков корейских и китайских рабочих с Дальнего Востока был направлен на Урал, в частности, в Пермскую губернию. К концу 1915 г. на 31 предприятии Урала работало 10 тысяч китайцев и корейцев, а к 1917 г. только на заводах Верхотурского уезда их насчитывалось около 20 тысяч [Смирнов С. В.].

В российской историографии вопросы трудовой миграции корейцев на Урал в годы Первой мировой войны были раскрыты в работах С. В. Смирнова, Л. А. Чемезовой, М. С. Каменских, Ю. И. Дин, а также в исследованиях, посвященных участию иностранцев в Гражданской войне на территории Урала. Южнокорейские исследователи обратились к этому вопросу недавно, в частности, в контексте анализа деятельности борца за независимость и первой корейской женщины-коммунистки Александры Петровны Ким-Станкевич (김알렉산드라, 1885–1918) [Чон Чжольхун], Пак Хван. А. П. Ким-Станкевич находилась на Урале в 1914–1915 гг. в качестве переводчика для корейских рабочих, прибыла вместе с ними на поезде из г. Владивосток, вместе с ней находились и несколько других корейцев-участников антияпонских корейских организаций, оставивших воспоминания об этом периоде своей жизни, например, Ли Ин Себ (Ли Ынсон), Пак Дин Сун, Ли Хан Ён, Пак Ай [ГАХК, Ф. П-442, оп. 2, д. 24, с 1].

Условия ввоза азиатских рабочих (китайцев, корейцев и персов) на территорию Пермской губернии «для работы в промышленных горнозаводских и иных предприятиях, куренные и по заготовке лесных материалов» регулировались постановлением Пермского губернатора «О порядке найма рабочих желтой расы 1915 г.» от 10 декабря 1915 г. [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 1–3]. Приглашение рабочих других национальностей через посредников без особого разрешения губернатора запрещалось.

Найм азиатских рабочих осуществлялся при посредничестве «Справочных бюро по рабочему вопросу», состоящих в распоряжении Приамурского генерал-губернаторства [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 4]. Поиск рабочих осуществлялся также в районе КВЖД, где было создано отдельное управление организации и найма, осуществлявшее «надзор за наймом рабочих для нужд правительственных и общественных учреждений». Паспортные льготы предусматривались для китайских граждан (в том числе, этнических корейцев), переход границы был разрешен по национальному паспорту, завизированному в Харбинском генеральном консульстве. Взамен национальных паспортов, забиравшихся в пограничном пункте, старосте каждой партии рабочих выдавалось проходное свидетельство [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 9].

Каждую партию иностранных рабочих должен был сопровождать специальный сотрудник Справочного бюро по рабочим вопросам. Запрещалось ввозить иностранных рабочих, не имевших национальных паспортов с визой консульских служб Российской империи, а также специальных удостоверений о медицинском осмотре. Представители, уполномоченные и служащие лиц и контор, ввозившие иностранцев, обязаны были удостовериться, что «ввозимые ими в Пермскую губернию люди снабжены всеми требуемыми документами» и «в действительности

являются лицами, означенными в документах и не принадлежащими к числу порочных» [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 2].

Прошедших отбор и соответствовавших критериям иностранцев предполагалось направлять для работы на металлургических, горнопромышленных предприятиях, лесозаготовительных, сельскохозяйственных работах, работах, связанных со строительством железной дороги. Наниматели должны были привезти рабочих именно тех специальностей, на поставку которых приняли обязательство. Если рабочий не соответствовал указанному в постановлении Пермского губернатора критериям по квалификации или здоровью, подрядчик должен был его вывезти немедленно за свой счет и «внести деньги на покрытие расходов по препровождению его этапом на родину». Сами рабочие при этом до выезда заключались под стражу [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 3].

Согласно российским регламентирующим документам, до места назначения корейцы и китайцы должны были доставляться за счет нанимателей по Транссибирской железнодорожной магистрали в отдельных вагонах 4 класса. В пути им должно было предоставляться питание и бесплатная медицинская помощь. Разрешался беспошлинный провоз личных предметов одежды, обуви, провоз заработанных сумм обратно, независимо от их размера (обычно заработанные суммы были весьма скромными). В одной партии рабочих должно было быть не более 1000 человек, путь не должен был занимать более 9 месяцев [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 9].

Фактически же питание предоставлялось не всегда в достаточном объеме и должного качества, рацион питания также очень отличался от того, к которому привыкли корейские рабочие. Были проблемы со своевременным обеспечением питьевой водой, длительные стоянки, не всегда вагоны хорошо отапливались. По воспоминаниям А. П. Ким-Станкевич и ее соратников-корейцев, корейские рабочие жаловались на обман по поводу обещанных условий содержания, питания и обеспечения одеждой и обувью [Чон Чжольхун, с. 41–42].

При этом за иностранными гражданами как по пути, так и после прибытия в Пермскую губернию осуществлялся очень серьезный надзор, действовало множество ограничений. Так, по документам, они не могли отходить дальше 25-верстной полосы по обе стороны Транссибирской магистрали [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 5], фактически же их не отпускали далеко от поезда, на некоторых станциях выходить из вагонов было категорически запрещено, выпускали лишь дежурных. При них практически постоянно были вооруженные охранники [Чон Чжольхун, с. 48]. Постановление Пермского губернатора «О порядке найма рабочих желтой расы 1915 г.» от 10 декабря 1915 г. предписывало «содержать достаточное число стражи для охранения среди рабочих порядка и спокойствия» [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 7]

В течение суток после прибытия на предприятия Пермской губернии ответственный сотрудник должен был сообщить о прибытии иностранцев в местную полицейскую часть, а также осуществлять их ежедневный учет, сообщать сведения о местонахождении рабочих по требованию полицейских. Указ не распространялся на «лиц, издавна проживавших в России и получивших от полиции удостоверение о благонадежности», т. е. на приморских корейцев.

Не допускалось т. н. «праздное шатание» рабочих из одного места в другое, отпускные билеты разрешалось давать только «при действительной надобности» [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 3]. С 1 мая 1916 г. вступило в силу обязательное постановление губернатора, дополнительно ужесточившее контроль. Оно предусматривало «постоянное неослабное наблюдение, чтобы исключить возможность со стороны рабочих для сбора сведений, могущих представлять интерес для неприятельской военной разведки» [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 3]

На каждого рабочего, еще не переданного предприятию, руководителями предприятия вносился залог в депозит местного полицейского управления в размере не менее 1000 рублей по каждому отдельному предприятию, а для предприятий, где было более 500 чел. иностранных рабочих, – по 2 руб. на человека.

Самым жестким и вызывавшим неприятие корейских рабочих пунктом являлось то, что нанявшимся на работы запрещалось «всякое уклонение от них, самовольные отлучки, досрочное предъявление требований об изменении условий договора, а тем более подговаривание к таким действиям других» [ГАСО, Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 3], т. е. они фактически не могли свободно перемещаться по территории населенного пункта (как это было в Забайкалье и в Приморье), оказывались насильно прикреплены к конкретным предприятиям и зависели от их произвола, характер работ не всегда заранее разъяснялся, отказаться от их исполнения корейские рабочие под страхом наказания уже не могли. Разрешение на переход в другую организацию или на смену вида деятельности мог дать только лично губернатор или другое уполномоченное лицо. Штраф для иностранных рабочих за переход от одного нанимателя к другому составлял астрономическую сумму в 3000 руб. или 3 месяца в тюрьме, где условия содержания по меркам корейцев были жестокими.

По истечении срока найма на одном предприятии (обычно 1–2 года тяжелого и низкооплачиваемого труда), корейские рабочие с разрешения губернского начальства, земских и иных общественных учреждений могли перейти на другое предприятие. Организация по истечении срока найма могло переуступить рабочих с их согласия другим производителям, но было обязано сразу довести эти сведения до указанных уполномоченных органов Российской империи. На родину корейские рабочие также должны были возвращаться партиями, предприятие обязывалось оплатить билет и питание [Ф. 45, оп. 1, д. 274 с. 11].

По документам корейцам должен был предоставляться один переводчик на 100 человек, так как, согласно положению от 10 декабря 1915 г., условия работы и расценки должны были быть продублированы на местном или понятном языке. Но фактически работал один переводчик на 150–200 человек. Существовали также расчетные книжки и договорные листы по фабричным и горнозаводским делам. В расчетные книжки и листы должны были обязательно вноситься «выдачи рабочим деньгами, вещами и припасами, только по ценам, утвержденным чинами горного или фабричного надзора, либо по ценам, утвержденным полицейской властью», а также вычеты и денежные штрафы. Ф. 45, оп. 1, д. 274. с. 2–4]. Цены зачастую оказывались сильно завышенными. Испытательный срок для иностранных рабочих должен был составлять не более одного месяца, но и это условие нередко нарушалось.

Несмотря на прописанные условия и обещания, данные при вербовке на работу подрядчиками, четко прослеживается стремление к нарушению условий контракта по найму. Есть сведения об отказе под разными предлогами в организации бесплатного проезда до Владивостока или Харбина после окончания сроков контракта, отказ от отдельной оплаты сверхурочной работы, оплаты страхования и неиспользования на военном производстве. Нередко подрядчики не сообщали о характере труда.

Производительность труда корейских рабочих в тяжелых и непривычных для них условиях (климат, характер труда и питание) была ниже, чем у русских, но чиновниками предприятий это рассматривалось как проявление нерадивости и лени. Корейцы жаловались на плохие жилищные условия, санитарно-гигиенические требования, большую скученность людей, бараки зачастую приходилось строить самим уже после прибытия на место. Существовали такие нелюбимые факты, как рукоприкладство со стороны охранников, штрафы, вычеты, продажа одежды и продовольствия по завышенным ценам, обман со стороны заводской администрации и подрядчиков. Так, в документах, касающихся военнопленных, корейцев и китайцев по Никитскому, Богословскому, Франайскому медным рудникам, Кизеловским копиям князя Абамелек-Лазарева в Соликамском уезде есть сведения о нанесении побоев, побуждению к более интенсивной работе со стороны владельцев заводов и подрядчиков [Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 87].

По воспоминаниям А. П. Ким-Станкевич, рабочие соглашались на такие условия труда и были вынуждены ждать окончания срока трудового контракта из-за тяжелых материальных условий на родине, особенно в условиях японской оккупации и преследования активистов антияпонского движения.

Тем не менее, в 1916–1917 г. по указанным причинам произошли серьезные волнения среди корейских и китайских рабочих. Сначала корейцы пытались обращаться к руководству через переводчиков, подавали петиции (Надеждинский завод), но после отсутствия каких-либо серьезных мер со стороны администрации начали оставлять работы, совершать побеги, устраивать забастовки, вступать в столкновения со стражей и полицией.

Согласно документам, сохранившимся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), в июне 1916 г. произошел конфликт между рабочими и подрядчиками в Богословском горном округе. Из Петропавловского лесничества на Фильковскую паромную пристань на разгрузку заводских барж было отправлено 13 корейцев, через эту пристань поездом проезжали в Морозовское лесничество подрядчики корейцы Ким и Хам. Рабочие явились к ним и потребовали объяснений, почему их перевели с лесорубных работ на тяжелую работу по разгрузке и почему за ними установлен полицейский надзор как за преступниками. Подрядчики оправдывались, что это произошло по обстоятельствам, от них не зависящим. Рабочие с криками набросились на подрядчиков, вытащили их из вагона и избili [Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 73].

В то же время в Морозовском и Надеждинском лесничествах 588 корейцев прекратили работу, предъявили требования о выдаче им жалования за июнь и об отмене нормы нарубки дров (по их словам, норма нарубки дров была 9 куб.

сажень и сильно превышала первоначально оговоренную) [ГАХК, Ф. П-442, оп. 2, д. 24, с. 13]. Корейцам в счет жалования была выдана обувь и одежда, поэтому корейцы продолжили забастовку с требованиями выплатить денежное жалование по договору. Кореец Па Чун Зе би подготовил соответствующие листовки для для корейцев и китайцев. По материалам отчета видно, что среди рабочих были также образованные корейцы, в том числе борцы за независимость. В отчете говорится, что они и стали основными «зачинщиками и агитаторами», поэтому под видом перевода на другие работы были помещены в Верхотурскую тюрьму. Один из них окончил горное училище в США, также было два фельдшера и несколько торговцев. 9 июля после забастовки и беспорядков были арестованы и заключены в Верхотурскую тюрьму 48 человек во главе с крестьянином Никольско-Уссурийского уезда Филиппом Ивановичем Сон [Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 74–75; ГАХК, Ф. П-442, оп. 2, д. 24, с. 14].

В рапорте Верхотурского уездного исправника от 9 июля 1916 г. (по старому стилю) говорится о забастовках, в которых участвовали корейцы: 24 человека в Надеждинском лесничестве, 14 человек в Морозовском лесничестве, 10 человек на Фильковской пристани. Все они прекратили работы и требовали изменения условий договора. После забастовок в Верхотурскую тюрьму были помещены Ни Ки Фа (25 лет), Чим-хо Гуни (42 года), Ким Пен Де (25 лет), На Хан Чей (37 лет), На Мун Ги (41 год). Всего в Богословском горный округе в тот период находилось около 1000 корейцев и 2000 китайцев.

В июне-июле 1916 г. в Надеждинском лесничестве ст. № 6 Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги 180 корейцев бросили работы по вырубке леса и потребовали увеличения жалования, а также смены рациона на привычную им пищу (морская капуста, рыба-кета) [Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 104]. В августе 1916 г. с Богословских камнеугольных копей бежало 5 корейцев: Сон Дин-чеби, Ян-Ми-Хени, Пак Ке Уни, Лим Шек Ку, Тю Вон Се [Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 126].

В июне 1917 г. произошла драка на Сосьвинском заводе между русскими и корейцами из-за проблем с заработной платой, жильем, продовольствием. В результате недовольства условиями работы произошло массовое избиение и ограбление корейцев рабочими и заводской стражей, а также милицией. Делом даже заинтересовался японский генеральный консул в Петрограде. Конфликт 18 июня 1917 г. рассматривался Верхотурским уездным и губернским комиссариатами. [Смирнов С. В.]. Южнокорейские исследователи отмечают, что условия для российских рабочих были также суровыми, что могло вызывать недовольство. После выступлений 1916–1917 гг. корейских рабочих начали лучше обеспечивать продовольствием, были приняты определенные меры по улучшению их быта (в частности, были выданы новые одежда и обувь), рабочие лучше адаптировались к условиям, но при этом была усилена охрана. При возникновении новых волнений в канцелярии Губернатора рекомендовали «при получении сведений о всяком хотя бы и незначительном брожении среди пленных, китайцев, корейцев и персов, не смотреть на это слегка..., а тотчас же выезжать на место лично, собрав с собою как можно больший отряд стражи» [ГАСО, Ф. 45, опись 1, д. 1033, с. 87–88].

Большевики использовали эти противоречия для агитации к концу Первой мировой войны. В том числе агитацию за партию большевиков среди рабочих проводила А. П. Ким-Станкевич и Ли Ёнсоп. К. П. Ким работала переводчиком в Надеждинском леспромхозе, в нем преимущественно трудились китайцы и корейцы. В мае-июне 1917 г. из числа корейских рабочих Екатеринбурга и Омска образовался «Союз уральских рабочих» – из руководящего ядра этого союза возникла большевистская организация, которая направила своего делегата на I Съезд Коминтерна [Пак Хван, с 44]. После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. часть рабочих вернулась на Дальний Восток, некоторые остались в Перми и Екатеринбурге. Удалось найти несколько регистрационных карточек в ГАСО и в ПермГАНИ. К сожалению, большая часть оставшихся на Урале корейских рабочих была репрессирована в 1932–1937 гг.

Список литературы

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 45, оп. 1, д. 274. Постановления Пермского губернатора «О порядке найма рабочих желтой расы 1915 г.».

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 45, опись 1, д. 1033. Списки служащих, рабочих, военнопленных, корейцев и китайцев по Никитскому, Богословскому, Франайскому медным рудникам, Кизеловским копиям князя Абамелек-Лазарева (Соликамский уезд).

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Ф. П-442, оп. 2, д. 24

Ким В. Туманган – пограничная река. Ташкент, 1994.

Смирнов С. В. Китайские и корейские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // Вторые Татищевские чтения/Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999.

Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.

Чемезова Л. А. Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. // Уральское востоковедение. № 1. Екатеринбург, 2005.

정철훈. 알렉산드라 페트로브나 김. 시대의창, 2021, 592 p. (Чон Чольхун. Александра Петровна Ким. Сеул: Изд-во «Сидэйджан», 2021).

박환. 러시아 한인 유적 답사기. 국학자료원, 2008 (Пак Хван. По следам борцов за независимость Кореи в России. Сеул, изд-во «Кукхакчарёвон», 2008).

The article was submitted on 17.05.2022

КОРЕЙСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В ЯПОНИИ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ (1915–1920 ГГ.)

Аннотация. В исследовании затрагивается большая и многоаспектная тема корейской диаспоры в Японии, показана роль корейской учащейся молодежи в Японии в подготовке антияпонского Первомартовского движения 1919 г. в Корее, создании «Декларации независимости». Констатируется доминантная роль социалистической идеологии в корейских студенческих обществах после Октябрьской революции в России. В 1920 г. из проживавших в Японии 30000 корейцев под негласным надзором японской полиции находились 212 чел., считавшихся неблагонадежными. Подавляющее большинство из них (151 чел.) были студентами. Это особенно впечатляет, учитывая, что корейских студентов в Японии в 1920 г. было всего 828 человек. Рабочих в списке неблагонадежных (по версии японской полиции) было очень мало, что говорит о слабой политизированности корейцев, трудившихся на японских фабриках и заводах. Большинство из этих молодых людей были патриотически настроены и видели себя в будущем только гражданами свободной независимой Кореи. Студенческие общества (кружки), которые они организовывали, формально носили научный, спортивный, просветительский характер. На деле они становились легальными центрами формирования идеологии борьбы за независимость Кореи, антияпонских политических организаций. Поражение Iмартовского движения усилило радикализм корейского студенчества в Японии. Многие из них, включая одного из лидеров студенческих организаций Ли Гван су связались с Временным правительством (Кореи) в Шанхае, которое в тот период ориентировалось на советскую Россию. Среди учащейся молодежи резко возрос интерес к социалистическим идеям, что привело к созданию в их среде нескольких коммунистических организаций.

Ключевые слова: корейские студенты в Японии, Первомартовское движение, Декларация независимости

Victor A. Gaikin

KOREAN STUDENT SOCIETIES IN JAPAN IN THE STRUGGLE FOR KOREAN INDEPENDENCE (1915–1920)

Abstract. For the first time in the Russian historiography made the attempt to show the role of the Korean students in Japan in the preparation of the anti-Japanese «first march movement» for the independence 1919 year in Korea, the creation of «the Declaration of Independence». The dominant role of socialist ideology in the student movement after the October Revolution in Russia is stated. In 1920, of the 30,000 Koreans living in Japan, 212 people who were considered unreliable were under the unofficial supervision of the Japanese police. The vast majority of them (151 people) were students. This is particularly impressive given that there were only 828 Korean students in Japan in 1920. There were very few workers on the list of unreliable workers (according to the Japanese police), which indicates the weak politicization of Koreans who worked in Japanese factories and plants. Most of these young people were patriotic and saw themselves in the future only as citizens of a free independent Korea. Student societies (circles), which they organized, formally had a scientific, sports, educational character. In fact, they became legal centers for the formation of the ideology of the struggle for the independence of Korea, anti-Japanese political organizations. The defeat of the 1st March movement increased the radicalism of Korean students in Japan. Many of

them, including one of the leaders of student organizations, Lee Gwang-soo, contacted the Provisional Government (of Korea) in Shanghai, which at that time was oriented towards Soviet Russia. Interest in socialist ideas increased dramatically among young students, which led to the creation of several communist organizations among them.

Keywords: Korean students in Japan, «First March Movement», the Declaration of Independence

В начале XX века Токио стал притягательным интеллектуальным центром корейских студентов. Корея в 1-й трети XX века не имела достаточного количества средних и высших учебных заведений, чтобы удовлетворить тягу молодёжи к знаниям. Неспособность отсталой корейской деспотии противостоять капиталистической Японии привела молодежь к пониманию необходимости изучения западной науки и философии как необходимой компоненте развития общества и государства. Политика террора, проводимая Японией в Корее, оставляла мало возможностей для независимой общественно политической деятельности внутри страны. Базой идеологической (и отчасти организационной) подготовки независимости, как это ни парадоксально, стала Япония.

Молодые корейские иммигранты в чужой стране объединялись в общества взаимопомощи, кружки изучения японского языка, дискуссионные клубы. Способность к общественно-политической самоорганизации – одна из специфически национальных черт корейцев. Профессиональные, студенческие, политические организации корейской диаспоры в Японии начали создаваться практически одновременно с появлением в Японии корейских эмигрантов. Young Men's Christian Association – Христианская Ассоциация Молодых Людей (аббревиатура – YMCA), действовавшая в Корее, имела представительство и офис в Канда (район Токио). Сотрудники YMCA приветствовали посещения представительства корейскими студентами (и не только христианами). Здание миссии вскоре превратилось в неофициальную штаб-квартиру корейских студентов, используемую для проведения политических митингов, встреч, дискуссий.

О содержании дискуссий, проходивших в здании YMCA, говорят некоторые примеры. 9 апреля 1915 г. в Доме собраний корейской христианской молодежи (неофициальное название офиса YMCA) проходил съезд абитуриентов – выпускников корейских школ, приехавших учиться в Японию. Студент университета «Мэйдзи» Сон Чжин У в своем выступлении сказал: «В скором будущем мы должны будем изменить существующую ситуацию и готовиться к этому нужно уже сейчас. Для свержения (японского колониального режима) необходимы 4 компоненты: 1) Общественное мнение; 2) ораторское искусство; 3) литература; 4) непосредственные действия (прямые акции)». 21 августа 1916 г. на прощальном вечере председателя токийского общества корейской христианской молодежи в выступлении Чан Тык Су прямо говорилось, что Корея нуждается и в социальных преобразованиях для воссоздания государства: «Корейские студенты в Японии надеются на возрождение разложившейся Кореи. В будущем управлять Кореей будут эти студенты. Мы должны на базе общества молодых христиан-корейцев строить сильные организации и планировать социальную революцию» [Пак Кен Сик, с. 74].

Большинство этих молодых людей были патриотически настроены и видели себя в будущем только гражданами свободной независимой Кореи. Студенческие общества (кружки), которые они организовывали, формально носили научный, спортивный, просветительский характер. На деле они становились легальными центрами формирования идеологии борьбы за независимость Кореи, антияпонских политических организаций. 23 мая 1915 г. на собрании «Общества читателей» в присутствии 300–400 молодых корейцев Ким Чхоль Се заявил: «Восток для восточных людей, а именно Китай – для китайцев, Индия – для индийцев...». Собравшиеся дружным криком закончили его мысль: «Корея – для корейцев!» [Пак Кен Сик, с. 71].

«Общество ораторов» формально было создано для развития у студентов умения вести дискуссии, совершенствования японского языка. О настоящем содержании его деятельности говорит такой пример. 17 февраля 1917 г. на съезде общества ораторов студент Сон Вон Кион в своей речи заявил о необходимости пропаганды борьбы за свободу Кореи, формирования национального самосознания: «У нашего народа не хватает духа коллективизма. Когда наш народ поверит в то, что независимость достижима, только тогда эта цель станет реальной» [Пак Кен Сик, с. 73]. Носителями радикальных идей были и члены еще одного известного молодежного объединения «Общества однокашников». На объединительном съезде этих кружков студент университета «Нихон» Чха Нам Чин предложил создавать боевые дружины (гиютай) «Мы – нация, которая имела государственность. Подняв корейский флаг, с криком мансе (бандзай), нам нужно продвигаться вперед».

Самой влиятельной, многочисленной, «долгоиграющей» организацией корейского студенчества в Японии стало «Токийское общество дружбы корейских студентов» (Токио тэсэн рюгакусэй гакуюкай), которое появилось в результате объединения 7 мелких студенческих организаций, имевших досуговый либо земляческий характер. Его руководители всеми способами (не всегда этически допустимыми) пытались охватить влиянием, поставить под свой контроль большинство токийских студентов-корейцев [Пак Кен Сик, с. 69].

Октябрьская революция в России оказала влияние на корейскую учащуюся молодежь как наглядный пример «технологии» и возможности изменения государственного устройства. На объединительном съезде общества ораторов (18 мая 1918 г.), проведенном по инициативе Гакуюкай, студент Хан Тхэ Вон пропагандировал социалистические идеалы: «В обществе не будет классовых различий, пропасти между богатством и бедностью – того что в современном обществе является причиной недовольства и конфликтов. Поэтому все сейчас хотят социализма [Пак Кен Сик, с. 83]. В 1920 г. из проживавших в Японии 30000 корейцев под негласным надзором японской полиции находились 212 чел., считавшихся неблагонадежными. Подавляющее большинство из них (151 чел.) были студенты [Mitchel R. H., p. 14, 18]. Это особенно впечатляет, учитывая, что корейских студентов в Японии в 1920 г. было всего 828 человек [Пак Кен Сик, с. 59]. Рабочих в списке неблагонадежных (по версии японской полиции) было очень мало, что говорит о слабой политизированности корейцев, трудившихся на японских фабриках и заводах.

30 декабря в токийском доме христианской молодежи состоялся съезд общества ораторов (присутствовало 400 человек). В процессе обсуждения будущего Кореи студенты пришли к выводу, что «Корея должна стать независимой, а мы должны принести в жертву свои жизни для достижения этой цели». 6 января 1919 г. на конференции Общества ораторов, организованной Гакуюкай, присутствующие решили, что наступило время конкретных действий для освобождения Кореи. Был избран временный «комитет действия» из 10 человек [Пак Кен Сик, с. 78]. Полиция была осведомлена о планах инсургентов и 7 января возле Дома христианской молодежи арестовала 12 студентов.

Заговорщики решили перейти на подпольный режим и создали тайное общество «Молодежь за независимость Кореи» (Тёсэн сэйнэн докуруцудан). По поручению членов общества один из его лидеров, студент Ли Гван Су в начале февраля написал проект Декларации независимости. В Декларации осуждалась аннексия Кореи: «Наш народ, чтобы добиться независимости, свободы, права на существование будет бороться до последней капли крови. Если японские власти не пойдут навстречу справедливым требованиям корейского народа, мы объявим Японии вечную кровавую войну. Наш народ имеет древнюю историю, традиции государственной независимости. Это великий народ, внесший значительный вклад в мировую культуру. Мы требуем у мирового сообщества и у Японии реализации права на самоопределение» [Пак Кен Сик, с. 82].

В декларации отчетливо ощущается влияние Октябрьской революции в России на мировоззрение авторов текста: «Россия ... ликвидировала милитаризм и строит новое государство на основе справедливости и свободы ... После создания нового государства, ставшего первым прогрессивным и демократическим государством, построенным на принципах справедливости и свободы, у нас появилась надежда, что и наша нация сможет внести свой вклад ... в дело мира и справедливости» [История Кореи, с. 40]. Текст был утвержден на собрании студентов.

5 февраля состоялся съезд студентов, который, по мнению корейского исследователя Пак Кен Сика, был по существу съездом общества «Молодежь за независимость Кореи». На нем декларация независимости была публично зачитана. Полиция разогнала собрание, арестовав 27 студентов. Пак Кен Сик, автор книги «Корейцы в Японии, социально-политическая история» считал: «Декларация независимости сыграла роль импульса [Первомартовского движения] и оказала большое влияние на последующую борьбу за независимость. Декларация токийских студентов подвигла корейского издателя Чхе Нам Сона и многих других влиятельных деятелей к поддержке движения за независимость» [Пак Кен Сик, с. 82]. Буржуазные националисты в Корею, получив текст декларации, посчитали его слишком радикальным. Был образован комитет, который поручил Чхе Нам Сону составить более умеренный текст декларации.

27 февраля 1919 г. 33 известных представителя корейского истеблишмента (предприниматели, мыслители, религиозные деятели) подписали текст, написанной им Декларации Независимости. Декларация провозглашала: «Идеи равенства всех людей на земле священны, право наций на самоопределение не подвергается сомнению. Народ выражает великие чаяния свободной нации. Мы должны повли-

ять на японских политиков, стоящих на ложной позиции...придерживающихся старых методов насилия...» [История Кореи, С. 41]. Демонстрацию с требованиями независимости решили провести 1 марта, то есть приурочить к дню похорон бывшего императора Кореи Кочжона, назначенных японской колониальной администрацией на 3 марта. Декларация независимости сыграла роль той самой искры, которая, упав на хорошо подготовленную японским колониальным гнетом почву ненависти к захватчикам, зажгла «пламя» Первоапрельского движения.

Лидеры движения учли опыт неудачного вооруженного сопротивления японцам 1905–1910 гг. Их целью было привлечение внимания международного общества к ситуации в Корее массовыми ненасильственными акциями. Японцы чувствовали себя в Корее чужими во враждебной стране и стремились подавить движение, которое носило общенациональный характер (15 тыс. демонстраций, 2 млн участников), любой ценой. По официальным японским данным, число убитых составило 553 чел. и более 12 тыс. было арестовано.

Поражение Первоапрельского движения усилило радикализм корейского студенчества в Японии [Nim Wales, p. 30]. Многие из них включая одного из лидеров студенческих организаций Ли Гван Су, связались с Временным правительством (Кореи) в Шанхае, которое в тот период ориентировалось на советскую Россию [Mitchell R. H., p. 25]. Среди учащейся молодежи резко возрос интерес к социалистическим идеям, что привело к созданию в их среде нескольких коммунистических организаций.

Список литературы

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). в 2-х томах / Ред. кол.: Б. Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1974. Т. 2. 463 с.

Пак Кен Сук. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Корейцы в Японии. Социально-политическая история). Токио: Санъити сёбо, 1979. 398 с.

Mitchell R. H. The Korean Minority in Japan. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1967. 270p.

Nim Wales, Kim San. Song of Ariran, a Korean Communist in the Chinese Revolution. San Francisco: Ramparts Press, 1972. 286 p.

The article was submitted on 19.03.2022

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ФЕНОМЕНЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Аннотация. В разное время вопрос корейского колониального прошлого поднимался в работах многих российских исследователей, среди которых К. В. Асмолов, К. В. Иванов, А. Н. Ланьков, В. М. Тихонов и другие. Однако ни в одном из изученных авторами статьи трудов российских корееведов не рассматривается вопрос о корейских городах в колониальный период, развитие которых было одним из приоритетных направлений работы чиновников японской колониальной администрации. Особенно интересным это явление представляется в свете того, что и после освобождения Кореи, вплоть до 1960-х гг., основные положения городских планов, принятых еще колониальными властями, сохранялись и активно применялись. В статье рассматриваются основные тенденции и направления изучения феномена колониальной урбанизации в научных трудах представителей современной историографии Республики Корея, проанализированы основные направления в освещении реалий корейских городов в колониальный период, выявлены основные выводы наиболее заметных исследований, проведенных в Корее на современном этапе. Подвергнут анализу широкий круг работ южнокорейских исследователей, опубликованных преимущественно в специализированных журналах и других периодических изданиях, малоизвестных в России, определены ведущие направления южнокорейской историографии в изучении проблем развития корейских городов в колониальный период, позволяющих расширить представления о процессах, протекавших на Корейском полуострове в первой половине XX века. В этом смысле статья обладает существенным аспектом новизны.

Ключевые слова: колониальная Корея, города, японское управление, модернизация, урбанизация, южнокорейская историография.

Ekaterina A. Guskova, Vadim A. Kuzmin

MODERN SOUTH KOREAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE PHENOMENON OF COLONIAL URBANIZATION

Abstract. At various times, the issue of the Korean colonial past was raised in the works of many Russian researchers, including K. V. Ivanov, A. N. Lankov, V. M. Tikhonov, K. V. Asmolov and others. However, none of the works of Russian Korean scholars studied by the authors of the article deals with the issue of Korean cities in the colonial period, the development of which was one of the priority areas of work of officials of the Japanese colonial administration. This phenomenon is particularly interesting in the light of the fact that even after the liberation of Korea, up to the 1960s, the main provisions of the city plans adopted by the colonial authorities were preserved and actively applied. The article examines the main trends and directions of studying the phenomenon of colonial urbanization in the scientific works of representatives of modern historiography of the Republic of Korea, analyzes the main directions in the consecration of the realities of Korean cities in the colonial period, identifies the main conclusions of the most notable studies conducted in Korea at the present stage. The article analyzes a wide range of works by South Korean researchers published mainly in specialized journals and other periodicals that are little known in Russia, identifies the leading directions of South Korean historiography in the study of the problems of development of Korean cities during the colonial period, allowing to expand the understanding of the processes that took place on the Korean peninsula in the first half of the XX century. In this sense, the article has an essential aspect of novelty.

Keywords: Colonial Korea, cities, Japanese governance, modernization, urbanization, South Korean historiography

Колониальный период в корейской истории оставил неизгладимый след, а отголоски прошлого до сих пор звучат время от времени, в зависимости от ситуации на полуострове. Однако интерес к колониальному прошлому страны остается неизменным: ежегодно выпускается множество работ на разнообразные темы, которые связаны единой тематикой – колониальным господством японцев и его влиянием на жизнь и историю корейского общества.

Многие современные южнокорейские историки считают, что колониальное правление не должно исключать модернизацию, скорее, к нему следует относиться как к фундаменту, заложившему условия для формирования и воспроизводства моделей модернизации, которая наиболее явно проявляется в изменениях, касавшихся повседневной жизни населения полуострова. Модернизация, протекавшая в больших городах, таких как Сеул и Пусан, незначительно отличалась от таковой в японских городах [Hur Young-ran, p. 69–72]. Восприятие колониальной модернизации через такие элементы городской культуры, как кинотеатры, кафе, чайные, универмаги, витрины, массовые зрелища помогает лучше понять жизнь современников и более критически подойти к оценке исторических процессов.

Новый взгляд на колониальную модернизацию привнес значительные изменения в изучение корейской истории периода колониальной зависимости от Японии. Однако большинство исследований все же концентрируются на промышленности и ее влиянии на города [Ким Дыксу, Хан Донсу, Ким Ёнджэ, с. 21–23]. Хотя земледелие и сельская местность были основными факторами жизни большинства корейцев, современный уровень южнокорейской историографии не позволяет говорить о какой-либо степени изученности влияния модернизации на корейское сельское хозяйство в колониальный период. Можно лишь отметить, что труд и стиль жизни корейских земледельцев оставались традиционными, перенятыми от предыдущих поколений, что крайне усложняло возникновение и быстрое принятие каких-либо новшеств [Hur Young-ran, p. 69–72]. Тем не менее, некоторые исследователи из Южной Кореи считают, что и сельская местность, где проживало около 70 % корейского населения, также была вовлечена в «современный мир» [Ким Хынсун, 2011, № 46, с. 74].

Официально урбанизационная политика японской колониальной администрации в Корее началась в 1934 г. и продолжалась до 1945 г., однако заметные мероприятия по осуществлению городского планирования начались еще в 1900-е гг. Осуществлялась такая политика в 43 корейских городах, подавляющее большинство которых возникло при содействии со стороны колониальной администрации.

Рост интереса к городам со стороны колониальной администрации произошел с конца 1920-х годов, а уже в 1930-х гг. встала острая необходимость в разработке планов по проведению урбанизационных мер в связи с достаточно высоким уровнем развития транспортной сети, в частности, автомобильных и железных дорог. Одной из основных поставленных задач было обеспечение легкой доступности ключевых портов и подходящей к выполнению поставленных колониальной администрацией задач инфраструктуры. Городское планирование и конкретные действия японской колониальной администрации в Корее были также обусловлены быстрым ростом населения в пределах изначально небольшого городского пространства.

Труды современных южнокорейских историков, занимавшихся изучением проблем модернизации и урбанизации, можно разделить на несколько групп.

Некоторые исследователи (Чон Сансук, Ким Ёнми) считают, что модернизация в течение японского колониального периода ограничивалась лишь количественными показателями экономики, а индустриализация и экономический рост в указанный период форсировались лишь с целью колониальной эксплуатации и вели к разрушительным последствиям.

Другие историки (Ким Ёнджэ, Кан Чхану, Ём Боккю) утверждают, что несмотря на заметные и качественные меры по развитию и росту, которые были предприняты в колониальный период, все улучшения были направлены лишь на японцев, проживавших в Корее, и мало касались жизни корейцев.

Третья группа исследователей (Ан Чханмо, Со Киджэ, Ким Дэджун, Ким Соён) утверждает, что современное общество сформировалось в Корее как раз в годы колониальной зависимости и именно это послужило двигателем роста и развития, продолжающихся с момента Освобождения вплоть до наших дней.

Наконец, есть те, кто выступает за критический подход и анализ на основе фактов, призывают к объективному восприятию колониального периода, например, Юн Сангиль, Юн Санвон, Ли Сонсун и Юн Хичхоль.

В целом, современные подходы южнокорейских исследователей к анализу колониального прошлого можно подразделить на три направления: негативное, позитивное и критическое восприятие модернизации и урбанизации.

В 1980-е – 1990-е гг. историки Южной Кореи, занимавшиеся проблемами урбанизации, в основном изучали предпосылки к созданию планов городского развития, их основное содержание и процесс осуществления (Сон Чонмок, Ли Мёнгю).

В 2000-е гг. исследователи начали уделять внимание проявлениям модернизации, в том числе и урбанизационной, в содержании колониальных документов (Ким Хынсун). Именно на этот период приходится развитие идеи «двойственности» колониального периода как комбинации положительного и отрицательного. Произошел также переход к детальному рассмотрению и исследованию городских планов Сеула (в колониальный период этот город назывался Кёнсон) и их осуществления (Ём Боккю). Стали обращать внимание на юридическую сторону городских планов как официальных документов (Юн Хичхоль), проводился анализ картографических материалов (Чон Инха).

В 2010-е гг. упор в основном делался на то, как процессы модернизации и урбанизации протекали в отдельно взятом регионе. Такими исследованиями, в частности, занимались Юн Хёнсок, Ли Ынэ, Сим Джэхён, Ли Ёнгён. Основной проблемой, с которой столкнулись корейские исследователи и которая неоднократно упоминается в их трудах, является проблема доступности соответствующих архивных документов [Юн Хичхоль, 2016, с. 75], поскольку при эвакуации персонала колониальной администрации многие ключевые документы были вывезены в Японию или уничтожены.

Некоторые исследователи утверждают, что интерес к вопросам урбанизации в корейском историческом сообществе стал проявляться еще в 1980-е гг., однако каких-либо значительных работ в тот период опубликовано не было. Реальным

началом движения в направлении изучения колониальной урбанизации принято считать вторую половину 1990-х гг., когда стало действовать научное «Общество по исследованию истории Сеула». Результаты, достигнутые учеными, стали публиковаться в журнале «Исследование Сеула» [Чхан Кюсик, с. 148].

В последнее время корейскими авторами все чаще подчеркивается, что исследования колониальной урбанизации хоть и не совсем новы и этим достаточно рано, еще в 1950-е гг., начали заниматься их британские коллеги, все же необходим новый взгляд на процессы, происходившие в городах Корейского полуострова в период колониальной зависимости от Японской империи. В их публикациях часто можно увидеть ссылки на работы Гордона Черри (Gordon Cherry), в 1974 г. организовавшего под своим началом группу по исследованию истории планирования (Planning History Group), вокруг результатов деятельности которой среди корейских исследователей развивается увлекательнейшая полемика. В частности, постоянно подчеркивается отличие процесса урбанизации в Корее от такового в Европе и Америке. При этом не отрицается непосредственное европейское влияние на Японию, которая впоследствии оказывала прямое воздействие на подконтрольные ей территории.

Одним из авторов, посвятившим себя этой проблеме, стал Пак Хёнён, который занимался выявлением и упорядочением факторов, повлиявших на формирование и развитие корейских городов через урбанизационные планы японских властей, а также внес вклад в развитие концепций колониальной модернизации и урбанизации. На основе анализа предпринятых японскими колонизаторами мер, Пак Хёнён попытался определить степень их влияния на формирование городского пространства и дать оценку происшедшему. Он пришел к выводу, что из-за японского вмешательства корейские города потеряли свою сущность и лишились возможности приблизиться к тому культурному идеалу, о котором мечтали корейцы в колониальный период.

Его труды положили начало концепции «двойственности», которая стала активнейшим образом развиваться в 2010-е гг. На начальном этапе концепция заключалась в том, что исторические процессы и изменения в колониальной Корее оставили свой след и отражали разницу между городскими районами с преимущественно корейским или японским населением. Ученый утверждал, что для полного понимания процессов, происходивших в корейских городах колониального периода, «необходимо обращать внимание не только на какой-то отдельный аспект, а рассматривать проблему комплексно с точки зрения как истории, так и культуры и искусства» [Пак Хёнён, с. 74–93].

В 2000-е гг. произошло значительное усложнение структуры проводимых исследований, теперь колониальный город рассматривался еще и с технической и юридической сторон, активизировалась аналитическая работа с различного рода документами.

В 2017 г. Юн Хичхоль разделил все опубликованные на тот момент работы по колониальной урбанизации на четыре большие группы:

Публикации, посвященные хронологии урбанизации. Эти исследования принимают за отправную точку установление японского протектората или же полноценного колониального режима.

Исследования, посвященные юридическим и бюрократическим аспектам урбанизации. Такие работы в основном фокусируются на особенностях районного городского планирования.

Труды, посвященные изменениям облика городов. Большинство работ, касающихся урбанизационных планов, как раз фокусируется непосредственно на изменениях, которые претерпели населенные пункты. Эти исследования отличаются широким спектром освящаемых вопросов и принимают за отправную точку открытие портов, которое произошло в конце XIX века.

Работы, посвященные административному управлению городов. Они охватывают все сферы управления, чтобы показать важность принимавшихся административных мер и их влияние на изменение городов. В таких работах упор делается не только на муниципальное управление, но и на условия, повлиявшие на принятие тех или иных решений, касавшихся урбанизации [См.: Юн Хичхоль, 2017, с. 233].

Первыми учеными, которые начали использовать хронологический подход к изучению проблемы колониальной урбанизации, были Ким Ёйвон, Юн Чонсон и Сон Чонмок [Юн Хичхоль, 2017, с. 234]. Ким Ёйвон и Юн Чонсок исследовали основные причины политических и социальных изменений, непосредственно связанных с городскими планами. Сон Чонмок посвятил свою работу процессу урбанизации [Ким Ёйвон, с. 836–911; Сон Чонмок, с. 19–33].

Хронологический подход основывается на теории «временного и пространственного разделения», которая выделяет этапы применения и осуществления городских планов и уделяет внимание их особенностям и характеру, а также причинам их возникновения и влиянию. На начальных этапах исследования этому подходу отдавал предпочтение Пэк Киён, который первым составил хронологическую матрицу, в основном упорядочившую урбанизационную историю. Впервые были четко определены временные рамки и этапы японской колонизации, которые были разделены на протекторат (1905–1910), «сабельный режим» (1910–1919), период «культурного правления» (1919–1931) и период милитаризации и всеобщей модернизации (1931–1945). В свою очередь, эти большие этапы подразделялись на «ступени» [Пэк Киён, с. 92–94].

Первым, кто обратил внимание на особенности региональной юриспруденции, связанной с урбанизацией, был Но Кёнсу. В его работе проведен сопоставительный анализ современных колониальному этапу юридических систем США, Германии, оказывавшей колоссальное влияние на Японию, Корею и самой Японии; была предпринята попытка выявления особенностей региональной администрации и ее работы по претворению урбанизационных планов в жизнь [Но Кёнсу].

В 2006 г. его работа была продолжена Ли Сонсуном, посвятившим себя анализу региональных архивных материалов. В своей статье он представил научный обзор сохранившихся в Корее документов японских колониальных властей, дал оценку их важности для дальнейших исследований и призвал молодых ученых к разработке этого направления [Ли Сонсун, 2006, № 14].

В корейском научном сообществе активно поддерживалась идея преобладающего экономического влияния на урбанизацию полуострова. Пак Сехун, опираясь на работу Энтони Сатклифа (Anthony Sutcliffe), утверждал, что между индустри-

ализацией и урбанизацией существует прямая связь, приводя в пример развитые страны Запада [Пак Сехун, с. 167–198]. Идеи Пака интересны тем, что в качестве обязательных условий для развития городского пространства он выделяет конкуренцию, которая призвана оживить взаимодействие и установить связи не только между разными регионами, но и между странами.

В 2009 г. увидела свет работа Ём Боккю, посвященная анализу урбанизационных процессов, имевших место в Кёнсоне (Сеуле). Он писал, что «Япония рассматривала Корею как военный фактор для продвижения вглубь материка, а милитаристскую составляющую своих планов как основу для рождения колониальных городов». В своем исследовании Ём Боккю, опираясь на документы, найденные в начале 2000-х гг., доказывал, что урбанизационные планы колониальной администрации в Корее были фактически идентичны планам развития японских городов [Ём Боккю, 2009].

В статьях, посвященных процессам расширения и усложнения городского пространства Сеула, Ём Боккю тщательно исследовал план 1939 г. по созданию городской агломерации Кёнсон-Инчхон, положивший начало формированию «пояса» городов вокруг Сеула. Как утверждал автор, сделано это было в основном для того, чтобы воспрепятствовать беспорядочному и неконтролируемому росту городов [Ём Боккю, 2002, с. 125–152; 2004, с. 297–219; 2008, с. 171–204; 2013, с. 36–64; 2017, с. 199–223]. Можно утверждать, что наследие этого плана до сих пор хорошо заметно как в Сеуле, так и в городах, его окружающих.

Своеобразным оппонентом Ём Боккю выступил Ким Хынсун, который в 2007 г. призвал к переосмыслению роли колониальных планов. Он подчеркивал, что хотя и важно дать оценку колониальной модернизации и урбанизации, пока еще «рано безапелляционно что-то с уверенностью заявлять ввиду недостаточной изученности вопроса» [Ким Хынсун, 2007, с. 155–173; 2011, № 23, с. 1–28; 2011, № 46, с. 69–92].

Эту же мысль впервые озвучил еще в 2002 г. Ли Кюхван, который исследовал процесс городского развития Сеула с момента установления колониальной зависимости до наших дней [Ли Кюхван, с. 18]. Высказанные им идеи значительно повлияли на дальнейшую историографическую дискуссию о процессах урбанизации в колониальной Корее. В частности, он обратил внимание, что нередко в сохранившихся документах присутствовали ошибки, критически влиявшие на смысл содержания текста, он призывал своих коллег быть внимательными и осторожными, скептически относиться к прочитанному, утверждал, что невозможно составить полную картину, не привлекая широкий круг источников. Кстати, почти все корейские исследователи, занимающиеся данной проблематикой, отмечают крайнюю степень ограниченности материалов, вызванную тем, что при эвакуации генерал-губернаторства в 1945 г. большинство документов было уничтожено или вывезено в Японию.

В числе первых исследований, посвященных изменениям облика корейских городов, следует упомянуть работу Ким Квану, опубликованную в 1992 г., в которой он затронул и колониальное городское планирование. В основном он изучал города-крепости, однако его, главным образом, интересовала их история, а не влияние колониализма [См.: Ким Чонбо, с. 312–338].

Продолжая работу, начатую Сон Чонмоком, Ким Кихо опубликовал в 1995 г. статью, в которой разбирались особенности развития районов Кёнсона [Ким Кихо, с. 44–66]. В 1999 г. вышла работа Ким Ёнгына, в которой впервые рассматривались изменения, произошедшие в повседневной жизни жителей Сеула под японским управлением [Ким Ёнгын]. Не менее интересна статья Ким Бэкёна, который сравнил колониальный Кёнсон с Токио первой половины XX века [Ким Бэкён, 2003, с. 76–102]. В частности, он проводил параллели между Токио и районами проживания японцев в Кёнсоне, уровнем доступности разнообразных городских объектов, призванных сделать жизнь горожан безопаснее и удобнее.

Важными городами для колониальной Кореи, помимо Кёнсона, были Пусан и Тэгу. Одними из первых ученых, обративших на них внимание, были Е Минхэ и Ким Кённам. Е Минхэ сосредоточилась на начальных этапах осуществления урбанизации, мерах по развитию городов, выделив четыре стадии мероприятий, предпринимавшийся колониальными чиновниками. Именно это исследование стало отправной точкой для разработки идеи, согласно которой «города в колониальной Корее развивались в соответствии с потребностями японцев и всегда такое развитие начиналось в районах их проживания, затем в некоторых случаях распространяясь и на прилегавшие районы расселения корейцев» [Е Минхэ, Ли Чонхо, Хо Манхён, с. 69–74].

Серьезное изучение Пусана началось со статьи Ким Кённама, в которой он рассмотрел истоки развития города и характерные особенности этого процесса. Он многократно подчеркивал важность Пусана в осуществлении множества японских стратегий, что довольно быстро превратило город в своего рода «японскую базу» [Ким Кённам, 1999, с. 223–259]. В статье, опубликованной в 2007 г., Ким Кённам проанализировал организацию управления Пусаном колониальной администрацией и провел сравнение ранее существовавших городских моделей с той, которая была создана усилиями японских чиновников. В статье обращалось внимание на изменения, произошедшие в Пусане в связи с ростом милитаризации и осуществлением мероприятий по подготовке Японии к войне [Ким Кённам, 2007, с. 81–121].

Особое место в южнокорейской историографии занимает «традиционный город» Кванджу, о котором написано немало строк. В 1994 г. первую статью о Кванджу опубликовал Ким Квану [Ким Квану, с. 125–146]. В исследованиях по Кванджу основной акцент делался на историческом прошлом города и тех трудностях, которые ему пришлось пережить, находясь под управлением японской администрации.

Приморский город Мокпхо также привлек внимание ученых [Пак Чончхоль, Кан Бёнги, с. 135–155], поскольку он был образцовым городом, развивавшимся по достаточно стандартному для приморских городов «сценарию». После открытия корейских портов произошел их быстрый рост, явно отразившийся в структуре городского пространства. Важно отметить, что городские планы в Мокпхо осуществлялись очень эффективно, в соответствии с задуманным, что в целом не было характерно для колониальной урбанизации.

Среди работ, посвященных изучению административных мер, принятых японскими колониальными властями в сфере городского планирования, следует отме-

тить исследования Ким Бэгена, который рассматривал колониальную урбанизацию с точки зрения баланса прав и обязанностей жителей городов. Он тщательно проанализировал политические и социальные меры властей, направленные на минимизацию или подавление конфликтных ситуаций, а также исследовал отношение представителей японской администрации к подконтрольному населению [Ким Бэгён, 2005, с. 84–128].

В 2006 г. Ли Сонсун опубликовал статью, у которой рассматривалась работа совещательных органов японского генерал-губернаторства в Корее по вопросам колониальной урбанизации [Ли Сонсун, 2006, № 134, с. 221–264]. Эта статья стала серьезным шагом к началу изучения деятельности множества управленческих структур, существовавших в колониальной Корее.

Ём Боккю в своих исследованиях поднял тему городской бедноты, *тхомакминов*, появившихся как прослойка населения в 1920-е гг. вследствие проводившихся японскими властями мероприятий по преобразованию городского пространства [Ём Боккю, 2002, № 8, с. 125–152]. Эта тема получила затем большое внимание в исследованиях, опубликованных в 2010-е гг.

Понятие «колониальная модернизация» впервые появилось в работах южнокорейских историков в 1999 г. и обозначало процессы по преобразованию пространства колонии японскими властями. Это понятие является достаточно спорным для южнокорейской историографии. Большинство ученых до начала 2010-х гг. избегали его, поскольку считали унизительным признавать, что модернизация и индустриализация в Корее произошли при активном участии японцев. Молодое поколение корейских исследователей призывает признать вклад японской колониальной администрации в индустриализацию полуострова, повышение качества жизни населения, улучшение ситуации в образовании, в то же время старшее поколение упорно продолжает придерживаться критических оценок вроде «колониальной эксплуатации» и «колониального угнетения».

С течением времени смысл понятия значительно усложнился, и часто корейские исследователи специально оговаривают, что они понимают под «колониальной модернизацией» в конкретном контексте. На сегодняшний день это понятие можно сформулировать как *процесс изменения колониальной территории и общественного сознания, который происходил в колониальный период посредством комбинации мер жесткой и мягкой силы с применением новейших достижений культуры и техники*. Чаще всего это понятие можно встретить в работах современных молодых авторов, которые призывают к комплексному, а не одностороннему восприятию такого сложного феномена, как колониализм.

Как более нейтральные в современной южнокорейской историографии используются такие понятия, как «колониальная урбанизация» и «модернизационная урбанизация», причем последнее считается наиболее точным и правильным, оно часто встречается в публикациях, вышедших свет в последние 10–12 лет. Однако исследователи, отдающие ему предпочтение, нередко подвергаются критике со стороны своих старших коллег.

Можно сказать, что в 2010-е гг. начался настоящий бум исследовательской деятельности по изучению проблем модернизации и урбанизации в колониаль-

ной Корее, ежегодно выпускались сотни работ, посвященных этой проблематике. Во многих новых публикациях южнокорейских авторов все чаще прослеживались прямые аналогии с современным городским устройством, более глубоко рассматривались конкретные результаты деятельности колониальной администрации, поскольку, как стало известно, ранее составленные японскими чиновниками урбанизационные планы осуществлялись в Южной Корее без каких-либо значительных изменений вплоть до 1960-х гг.

Одним из наиболее видных исследователей колониальной урбанизации является Юн Хичхоль, написавший достаточно внушительное количество трудов. Большое внимание он уделяет изучению новых научных публикаций, подготовленных его коллегами, дает им развернутую характеристику. Юн Хичхоль подробно анализирует новые тенденции в исследованиях корейских ученых, подчеркивает наиболее значимые моменты, выделяет работы с особенно интересными сюжетами [Юн Хичхоль, 2017].

В 2012 г. Ли Ёнгён и Ким Сону опубликовали статью, в которой, рассматривая период, предшествовавший аннексии Кореи 1895–1910 гг., исследовали важную проблему расширения районов расселения японцев в Корее. [Ли Ёнгён, Ким Сону, 2012, с. 215–224].

Ём Боккю, частично сменивший направление своих исследований, опубликовал в 2013 г. статью о земельной реформе и упорядочивании городских земельных участков в 1930–1940-е гг. При этом он рассматривал не только столицу, Кёнсон, но и прилегавшие районы, которые из окраин постепенно превращались в города [Ём Боккю, 2013].

Ким Хана привлекла внимание к району под названием Ёндынпхо, который до установления колониального режима «не имел особых стимулов к развитию, но благодаря системе логистики японского генерал-губернаторства начал развиваться быстрыми темпами». Это стало возможным в результате строительства в непосредственной близости от населенного пункта железной дороги, вследствие чего в Ёндынпхо увеличилось число японских жителей, стала развиваться промышленность [Ким Хана, с. 33–66]. Пример Ёндынпхо показателен, поскольку многие корейские города, оказываясь близко от железных дорог, начинали расти и развиваться примерно в схожих условиях.

В 2013 г. было опубликовано интересное исследование Пэ Ёнхак и Кан Тонджина, в котором последовательно, по годам были прослежены изменения внешнего облика Пусана. Авторами статьи был также проведен глубокий анализ положения неравенства между корейскими и японскими жителями города [Пэ Ёнхак, Кан Тонджин, с. 125–141].

В 2010-е годы возникло еще одно, совершенно новое для южнокорейской историографии направление по изучению колониальной урбанизации, которое можно условно обозначить как культурно-антропологическое. Исследователи стали обращать больше внимания на культурные явления, отклик общества на социальные, экономические и политические изменения, происходившие в его жизни. Идея «двойственности», которая раньше иллюстрировалась лишь экономическими и политическими примерами, как, например, неравное распределение

ресурсов или же разница в правах и обязанностях японских и корейских жителей, вышла на новый уровень, начали сравнивать их культуру, менталитет, отношение к различным событиям, предпочтения, пищевые практики и многое другое.

В целом, можно сделать следующие выводы. Дискуссии и открытая полемика не присущи южнокорейской историографии, однако в последние годы все чаще можно увидеть осторожные замечания со стороны молодых исследователей, склонных к менее жесткой и категоричной оценке колониального периода. Главным образом споры разворачиваются вокруг уместности использования термина «колониальная модернизация», которому в последнее время все чаще отдается предпочтение. В 1990-е и 2000-е годы приоритет в научных исследованиях отдавался экономике и политике как основным факторам, оказывавшим влияние на историческое развитие городов в колониальной Корее. Однако в 2010-е годы появляется все больше работ, посвященных культурным аспектам «колониальной урбанизации». Начиная с этого времени, во многих исследованиях южнокорейских ученых политика колониальных властей воспринимается более комплексно, как комбинация мягкой и жесткой силы, а не как отдельно взятые меры исключительно политического или экономического характера. Ежегодно увеличивается количество работ, написанных по проблемам колониальной урбанизации, а тематика исследований становится все разнообразнее. Однако несмотря на постоянно растущее число исследований, посвященных «колониальной урбанизации», это направление пока остается самым малоизученным аспектом феномена колониализма на Корейском полуострове. Несмотря на то, что первые попытки изучения колониальной урбанизации в Корее были предприняты европейцами задолго до появления интереса к этой проблеме у самих корейцев, последние не согласны с точкой зрения и выводами европейских коллег. Они призывают к иному взгляду на проблему и пересмотру многих позиций относительно истории Кореи в первой половине XX века.

Список литературы

Ан Чханмо 안창모. Хангук кындэ-доси-чуго-э хёнсон-гва сонгёк 한국 근대도시주거의 형성과 성격 (Рост и характер корейских колониальных городов) // Дэджун-соса-ёнгу (Исследования взаимодействия масс и меньшинств). 2011. № 17. С. 93–125.

Е Мёнхэ 예명해, *Ли Чонхо* 이정호, *Хо Манхён* 허만형. Пусан тоси-э хёнсан-гва пёнчхон-э гванхан ёнгу 부산도시의 형성과 변천에 관한 연구 (Исследование развития и изменения города Пусана) // Кичхо гвахак ёнгу (Основы научных исследований). 1991. № 8. С. 69–74.

Ём Боккю 엄복규. Ильдже-маль Кёнсон-чиёк-э пинмин-чуго-мундже-ва ‘сигаджи-кехвек’ 일제말 京城지역의 빈민주거문제와 ‘시가지계획’ (Жилищные проблемы колониального Кёнсона и «городское планирование») // Ёкса-мундже-ёнгу (Проблемы исторических исследований). 2002. № 8, С. 125–152.

Ём Боккю 엄복규. Сикминджи кындэ-э конганхёнсон: кындэ соуль-э тоси кехвек-ква тоси конган-э хёнсон, пёнёнб хвакчан 식민지근대의 공간형성: 근대 서울의 도시계획과 도시공간의 형성, 변용, 확장 (Формирование пространства колонии: городские планы и расширение, изменение и формирование городского пространства в колониальном Сеуле) // Мунхва гвахак (Культурология). 2004. № 39. С. 197–219.

Ём Боккю 엄복규. Ильдже мальги чибан куктхо кехвеннон-гва кённин сигаджи кехвек 일제말기 지방 국토계획론과 경인시가지계획 (Теория планирования государственной территории и городской план Кёнина в конце периода колониальной зависимости) // Соульхак ёнгу (Исследования Сеула). 2008. № 32. С. 171–204.

Ём Боккю 엄복규. Ильджеха кёнсон тоси кехвек-э кусон-гва сихэн 일제하 경성도시계획의 구상과 시행 (Составление и осуществление городских планов Кёнсона в период зависимости от Японии) // Соул тэхагккэ тэхагвон куksахак-ква пакса хакви нонмун (Собрание докторских диссертаций по истории Кореи). 2009. 187 с.

Ём Боккю 엄복규. Синминджи тосикехвек-ква кёвэ-э хёнсон: 1930–1940 нёндэ кёнсон тонамджигу кэбаль-э саре 식민지 도시계획과 ‘교외’의 형성: 1930–40년대 경성 돈암지구 개발의 사례 (Колониальные городские планы и рост «окраин»: на примере развития района Тонамджи в Кёнсоне в 1930–1940-е гг.) // Ёкса мунхва ёнгу (Историко-культурологические исследования). 2013. № 46. С. 36–64.

Ём Боккю 엄복규. Синминджи ‘судо’-э висан-бль туллоссан тонсамимон-э ёндэги 식민지 ‘수도’의 위상을 둘러싼 동상이몽의 연대기 (Разные взгляды на положение «столицы» в колониальный период) // Соулхак-ёнггу (Исследования Сеула). 2017. № 66. С. 199–223.

Иванов К. В. Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей» – Иркутск, 2014. 267 с.

Кан Бёнги 강병기, *Пак Чончхоль* 박종철. Мокпхоси-э сигаджи хвекджи бунхаль, бапён-э гванхан ёнхёнчок кочхаль 목포시의 시가지획지분할·합병에 관한 연혁적 고찰 (Анализ процессов объединения и разделения уличного пространства города Мокпхо) // Куктхо кехвек (Государственное территориальное планирование). 1989. № 24. С. 131–155.

Кан Чхану 강창우, *Ян Сыну* 양승우. Ильдже-канджомги Кёнсон тонбокбу тоси чоджик пёнхва-гвадзон-ёнггу 일제강점기 경성 동북부 도시조직 변화과정연구 (Исследование процессов изменения городской организации северо-восточной части Кёнсона в колониальный период) // Соулхак-ёнггу (Исследования Сеула). 2014. № 57. С. 115–172.

Ким Бэгён 김백영. Ванчо судоробутхо синмин тосиро кёнсон-гва токхэ-э сигу кэчон-э тэхан пигё ёнггу 왕조 수도로부처 식민도시로: 경성과 도쿄의 시구개정에 대한 비교연구 (Из столицы в колониальный город: сравнительное исследование городских преобразований Кёнсона и Токио) // Хангук хакбо (Корейский научный вестник). 2003. № 29. С. 76–102.

Ким Бэгён 김백영. Синминджи тоси кехвек-ыль туллоссан синмин кволлэк-э кюнёл-гва кальдын 식민지 도시계획을 둘러싼 식민 권력의 균열과 갈등 (Баланс и конфликты власти в колониальных городских планах) // Сахве-ва ёкса (Общество и история). 2005. № 67. С. 84–128.

Ким Дыксу 김득수, *Хан Донсу* 한동수, *Ким Ёнджэ* 김영재. Ильдже-канджомги кындэ-доси-э тоси-конган-куджо-ва пёнхва-тхыксон-э кванхан ёнггу 일제강점기 근대도시의 도시공간구조와 변화 특성에 관한 연구 (Исследование структуры городского пространства и особенностей его изменения колониальных городов) // Хангук-госи-солге-хакхведжи (Журнал Корейского общества городского проектирования). 2007. № 8. С. 21–38.

Ким Дэджун 김대중, *Чо Джэм* 조재모. Ильдже-канджомги чхольдо-бусоль-э ттарын ыпсон-доси-э пёнхва-э гванхан ёнггу 일제강점기 철도부설에 따른 읍성도시의 변화에 관한 연구 (Исследование изменений в городах со статусом ып, связанных со строительством железных дорог в колониальных период) // Тэхан кончхук хаквек нонмунджип – кехвекке (Собрание докладов корейской научной конференции по городскому планированию). 2017. № 33. С. 67–78.

Ким Ёнгын 김영근. Ильджеха ильсан сэнхваль-э пёнхва-ва кы сонгёк-э гванхан ёнггу: кёнсон-э тоси конган-ыль чунсымыро 일제하 일상생활의 변화와 그 성격에 관한 연구: 경성의 도시공간을 중심으로 (Исследование изменений и характера повседневной жизни в городском пространстве Сеула в колониальный период) // Ёнсэ тэхагккэ тэхагвон сахве пакса хакви нонмун (Собрание докторских диссертаций по социологии университета Ёнсэ). 1999. 168 с.

Ким Ёнми 김영미. Ильдже-сиги тоси-мундже-ва чиёк-чумин-ундон 일제시기 도시문제와 지역 주민운동 (Городские вопросы и выступления региональных жителей в колониальный период) // Соулхак-ёнггу (Исследования Сеула). 2007. № 28. С. 35–66.

Ким Квану 김광우. 20 сэги чхо кванджу сигаджи хёнсон-э гванхан кехвекса ёнггу 20세기 초 광주 시가지형성에 관한 계획사 연구 (Исследование истории планов по преобразованию улиц Кванджу в начале XX века) // Куктхо кехвек (Государственное территориальное планирование). 1994. № 29. С. 125–146.

Ким Кённам 김경남. Ханмаль, ильджеха пусан чиёк-и тоси хёнсон-гва коноп кучо тхыксон 한말·일제하 부산지역이 도시형성과 공업구조의 특성 (Формирование Пусана и особенности промышленной структуры в конце Корейской империи и период колониальной зависимости) // Чиёк-ква ёкса (Регион и история). 1999. № 5. С. 223–259.

Kim Kённам 김경남. 1930 нэндэ ильдже-э тосиконсоль-гва пусан сигаджикехвек-э тхыксон 1930 년대 일제의 도시건설과 부산 시가지계획의 특성 (Особенности городского плана и строительства Пусана под японским управлением в 1930-е гг.) // Ёкса мунхва хакхве хаксуль тэхве пальпхё чарёджив (Собрание докладов корейской культурно-исторической исследовательской конференции). 2004. С. 149–180.

Kim Kённам 김경남. Ильджемаль чонси чхеджеги пусан сигаджи кехвек-э чонгэ-ва кы тхыкджиль 일제말 전시체제기 부산 시가지계획의 전개와 그 특질 (Особенности и осуществление военных городских планов Пусана в конце колониального периода) // Чиёк-ква ёкса (Регион и история). 2007. № 20. С. 81–121.

Kim Kихо 김기호. Ильдже сидэ чхоги-э тоси кехвек-э тэхан ёнгу 일제시대 초기의 도시계획에 대한 연구 (Исследование начального этапа городского планирования в период зависимости от Японии) // Соульхак ёнгу (Исследования Сеула). 1995. № 6. С. 44–66.

Kim Соён 김소연. 1930-нэндэ чапджи-э натханан кындэ-бэжхваджом-э сахве-мунхакджок ыйми 1930년대 잡지에 나타난 근대백화점의 사회문화적 의미 (Общественно-культурный смысл колониальных универмагов в журналах 1930-х годов) // Тэхак-кончхук-хакхве нонмунджип – кехвекке (Собрание докладов корейской научной конференции по городскому планированию). 2009. № 25. С. 131–138.

Kim Хана 김하나. 20 сэги чхо ёндынпхо-э тоси пёнхва мит висан 20세기 초 영등포의 도시 변화 및 위상 (Положение и изменения города Ёндынпхо в начале XX века) // Соульхак ёнгу (Исследования Сеула). 2011. № 45. С. 33–66.

Kim Хынсун 김홍순. Ильдже-канджомги тоси-кехвек-эсо натханан кындэсон 일제강점기 도시계획에서 나타난 근대성 (Модернизация, отраженная в городских планах колониального периода) // Соуль-доси-ёнгу (Городские исследования Сеула). 2007. № 8. С. 155–173.

Kim Хынсун 김홍순. Ильджесанджом хуги уринара тосихва-э тоньин 일제강점 후기 우리나라 도시화의 동인 (Факторы, оказавшие влияние на корейскую урбанизацию в колониальный период) // Хангук джиёк кэбаль хакхведжи (Собрание научных докладов по корейскому региональному развитию). 2011. № 23. С. 1–28.

Kim Хынсун 김홍순. Ильдже-канджомги уринара-э тосихва чхуи 일제강점기 우리나라의 도시화 추이 (Урбанизационные тенденции в колониальной Корее) // Куктхо-кехвек (Государственное территориальное планирование). 2011. № 46. С. 69–92.

Kim Чонбо 김중보. Кончхукпоп-ква тоси кехвекпоп-э кванге 건축법과 도시계획법의 관계 (Взаимосвязь законов о строительстве и городских планах) // Конбоп ёнгу (Исследования правождения). 1998. № 26. С. 312–338.

Kim Ыйвон 김의원. Хангук куктхо кэбальса ёнгу 한국국토개발사업 (Исследование истории развития государственной территории Южной Кореи) // Тэхак тосо (Университетский вестник). 1982. С. 836–911.

Ланьков А. О том, как на Каннаме перестали растить перец и капусту. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6hPUTy3iXAE> (дата обращения: 09.04.20)

Ланьков А. Рождение корейской массовой культуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JkGp4qedhJY> (дата обращения: 09.04.20)

Ланьков А. Сеул 1870–1945 г. Городское планирование, архитектура, население. Лекция (часть 1). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=px1ipkM9II8> (дата обращения: 09.04.20)

Ланьков А. Сеул 1870–1945 г. Городское планирование, архитектура, население. Лекция (часть 2). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U2LabPBAZfk> (дата обращения: 09.04.20)

Ли Ёнгён 이연경. Кындэджок тоси-каро-хвангён-э хёнсон 근대적 도시가로환경의 형성 (Формирование уличной среды колониальных городов) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2014. № 11. С. 7–36.

Ли Ёнгён 이연경, *Kim Соу* 김성우. 1885–1910 нён хансонбу нэ ильбонин корюджи-э кындэчок висэн саоп-э сихэн-гва тоси пёнхва 1885–1910년 한성부 내 일본인 거주지의 근대적 위생사업의 시행과 도시 변화 (Осуществление гигиенических мероприятий и городские изменения в районе японского расселения Хансон в 1885–1910 гг.) // Тэхак кончхук хакхве нонмунджип: кехвекке (Собрание докладов корейской научной конференции по городскому планированию). 2012. С. 215–224.

Ли Кюхван 이규환. Чосон сигаджи кехвенён-гва соуль-э тоси кэбаль саоп 조선시가지계획령과 서울의 도시개발사업 (Приказы об осуществлении городского планирования в Чосоне и развитие

Сеула) // Чунан хэнчон нонджип (Собрание докладов административного района г. Чунан). 2002. № 16. 207 с.

Ли Сонсун 이송순. Чосон-чхондокбу тоси-кехвек кваллён чончхэк симый-кигу ёнгу 조선총독부 도시계획 관련 정책 심의기구 연구 (Исследование совещательных органов по принятию городских планов в колониальный период) // Хангукса-ёнгу (Вестник истории Кореи). 2006. № 134. С. 221–264.

Ли Сонсун 이송순. Чосон чхондокбу сигаджи кехвек кваллён консасо-э пулло-ва пёнка 조선총독부 시가지계획 관련 공문서의 분류와 평가 (Разделение и оценка официальных документов, связанных с городским планированием чосонского генерал-губернаторства) // Кирокхак ёнгу (Историографические исследования). 2006. № 14. С. 53–89.

Ли Сонсун 이송순. Ильджеха 1920–1930-нёндрэ чигоп-э чиёкбёль пунпхо-ва чонджэ-янтхэ 일제하 1920–30년대 여성 직업의 지역별 분포와 존재양태 (Распределение и занятость женщин по регионам в 1920–1930-е гг.) // Хангукса-хакбо (Вестник истории Кореи). 2016. № 65. С. 379–425.

Ли Ынэ 이은애, Сим Чэхён 심재현. Ильдже-канджомги тоси чончхэе-ква Соуль-э конган-куджо пёнхва-э сангвансон-э гванхан ёнгу 일제강점기 도시 정책과 서울의 공간구조 변화의 상관성에 관한 연구 (Исследование взаимосвязи изменений городского пространства Сеула с колониальными мерами городского планирования) // Хангук-тоси-солъге-хакхведжи (Журнал Кореяского общества городского проектирования). 2013. № 14. С. 71–80.

Но Кёнсу 노경수. Тоси тходжи иён кюдже-э гванхан пигё ёнгу: тогиль, мигук, ильбон, хангук-э чиёкдже-рыль чунсимыро 도시 토지이용 규제에 관한 비교연구: 독일·미국·일본·한국의 지역제를 중심으로 (Сравнительное исследование регуляций по использованию земельных участков в Германии, США, Японии и Кореи). Сеул: Соуль тэхаккё тэхаквон тоси конхаква-гва пакса хакви номун (Собрание докторских диссертаций по урбанизации). 1995. 175 с.

Пак Сехун 박세훈. 1920 нёндрэ кёнсон тоси кехвек-э сонгёк: кёнсон тоси кехвек ёнгу-ва тоси кехвек ундон 「1920년대 경성도시계획의 성격: ‘경성도시계획연구회’와 ‘도시계획운동’ (Характер урбанизационного плана Кёнсона в 1920-е гг.: «Общество изучения городского планирования Кёнсона» и «Движение за городское планирование») // Соульхак ёнгу (Исследования Сеула). 2000. № 15. С. 167–198.

Пак Хён 박현. Ильдже-сиги Кёнсон-э чхангиоп понсон-гва Чосонин югван консоль 일제시기 경성의 창기업 번성과 조선인 유곽 건설 (Расцвет частного предпринимательства в колониальном Кёнсоне и строительство чосонских увеселительных заведений) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2015. № 14. С. 161–192.

Пак Хёнён 박형용. Хангук-э кындэ тоси кехвек 한국의 근대도시계획 형성 (Корейское городское планирование в колониальный период) // Конган-гва сахве (Пространство и общество). 1997. № 9. С. 74–93.

Пак Чончхоль 박중철, Кан Бёнги 강병기. Мокпхо сигаджи хёнсон квачон-гва тоси кехвек-э ёнхян 목포 시가지형성과과정과 도시계획의 영향 (Процесс формирования городского пространства Мокпхо и влияние городских планов) // Хангук чири кэбаль хакхведжи (Собрание научных докладов по корейскому географическому развитию). 1989. № 1. С. 135–155.

Пэ Ёнхак 배연환, Ким Тонджин 강동진. Пусан ёндо-э тоси кёнгван пёнчхон квачон мит тхыксон пунсок 부산 영도의 도시경관 변천과정 및 특성 분석 (Анализ процесса изменения и особенностей полицейских структур Пусана) // Хангук тоси солъге хакхведжи (Журнал Кореяского общества городского проектирования). 2013. № 14. С. 125–141.

Пэж Киён 백기영. Кынхёндрэ хангук тосикехвекса сигигубульлон 근현대 한국 도시계획사 시기구분론 (Теория временного и пространственного разделения южнокорейских городов нового и новейшего времени) // Ёнгу нончхон (Сборник исследований). 1995. № 1. С. 92–108]

Со Киджэ 서기재. Ильдже-канджомги мидио-рыль тхонхэ бон ёхэнджи-росо ‘Пхёнйан’-гва ‘пхёнйаннин’ 일제강점기 미디어를 통해 본 여행지로서 ‘평양’과 ‘평양인’ (Колониальный «Пхёнйан» и его жители через СМИ) // Тхониль-инмунхак (Деятели объединения). 2016. № 66. С. 235–261.

Сон Чонмок 손정목. Хангук-э тосихва пансеги-э гванхан кочхаль 한국의 도시화 반세기에 관한 고찰 (Анализ полувековой урбанизации Южной Кореи) // Тоси мундже (Проблематика города). 1986. № 21. С. 19–33.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. – Т. 2. – М.: Наталис, 2011. 497 с.

Чон Сансук 전상숙. Чонси ильбон куктхо-кехвек-ква тэдона-конёнгвон кыриго Чосон-куктхо-кехвек 전시 일본 국토계획과 대동아공영권 그리고 조선국토계획 (Территориальные планы в Японии, зоне совместного процветания Восточной Азии и Чосоне) // Сахве-ирон (Социологические теории). 2017. № 51. С. 281–308.

Чхан Кюсик 창규식. Ильдже синминджи сиги ёнгу-э хёнхван-гва чхуи 일제 식민지시기 연구의 현황과 추이 (Современная ситуация и тенденции в исследовании периода колониальной зависимости от Японии) // Ёкса хакбо (Исторический вестник). 2008. № 199. С. 145–172.

Юн Санвон 윤상원. Сикминджи инсик-э сэроун чопгын вихан мосэк 식민지 인식의 새로운 접근을 위한 모색 (Новый подход к анализу колониального сознания) // Ёкса-хакбо (Исторический вестник). 2018. № 239. С. 51–87.

Юн Сангиль 윤상길. Ильдже-канджомги Пусан-гва Кунсан-эсоэ чонхва-бэчхи 일제강점기 부산과 군산에서의 전화배치 (Телефонные линии в колониальных Пусане и Кунсане) // Хангук-минджок-мунхва (Корейская национальная культура). 2015. № 54. С. 131–176.

Юн Хёнсок 윤현석. Ильдже-канджомги чумин-чоджик-э пёни-ва чонсок кваджон-э гванхан ёнгу 일제강점기 주민조직의 변이와 존속 과정에 관한 연구 (Исследование процессов изменения общественных организаций в колониальный период) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2016. № 15. С. 91–127.

Юн Хёнсок 윤현석. Ильдже-канджомги чибан-танчхе-э чамун мит Ыйгёль-кигван уён силтхе 일제강점기 지방단체의 자문 및 의결기관 운영 실태 (Управление местных организаций во время японского колониального правления) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2014. № 11. С. 69–120.

Юн Хичхоль 윤희철. Ильдже-канджомги Мокпхо тоси-кехвек-э нён-гва тхыкджин 일제강점기 목포 도시계획의 내용과 특징 (Содержание и особенности городского плана колониального Мокпхо) // Хангук-чиек-кэбаль-хакхведжи (Вестник корейского регионального развития). 2013. № 25. С. 1–22.

Юн Хичхоль 윤희철. Ильдже-канджомги сикаджи-кехвек-э сурип-гваджон-гва чипхэн 일제강점기 시가지계획의 수립과정과 집행 (Процесс введения и применения городских планов в колониальный период) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2016. № 16. С. 71–104.

Юн Хичхоль 윤희철. Хангук кындэ тоси-кехвекса ёнгу-э тонхьян 한국 근대 도시계획사 연구의 동향 (Тенденции в исследовании корейских колониальных городов) // Тоси-ёнгу (Городские исследования). 2017. № 18. С. 229–266.

Hur Young-ran. Colonial Modernity and Rural Markets during the Japanese Colonial Period // International Journal of Korean History. 2010. № 15. P. 69–96.

The article was submitted on 8.05.2022

В. В. Хренов, М. Д. Кавун

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И МОНГОЛИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты южнокорейско-монгольских отношений в области образования, науки и культуры в конце XX–XXI в. В статье исследуется динамика развития научных и культурно-образовательных связей между Республикой Корея и Монголией после установления между ними дипломатических отношений в 1990 году по настоящее время. Сотрудничество в областях образования, науки и культуры дало Монголии возможность внедрения необходимых ресурсов развития совместных образовательных программ в вузах и колледжах, что позволило ее гражданам получать качественное высшее образование, проходя обучение в университетах Республики Корея. В свою очередь, Южная Корея получила возможность популяризировать на территории Монголии корейскую культуру: национальные традиции, легенды, литературу и искусство. Государства стали активно проводить совместные научные конференции, исследования по вопросам религии, этнического происхождения народов, языков, истории, культурологии, археологии и палеонтологии. В укреплении двухсторонних научных связей важную роль играет сотрудничество в области космических технологий и мониторинга, что широко освещалось в средствах массовой информации Южной Кореи, Монголии, а также по каналам Посольства Республики Корея в Монголии и Министерства иностранных дел Республики Корея. Анализ связей Республики Корея и Монголии в области образования, науки и культуры также включает в себя попытку показать роль таких связей в подготовке грамотных, высококвалифицированных специалистов как для различных отраслей монгольской промышленности, в т. ч. сельского хозяйства, так и кадрового потенциала из числа монгольских специалистов для работы в корейских компаниях.

Ключевые слова: Республика Корея, Монголия, образование, наука, культура

Valentin V. Khrenov, Mariia D. Kavun

COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KOREA AND MONGOLIA IN THE FIELD OF EDUCATION, SCIENCE AND CULTURE

Abstract. The article examines the main aspects of the South Korean-Mongolian relations in the field of education, science and culture in the late XX–XXI centuries. The article examines the dynamics of scientific and cultural-educational relations between the Republic of Korea and Mongolia after the establishment of diplomatic relations between them in 1990 up to the present time. Cooperation in the fields of education, science and culture gave Mongolia an opportunity to introduce the necessary resources to develop joint educational programs in universities and colleges, which allowed its citizens to receive quality higher education while studying at universities in the Republic of Korea. In its turn, South Korea was able to promote in Mongolia Korean culture including national traditions, legends, literature and art. The countries began to conduct joint scientific conferences, research on religion, ethnic origin of peoples, languages, history, cultural studies, archaeology and paleontology. Space technology and monitoring cooperation played an important role in strengthening bilateral scientific ties, which was widely covered in the media of South Korea, Mongolia, and through the Embassy of the Republic of Korea in Mongolia and the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. An analysis of

the Republic of Korea-Mongolia ties in education, science and culture also includes an attempt to show the role of such ties in training competent, highly qualified specialists for various branches of Mongolian industry, including agriculture, as well as human resources from among Mongolian specialists to work in Korean companies.

Keywords: Republic of Korea, Mongolia, education, science, culture

После заключения между Южной Кореей и Монголией Соглашения об установлении двухсторонних отношений, создании посольств и обмене дипломатическими миссиями 26 марта 1990 года между двумя государствами было подписано более двадцати договоров, соглашений и других нормативно-правовых актов, которые составляют основу развития сотрудничества между Республикой Корея и Монголией в области образования, науки и культуры.

В Республику Корея ежегодно приезжает большое количество молодых монголов, чтобы получить высшее образование. В последнее время их численность значительно превосходит цифру в 1000 человек в год [«Korean Dream» fills...]. По данным Информационной службы Республики Корея, в 2012 году в стране насчитывалось 4952 монгола, которые получают высшее образование в южнокорейских учебных заведениях. Их количество превосходят только мигранты из Китайской Народной Республики, обучающиеся в высших учебных заведениях Кореи [Kim Jin-young, p. 66].

Как мы отмечали выше, более двадцати договоров, соглашений и других нормативно-правовых актов составляют основу развития двухстороннего сотрудничества между Республикой Корея и Монголией в области образования, науки и культуры. Первым и, пожалуй, самым важным из них является Соглашение о культурном и научно-технологическом сотрудничестве между Правительством Республики Корея и Правительством Монголии, подписанное в 1991 году [Agreement on Cultural..., p. 480].

После установления в марте 1990 года дипломатических отношений между этими государствами по инициативе правительства Монголии в 1991 году при Монгольском государственном университете было создано первое в стране отделение корейского языка. В настоящее время студенты уже 22 монгольских университетов могут изучать историю, политику и культуру Южной Кореи, а в созданных лингвистических центрах страны – корейский язык. Договоры о сотрудничестве с южнокорейскими университетами заключили многие монгольские высшие учебные заведения, среди которых следует отметить прежде всего Монгольский государственный университет, один из старейших университетов страны, модернизация которого была проведена в 1995 году на средства южнокорейских инвесторов, а также Университет Хурээ, Монгольский университет науки и технологии, Монгольский государственный университет искусств и культуры и ряд других высших профессиональных учебных заведений. Практически все монгольские университеты стараются активно взаимодействовать с высшими учебными заведениями Республики Корея. Студенты монгольских вузов имеют возможность изучать корейский язык, совместно с южнокорейскими студентами проводить научные исследования, участвовать в программах обмена студентами, аспиранта-

ми и преподавателями, проводимыми под эгидой правительств двух государств [Григорьева, с. 94–95].

Так, например, у Монгольского государственного университета заключены договоры с такими ведущими вузами Республики Корея, как Сеульский национальный университет, университет Корё, университет Кванджу, университет Кёнхи, которые выступают в качестве организаторов международных конференций по вопросам корееведения, а также научно-технических конференций. Монгольский государственный университет, при котором открыты кафедра корейского языка и центр корееведения, часто проводит научные конференции и семинары по вопросам корейской литературы и культуры, что способствует укреплению корейско-монгольского сотрудничества в культурно-образовательной сфере. Студенты и преподаватели из Монголии имеют возможность проходить стажировки по программам изучения корейского языка в таких частных университетах Южной Кореи, как Ханьянский университет, университет Тэгу, университет иностранных языков Хангук [Григорьева, с. 95].

Следует заметить, что кафедры и отделения корейского языка открыты лишь в нескольких монгольских университетах. Помимо Монгольского государственного университета, такие подразделения функционируют также в университете «Отгонтэнгэр», университете «Орхон» и Монгольском международном университете «Их Засаг» [Григорьева, с. 95]. Например, на отделении корейского языка и истории университета «Их Засаг» ежегодно проходят обучение около 350 студентов [Kim Myeong-gon, p. 454]. Университет предоставляет своим студентам возможность участвовать в программах обмена с вузами Республики Корея и проходить стажировку в представительствах южнокорейских корпораций на территории Монголии. Выпускники университета «Их Засаг» по окончании обучения устраиваются на работу в корейских компаниях не только на территории Монголии и Республики Корея, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. [Григорьева, с. 95].

В 2010 году Корейское агентство международного сотрудничества КЮСА в поддержку проекта развития потенциала профессиональной подготовки монгольских студентов на базе Монгольского университета науки и технологии разработало программы получения профессионального образования для сотрудников предприятий легкой и тяжелой промышленности. Преподавательский состав данного учебного заведения прошел переподготовку в лучших корейских университетах по специальным программам, разработанным агентством КЮСА, а выпускники университета смогли трудоустроиться на предприятиях легкой и тяжелой промышленности как в самой Монголии, так и в Южной Корее [KOICA поддерживает...].

В сентябре – октябре 2012 года 40 корейских и монгольских учителей приняли участие в программе обмена учителей средней школы. В течение трех месяцев в восьми начальных и средних школах Кореи и Монголии было внедрено преподавание предметов по корейским и монгольским образовательным программам, а также осуществлен обмен опытом между педагогами Республики Корея и Монголии [Программа обмена преподавателями...].

27 февраля 2017 года между Андонским университетом и Монгольским государственным университетом было подписано соглашение об академическом обмене. Соглашение направлено на развитие академического и культурного обмена между студентами и преподавателями двух университетов, проведения научных исследований и развития международного сотрудничества в сфере высшего образования. В рамках этого соглашения осуществляется обмен студентами и преподавателями, реализуются совместные исследовательские проекты, проводятся академические конференции и культурно-массовые мероприятия [Андонгский университет подписал...].

13 августа 2021 года состоялась официальная встреча министра образования и науки Монголии Лувсанцэрэнгийн Энх-Амгалана с официальным и полномочным послом Республики Корея в Монголии Ли Е Хуном по вопросам сотрудничества в области повышения потенциала и переподготовки учителей и педагогов, реализации программы обмена, повышению квалификации молодых ученых и исследователей в южнокорейских научно-исследовательских учреждениях и привлечении специалистов Корейского агентства международного сотрудничества (КОИСА) для развития сферы биотехнологии, нанотехнологии и искусственного интеллекта в Монголии. КОИСА подписало соглашение с министерством образования и науки Монголии на реализацию трех совместных проектов в сфере монгольского образования на 2022–2027 годы: 1) открытие факультета урбанистики и городского хозяйства в Монгольском университете науки и технологий для укрепления кадрового потенциала городского хозяйства; 2) повышение уровня образовательного процесса, исследований, производственных связей, а также укрепление кадрового потенциала Монгольского государственного университета сельского хозяйства; 3) улучшение условий производства продуктов питания и обслуживания, а также укрепление кадрового потенциала в общеобразовательных школах. Кроме того, в ходе встречи был поднят вопрос внедрения корейского опыта цифровизации сектора образования во время пандемии Covid-19 [КОИСА планирует реализовать...].

Стоит отметить, что Республика Корея и Монголия сотрудничают не только в сфере образования, но также проводят совместные научно-технические конференции, открывают совместные научные и культурные центры. Один из крупнейших центров корееведения действует в Монгольском государственном университете. Началом южнокорейско-монгольских отношений в области науки и культуры можно считать 1991 год, когда в Монголии состоялась первая монголо-корейская научная конференция, организованная Монгольской академией наук. Вторая научная конференция была проведена спустя два года в Республике Корея на базе университета иностранных языков Хангук. Это позволило проводить совместные исследования вопросов религии, этнического происхождения народов, языков, истории, культурологии, археологии и палеонтологии. Кроме того, начали активно проводиться исследования в области применения современных технологий и природоохранных ресурсов для развития экономического потенциала стран Восточной Азии [Григорьева, с. 95–96].

Правительства двух стран активно поддерживают организацию и проведение научно-исследовательских конференций, направленных на освоение современных

технологий, успешное продвижение торгово-экономических взаимоотношений и укрепление культурных связей между государствами. Так, 13 августа 1998 года было подписано двухстороннее Соглашение о сотрудничестве между Национальной академией наук Республики Корея и Монгольской академией наук, а 31 мая 1999 года была принята Программа сотрудничества в области образования между Министерствами образования и культуры двух стран [О статусе подписания...].

28 апреля 2006 года в зале IT-парка города Улан-Батор прошла IX корееведческая конференция, посвященная развитию корейского языка и культуры в Монголии. В мероприятии участвовали представители кафедр корееведения монгольских университетов и представители крупнейших университетов Южной Кореи. На конференции поднимались вопросы повышения интереса у монгольской молодежи к изучению корейского языка и получению высшего образования в учебных заведениях Республики Корея [Состоялась Девятая конференция...].

В сентябре 2014 года Институт астрономии и геофизики Монгольской академии наук совместно с Корейским институтом астрономических исследований создал новую обсерваторию, которая теперь может вести наблюдение за космическими телами и космическим мусором в режиме реального времени. Монгольская сторона осуществляет обмен информацией с корейской стороной в рамках сотрудничества в области космических технологий и мониторинга [Корейский институт астрономических исследований...].

В апреле – октябре 2015 года кафедра физической медицины южнокорейского университета Тэгу открыла физиотерапевтическое отделение в Монгольском национальном университете медицинских наук. Проект профессиональной подготовки монгольских физиотерапевтов финансируется Корейским фондом международного здравоохранения и Ассоциацией социального обеспечения Республики Корея в рамках международного проекта поддержки инвалидов в развивающихся странах. Специалисты университета Тэгу провели обучение монгольских коллег в рамках данного проекта и наметили планы дальнейшего сотрудничества в области развития физиотерапии [Университет Тэгу передает...].

8 октября 2019 года в столице Монголии состоялась международная научная конференция «Единство Корейского полуострова – 2019», организованная Монгольским филиалом Комитета национальной демократии, мира и объединения при поддержке Посольства Республики Корея в Монголии. Одной из важных тем на конференции был вопрос об избавлении Корейской Народно-Демократической Республики от ядерного оружия. Так же были подняты темы объединения Корейского полуострова и обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии [Дэлгэрмаа].

В октябре 2020 года в рамках празднования тридцатилетия партнерских отношений Монголии и Республики Корея в Улан-Баторе была проведена научная конференция, а также организована фотовыставка «Партнерские отношения Монголии и Республики Корея – 30 лет», где были представлены перспективные направления развития двухсторонних взаимоотношений и культурного сотрудничества в таких областях, как экономика, политика, безопасность и инвестиции. Фотовыставка представила долгий исторический путь государственных визитов,

сотрудничества в сфере культуры и науки на высшем уровне, которые внесли огромный вклад в развитие и укрепление двухстороннего сотрудничества с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами. Были представлены редкие фотографии и фотодокументы из архивов МИД Республики Корея и Монголии, а также из личных архивов ветеранов дипломатической службы двух стран. Участники конференции могли ознакомиться с работами южнокорейских и монгольских ученых [Ариунбаяр].

Монголия и Республика Корея также активно развивают двухстороннее сотрудничество в области культуры и искусства. К юбилейным датам установления дипломатических отношений правительства Республики Корея и Монголии регулярно организуют дни корейской и монгольской культуры, на которых любой посетитель имеет возможность ознакомиться с культурой, искусством и литературой дружественной страны, записаться на курсы изучения языка, изучить и окунуться в быт и образ жизни братского народа.

Так, к примеру, в мае 2006 года в столице Монголии Улан-Баторе прошло открытие «Недели Кореи», на которой каждый желающий мог ознакомиться с особенностями национальной корейской культуры и национальных традиций, принять участие в различных конкурсах и национальных забавах, а также посоревноваться в корейской борьбе тхэквондо [Дорогие гости с счастливыми глазами...]. 16 июня 2014 года в Улан-Баторе был проведен «День Кореи», который включал в себя выступления корейских Кей-поп исполнителей, конкурсы, демонстрацию приемов и техники тхэквондо. Участники могли попробовать блюда национальной корейской кухни и посмотреть корейские дорамы [Состоялось мероприятие «День Кореи»]. С 1 по 3 мая 2015 года в Сеуле прошел «День Улан-Батора», посвященный 20-летней годовщине со дня подписания Соглашения о Побратимстве со столицей Монголии. Монгольская делегация приняла участие в конференции «Проблемы нехватки и неоднородности застройки городской инфраструктуры» [В Сеуле проходит...].

В честь празднования 25-летия установления дипломатических отношений с Республикой Корея 2015 год в Монголии был объявлен «Годом Кореи». В течение года монгольские граждане могли ознакомиться с особенностями корейской культуры: национальными традициями, легендами, шедеврами литературы и искусства. В крупных городах Монголии проводились музыкальные Кей-поп фестивали, спортивные мероприятия, турниры по тхэквондо, научные конференции, затрагивающие такие темы, как разработка полезных ископаемых, возобновляемые и альтернативные источники энергии, новинки в IT-технологиях и многое другое. Для желающих изучать корейский язык было открыто несколько лингвистических центров, в которых можно было более подробно познакомиться с историей и национальной культурой Республики Корея. По монгольскому телевидению транслировались южнокорейские дорамы, художественные и научно-познавательные фильмы [Двадцать пять лет...].

В июне – июле 2018 года в корейском городе Каннин прошла международная выставка «Корея и Монголия. Международная выставка искусств». В течение месяца все желающие могли ознакомиться с лучшими работами как монгольских, так и корейских художников и скульпторов. Выставка была организована

Монгольским национальным музеем современного искусства при поддержке посольства Республики Корея в Монголии. С 15 по 25 сентября 2018 года посольство Республики Корея в столице Монголии организовало проведение «Недели Кореи – 2018», в рамках которой были проведены «сеульский» уличный фестиваль, турнир по тхэквондо, кинофестиваль корейского кино. Во время «сеульского» уличного фестиваля были показаны традиционные национальные выступления корейских и монгольских музыкальных исполнителей, дегустация блюд традиционной корейской кухни, представлены образцы корейской косметики и одежды. Турнир по тхэквондо собрал более 350 участников [Посольство Кореи провело...].

В июне 2021 года в южнокорейском городе Пусан прошел XVII ежегодный международный фестиваль танца, в котором приняли участие лучшие монгольские танцоры из числа молодежи. Танцор Большого театра национального искусства Монголии Б. Эрдэнэбаяр, выпускник Корейского национального университета искусств, занял первое место в номинации этнических танцев. Ранее в 2018 году Б. Эрдэнэбаяр занял второе место в танцевальном шоу «Perfect dance», организованном монгольским телеканалом UBS [Б. Эрдэнэбаяр занял 1 место...].

17 февраля 2022 года в Улан-Баторе состоялась встреча министра культуры Монголии Чинбатын Номин с постоянным представителем КОИСА в Монголии Ким Чен Му. В ходе встречи монгольская сторона подчеркнула свою заинтересованность в расширении двухстороннего сотрудничества в области культуры, а именно в сфере креативных индустрий, в которой Южная Корея является одной из ведущих стран мира [Монголия и Республика Корея...].

Монголы и корейцы испытывают взаимные симпатии к культуре, языку друг друга. В настоящее время более ста тысяч монголов знают и прекрасно владеют корейским языком. В условиях небольшой численности населения Монголии это является значительным показателем, так как корейский язык является третьим по популярности иностранным языком после русского и английского языков. В перспективе корейский язык может выйти на второе место среди востребованных для изучения языков среди монгольской молодежи, поскольку интерес к русскому языку в Монголии постепенно снижается. За все тридцать лет дипломатических отношений Республики Корея и Монголии корейская культура, литература, музыка, а также интерес к корейскому образу жизни активно проникает в жизнь монгольской молодежи, которая все чаще следует тенденциям корейской моды и выбирает одежду и обувь корейских брендов, увлекается корейской поп-музыкой, с интересом смотрит корейские драмы и фильмы [Корея & Монголия...].

Таким образом, начиная с марта 1990 года, после подписания Соглашения об установлении двухсторонних отношений, создании посольств и обмене дипломатическими миссиями, и по настоящее время происходит динамичное развитие сотрудничества Республики Корея и Монголии в области образования, науки и культуры. Корейская культура вызывает все больший интерес среди монголов, которые, наблюдая за быстрым экономическим развитием соседнего государства, все чаще проявляют желание получить высшее образование именно в Южной Корее, чтобы в перспективе иметь возможность трудоустройства на корейских предприятиях как у себя на родине, так и в Корее.

Монголия старается перенимать все современные технологии, используемые на передовых предприятиях Республики Корея, а для этого необходимы грамотные, высококвалифицированные специалисты в различных областях. И монгольское правительство делает все для того, чтобы ее граждане могли получать соответствующее современными требованиям образование не только обучаясь в высших учебных заведениях Кореи, но и у себя на родине. Корейские университеты все чаще стали заключать соглашения о студенческих и академических обменах с университетами Монголии. Монгольские преподаватели имеют возможность участвовать в совместно проводимых научных и научно-исследовательских конференциях, проходить переподготовку и повышение квалификации в Южной Корее. Монгольское население все чаще проявляет желание изучать корейский язык, литературу и искусство. Монголы активно посещают Республику Корея, с интересом ожидают выхода новых дорам и художественных фильмов корейского производства, следят за новыми тенденциями корейской моды. Можно ожидать, что со временем стремление этих двух народов к изучению языка, культуры и национальных традиций друг друга не пропадет, а будет только усиливаться. Однако описанные выше аспекты сотрудничества Монголии и Республики Корея в области образования имеют ряд существенных проблем. Так, в монгольских университетах далеки от совершенства программы обучения, которые не соответствуют требованиям, предъявляемым корейскими студентами для возможности проходить обучение и получать образование в вузах Монголии. Поэтому университеты Монголии не пользуются большой популярностью у корейцев, желающих получить качественное высшее образование за рубежом. Из этого можно сделать вывод, что получение образования и реализация программ академического обмена между вузами двух государств происходит только по инициативе монгольской стороны. Но, возможно, в дальнейшем Монголия, реализуя планы совместных проектов в сфере образования на 2022–2027 годы, а также изменив свою политику в сфере креативных индустрий, сумеет создать вместе с Республикой Корея более эффективные механизмы для успешного развития совместных образовательных, научных и культурных проектов.

Список литературы

Григорьева Ю. Г. Монголия и Республика Корея: сотрудничество в области образования и гуманитарной науки // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53) ч. 1. С. 94–96.

Ариунбаяр Б. Научная конференция и фотовыставка «Партнёрские отношения Монголии и Республики Корея – 30 лет» в Улаанбаатаре // Mongolian News Agency MONTSAME. 2020. 09 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/238998> (дата обращения: 02.04.2022)

Двадцать пять лет дипломатическим отношениям между Монголией и Южной Кореей // Монголия сейчас. 2015. 27 мар. [Электронный ресурс]. URL: http://news.mongolnow.com/27_03_01.html (дата обращения: 10.02.2022)

Дэлгэрмаа Ю. В Улаанбаатаре прошла научная конференция «Единство Корейского полуострова – 2019» // Mongolian News Agency MONTSAME. 2019. 8 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/202458> (дата обращения: 02.04.2022)

Корея & Монголия. Почему корейский язык в Монголии становится вторым иностранным. Часть I // Портал деловой информации ARD (Asia Russia Daily). 2019. 18 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/21714/> (дата обращения: 12.03.2022)

KOICA планирует реализовать три совместных проекта в Монголии // Mongolian News Agency MONTSAME. 2021. 13 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/272031> (дата обращения: 16.03.2022)

Монголия и Республика Корея будут сотрудничать в области развития креативных индустрий // Mongolian News Agency MONTSAME. 2022. 17 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/290031> (дата обращения: 01.03.2022)

Б. Эрдэнэбаяр занял 1 место на Международном танцевальном фестивале // Mongolian News Agency MONTSAME. 2021. 21 июнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/267731> (дата обращения: 21.03.2022)

Agreement on Cultural, Scientific and Technological Cooperation between the Government of the Republic of Korea and the Government of Mongolia. / Treaties and International Agreements: Registered or Filed and Recorded with the Secretariat. New York, 2002. 480 p.

Kim Jin-young, Lee Young-jun. The Reality of Immigrants: A Long Journey from Mongolia to Korea // International Review of Social Sciences and Humanities. 2015. Vol. 8. № 2. P. 61–69.

Kim Myeong-gon. The present status of Korean language education in Mongolia and proposal of enhancement // Korean Language and Literature Education. Seoul, 2011, № 5. P. 451–477.

«Korean Dream» fills Korean classrooms in Mongolia // Chosun Media «The Chosunilbo». 2008. April 24 [Электронный ресурс]. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2008/04/24/2008042461009.html (дата обращения: 14.02.2022)

KOICA, 몽골 직업훈련 역량강화 사업 지원 // 주 몽골 대한민국 대사관 (KOICA поддерживает монгольский проект по наращиванию потенциала в области профессионального обучения // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=763603&page=232 (дата обращения: 17.02.2022)

-몽 교사 교류프로그램 개최 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Программа обмена преподавателями между Кореей и Монголией // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=948778&page=212 (дата обращения: 18.02.2022)

한국-몽골간 조약 체결 현황 // 주 몽골 대한민국 대사관 (О статусе подписания корейско-монгольского договора // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=572890&page=300 (дата обращения: 22.02.2022)

제9회 한국어말하기대회 개최 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Состоялась Девятая конференция по корейскому языку // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=874612&page=297 (дата обращения: 28.02.2022)

한국 천문연구원, 몽골 천문지구물리연구소와 공동으로 관측소 설립 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Корейский институт астрономических исследований создает обсерваторию в сотрудничестве с монгольским астрономическим геофизическим институтом // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=1099059&page=158 (дата обращения: 28.02.2022)

대구대, 몽골에 선진 재활과학 기술 전수 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Университет Тэгу передает передовые реабилитационные научные технологии в Монголию // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=1183794&page=119 (дата обращения: 25.02.2022)

행운의 눈을 물고 온 귀한 손님 (박진호 주몽골대사 기고) // 주 몽골 대한민국 대사관 (Дорогие гости с счастливыми глазами (представлено Пак Чин Хо, Послом РК в Монголии)) // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=874613&page=297 (дата обращения: 20.02.2022)

‘한국의 날’ 행사 개최 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Состоялось мероприятие «День Кореи» // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=1089358&page=167 (дата обращения: 13.02.2022)

서울시, 몽골 수도와 자매도시 20주년 기념 ‘울란바토르의 날’ 개최 // 주 몽골 대한민국 대사관 (В Сеуле проходит «День Улан-Батора» в ознаменование 20-летия монгольской столицы и города-побратима // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=1139742&page=140 (дата обращения: 10.04.2022)

주몽골대한민국대사관 ‘2018 한국주간’ 행사 개최 // 주 몽골 대한민국 대사관 (Посольство Кореи провело мероприятие «Неделя Кореи – 2018» // Министерство Иностранных Дел Республики Корея. Посольство Республики Корея в Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn-ko/brd/m_374/view.do?seq=1344644&page=31 (дата обращения: 13.03.2022)

안동대, 몽골민족대와 학술 교류 협약 체결 // UNN 한국대학신문 University News Network. 2017.03.01 (Андонгский университет подписал соглашение об академическом обмене с Монгольским государственным университетом // Газета Университета Хангук. 2017. 1 марта) [Электронный ресурс]. URL: <http://news.unn.net/news/articleView.html?idxno=170235> (дата обращения: 15.03.2022)

The article was submitted on 30.04.2022

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЯМАТО КОНЦА VI ВЕКА

Аннотация. В статье анализируется степень распространенности грамотности и письменной культуры в Японии конца VI века. Отмечается, что введение буддизма в середине VI века сильно усилило стремление японцев к изучению письменности и стимулировало использование письма. Во второй половине VI века существовало несколько родов писцов–летописцев (*фубито*), являвшихся потомками Чинсон-вана, внука пэкческого правителя Кын-гусу-вана (375–384 гг.) и сына будущего правителя Пэкче Чинса-вана (385–391 гг.). Исследователи очень высоко оценивают их способности составлять записи. Наиболее прославился Ван Синни, обладавший не только большой грамотностью, но и навыками тайнописи и дешифровки, что было нужно для сохранения государственных тайн в международной и дипломатической деятельности. Особо заметно распространение письменной культуры в царствование государя Бидацу (572–585) и последующих правителей конца VI века. Традиция связывает просветительскую деятельность в Ямато с наследным принцем Умаядо (известным под посмертным почетным именем Сётоку-тайси). Активное применение письменности в конце VI века подтверждается и эпиграфическим материалом. Известно несколько эпиграфических надписей, сделанных в конце VI века, в которых иероглифы использовались как силлабемы или как знаки с японскими чтениями для записей антропонимов, топонимов и японских терминов. В 598 году, в подражание китайскому обычаю, в Ямато появляется традиция чтения и толкования буддийских сутр, основоположником которой назван наследный принц Умаядо. Исследователи указывают на обнаружение некоторых знаков *катаканы* на керамике *суэ*, датированной с конца VI века. Сделан вывод, что в Японии во второй половине VI века были люди, облагавшие достаточными знаниями для того, чтобы читать и составлять объёмные письменные документы.

Ключевые слова: Древняя Япония, Ямато, писцы, письменность, принц Умаядо, Сётоку-тайси, эпиграфика

Dmitriy A. Suroweñ

THE USE OF WRITING IN YAMATO DURING THE LATE 6th CENTURY

Abstract. The article analyzes the degree of prevalence of literacy and written culture in Japan at the end of the 6th century. It is noted that the introduction of Buddhism in the middle of the 6th century greatly strengthened the desire of the Japanese to study writing and stimulated the use of writing. In the second half of the 6th century, there were several genera of chronicler–scribes (*fubito*), who were descendants of Chinson-wang, the grandson of the Paekche ruler Keun-gusu-wang (375–384) and the son of the future Paekche ruler Chinsa-wang (385–391). Researchers rate their ability to compile records very highly. Wang Sinni became most famous, having not only great literacy, but also the skills of secret writing and decryption, which was necessary to preserve state secrets in international and diplomatic activities. The spread of written culture during the reign of the sovereign Bidatsu (572–585) and subsequent rulers of the late 6th century

is especially noticeable. Tradition connects educational activities in Yamato with Crown Prince Umayado (known under the posthumous honorary name *Shōtoku-taishi*). The active use of writing at the end of the 6th century is also confirmed by epigraphic material. Several epigraphic inscriptions made at the end of the 6th century are known, in which hieroglyphs were used as syllabems or as signs with Japanese readings for records of anthroponyms, toponyms and Japanese terms. In 598 A.D., in imitation of Chinese custom, a tradition of the Buddhist sutras' reading and interpreting appeared in Yamato, the founder of which Crown Prince Umayado was named. Researchers point to the discovery of some *katakana* signs on *Sue* ceramics dating from the end of the 6th century. It was concluded that in Japan in the second half of the 6th century there were people who had sufficient knowledge to read and compile voluminous written documents.

Keywords: Ancient Japan, Yamato, scribes, writing, Prince Umayado, *Shōtoku-taishi*, epigraphy

Долгое время считалось, что распространение письменности в Японии в конце VI века было незначительным. Вследствие этого ставилась под сомнение возможность появления в начале VII века японских исторических трудов по истории Ямато. В связи с этим необходимо проанализировать материалы источников об использовании письменности в Японии в конце VI века, определить степень владения письмом и степень распространенности письменной культуры в Ямато того периода.

В середине VI века в Японии, в связи с распространением и официальным принятием при дворе Ямато буддизма, в японском обществе усилилось стремление к изучению письменности¹. Л. М. Ермакова отмечает, что чтение монахами буддийских *сутр*, произносимых по китайским японизированным чтениям, и сейчас не воспринимается верующим на слух, да и, в общем, на взгляд (зрительно) текст тоже непонятен – китайский язык *сутр* не возможно было прочесть без длительной специальной подготовки. То есть, можно сказать, что для японцев *сутра* представляет собой *ритмизированный магический текст*, понимание которого невозможно без многолетнего периода ученичества [Ермакова, с. 66, п. 17]. Дж. Б. Сэнсом указывал, что введение буддизма, несомненно, сильно стимулировало использование письменности, когда японцы с энтузиазмом принялись копировать сутры [Сэнсом, с. 87, п. 1]. Правда, ныне ни одной копии сутр или китайской классической литературы, привезенных в Японию с континента в период до конца VI века, не сохранилось [The Cambridge history... p. 159].

Наиболее известными родами писцов–летописцев (*фубито*)² середины VI века в Ямато являлись кланы Кадзураи (Фудзии), Фунэ и Цу, которые восходили к одному предку – Готэй-*кими* (он же Сию-но *кими*), жившему, судя по всему, в первой половине VI века³. В источниках можно найти сведения о родословии Готэй-*кими* и его потомков. В «Сёку-нихонги» («Продолжение Нихон-[сё]ки»), в разделе 7-й луны 9-го года под девизом правления *Энряку* (790 г.) около записи о Кудара-но *кокиси* Нисада (кор. Пэкче Ван-ин Чонъ) рассказывается о предках Готэй-*кими* – потомках пэкчесца Чинсон-вана (он же – Чичонъ-ван; внука пэкческого прави-

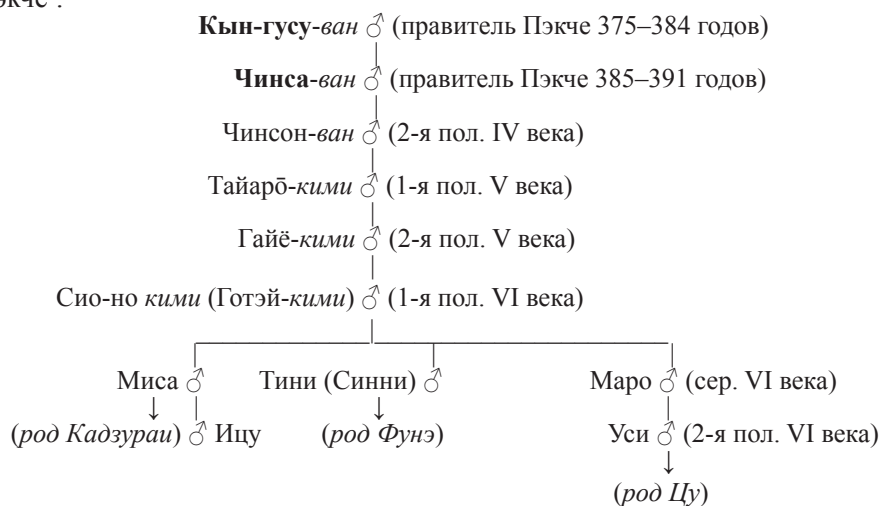
¹ Подробнее см. : [Суровень, 2018, с. 79–92].

² 史 др.-яп. *пубито*, совр.-яп. *фубито* – писец–летописец [Ямао, с. 331].

³ Подробнее см. : [Суровень, 2015, с. 222–234].

теля Кын-гусу-вана [375–384 гг.] и сына будущего правителя Пэкче Чинса-вана [385–391 гг.]⁴), прибывшего в Японию в начале 80-х годов IV века по просьбе государя Одзина⁵: «[При] государе Нинтоку, управлявшего территорией [государства] из двора Такацу в Нанива, старший сын Чинсон-вана [по имени] Тайарб-кими (кор. Тхэнань-ван) стал ближним слугой [государя]. Сыном Тайарб-кими [был] Гайё-кими (вар.: Иё-кими, кор. Хэянь-кун). Сыном Гайё-кими [был] Готэй-кими (вар.: Ума-но Садамэ-но кими, кор. Очонь-кун)...»⁶ (Сёку-нихонги, 9-й год Энряку (790 г.), 7-я луна, 17-й день). Эта генеалогия подтверждается сведениями «Синсэн-сёдзи-року», где сообщается, что Тини-но кими (Синни) был потомком в 3-м поколении (правнуком) Тайарб-кими⁷ (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Фунэ-но мурадзи).

Как видно из материала источников, во второй половине VI века существовала группа родственных кланов писцов, происходящих от членов рода правителей Пэкче⁸.

В 569 году члены данного рода проводили перепись в *миякэ* Сирави⁹. В связи с этим, авторы «Кэмбриджской истории Японии» указывают, что факт приложения усилий властей Ямато по проведению чиновниками переписи в *миякэ* Сирави 569 года – говорит о многом. Хотя, за исключением надписей на железных мечах и бронзовых зеркалах, не сохранилось более никаких письменных материалов VI века, однако несколько указаний «Нихон-сёки» на лиц, носящих наследствен-

⁴ 「百済國ノ辰斯ノ王子知宗...」 [ССР 1, с. 327]; 「百済国の辰斯王の子、知宗...」 [ССР 2].

⁵ Подробнее см.: [Суровень, 2011, с. 176–188].

⁶ 「難波高津朝御宇、仁徳天皇。以辰孫王、長子太阿郎王爲近侍。太阿郎王、子亥陽君。亥陽君、子午定君...」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

⁷ (862) 右京、諸蕃、百済: 「船連。…智仁君之後也。」 [ССР 1, с. 299]; 「船連 (ふねのむらじ) 大阿郎王の三世孫、智仁君の後なり。」 [ССР 2].

⁸ Подробнее см.: [Суровень, 2015, с. 222–234].

⁹ Подробнее см.: [Суровень, 2015, с. 229–230].

ное звание (*кабанэ*) “писца” (*фухито*), оставляют мало сомнений в том, что их способности составлять записи могут быть оценены очень высоко. Определенно, попытки государства увеличить доходы от удаленных районов и контролировать их делало необходимым ведение точных записей разного рода. И по причине того, что описание событий VI века в «Нихон-сёки» увеличивается в очень большой степени, думается, будет обоснованным предположить, что составители хроники работали на основе материалов, полученных из источников, которые были написаны в VI веке, но ныне не существуют [The Cambridge history... p. 157].

В 15-й день 1-й луны 572 года государю Путотамасики (Бидацу, 572–585) было доставлено письмо от государя Когурё¹⁰. «Государь (Путотамасики – С. Д.) получил послание Когурё и передал его министрам. Собрал всех писцов и велел им прочесть послание и истолковать его (яп. *доккай*, кит. *дүйзэ*¹¹ – С. Д.). В течение трех дней писцы не могли прочесть его» [Нихон-сёки, 1997, с. 70; см. : Воробьев, с. 224]. Некоторые исследователи попытались истолковывать этот факт как доказательство того, что грамотность в древней Японии отсутствовала – такое большое число писцов не могло прочитать “какое-то письмо” [см. : Игнатович, с. 54; Воробьев, с. 224]. «Только Ван Синни (яп. *Отинни* – С. Д.), предок Пунэ-но *пубито* (совр.-яп. *Фуна-но фубито* – С. Д.), смог как следует прочесть и растолковать его...» [Нихон-сёки, 1997, с. 69]. Составители «Нихон-сёки» пытались подать этот факт как следствие плохой подготовки писцов [Нихон-сёки, 1997, с. 69–70; см. : Воробьев, с. 224].

Однако за этим докладом стояли какие-то тайные планы, обсуждавшиеся правителями Когурё и Ямато. Возможно, они касались военных операций против Силла. Поэтому, как прямо говорится в Предисловии к «Кайфүсё» (751 г.), текст доклада был написан некими “птичьими письменными знаками” (яп. *тори-фуми*)¹² – явно, каким-то видом тайнописи: «[Послы страны] Ко[гу]рё (яп. Кома) поднесли доклад (яп. *хэ*, кит. *бяо*), [который] был написан (букв. “нарисован”)¹³ [в] “вороньей” книге (яп. *у-саку*)¹⁴ “птичьими письменными знаками” (яп. *тори-фуми*)...»¹⁵ (Кайфүсё, Предисловие). Что представляла собой эта «воронья книга», сказано в «Нихон-сёки»: «Послание, преподнесенное Когурё, было написано на перьях вороны. Иероглифы были написаны на чёрных перьях, и никто не мог прочесть их» [Нихон-сёки, 1997, с. 70]. Надо полагать, эта что “книга” была связкой вороньих перьев, нанизанных на шнур, подобно связке бамбуковых пластинок для письма – об этом можно судить исходя из употребленного

¹⁰ Об этих событиях см. подробнее: [Суровень, 2013, с. 15–31].

¹¹ 讀解 кит. *дүйзэ* – разъяснять прочитанное, толковать мысль автора [БКРС, т. IV, с. 688]; 讀解 яп. *доккай* – чтение и понимание [текста] [ЯРС, с. 73].

¹² 鳥文 яп. *тори-фуми* – досл. “птичьи письменные знаки”; где 文 яп. *фуми*, кит. *вэнь* – суц. 1) изобразительные письменные знаки; иероглифы... иероглифическая надпись; текст, написанный иероглифическим письмом... 2) письменность, письмо, письмена... [БКРС, т. IV, с. 58].

¹³ 圖 яп. *дзу-суру*, кит. *ту* – гл. ...4) чертить, рисовать; п и с а т ь... [БКРС, т. II, с. 674].

¹⁴ 鳥冊 яп. *у-саку* – букв. “воронья книга”; где 鳥 яп. *у*, кит. *у* – суц. ворон; ворона; вороний; прил. чёрный, тёмный; вороной... [БКРС, т. III, с. 505].

¹⁵ 「高麗上表圖^レ鳥冊於鳥文。」 [Кайфүсё, 1923, с. 499]; ср.: 「高麗上表して鳥冊 (うさく) を鳥文に圖しき。」 [Кайфүсё. Предисловие].

будешь ‘ближним слугой’ (др.-яп. *омоти-кими*) в [государевом] дворце”. И затем [государь Бидацу] возгласил всем писцам востока (*Ямато-но фумибито*) и запада (*Кавати-но фумибито*), говоря: “Вас хотя и много, [но вы] не [можете] равняться с Синни”. Такой [рассказ о Синни] одновременно существует и в государственной истории (*коку-си*), и в родословии (яп. *катё*)²² [рода потомков Синни], [всё] подробно занесено [в истории и родословной] про эти дела!»²³ (Сёку-нихонги, св. 40-й, *Энряку*, 9-й год, 7-я луна).

По сообщению «Кайфүсё», Синни продолжал заниматься просветительской деятельностью. «Синни, до конца [жизни], просвещал (распространял учение)²⁴ во [дворце] Восада [государя Бидацу]. В конце концов, посланные [к Синни] миряне добились успеха в нравах конфуцианского учения (досл. “нравов земель [у рек] Чжу [и] Сы”)²⁵, люди [стали] иметь склонность к учению [княжеств] Ци и Лу (т. е. к конфуцианству²⁶ – С. Д.)»²⁷ (Кайфүсё, Предисловие).

О самом же государе Бидацу в «Нихон-сёки» (в начальном разделе “Бидацукки”) сказано, что он «любил сочинения литературные и исторические» (досл. “литературу и историю”)²⁸. Некоторые исследователи пытаются истолковать фразу о литературных и исторических сочинениях, как любовь к сочинениям китайской литературно-исторической традиции [Нихон-сёки, 1997, с. 317, п. 6]. Хотя сам источник не указывает родину этих сочинений, любимых государем. Это вполне могли быть и собственно японские исторические труды – такие как «Кудзи», «Тэйки»²⁹ и др. Любовь к литературно-историческим сочинениям определила дальнейшую политику правителя Японии по привлечению грамотных людей с континента, распространению грамотности и накоплению различных книг, привозимых из Кореи.

По сообщению «Сётоку-тайси дэнряку», в 8-й луне 576 года пятилетний принц Умаядо (известный под посмертным именем Сётоку-тайси) начал изучать китайскую письменность: «5-й год [правления Бидацу] (год *хиноэ-сару*, 33-й год цикла) [576 г.]... [Принц Умаядо был] в возрасте пяти лет... Осенью, [в] 8-й луне, принц

²² 「國史 家牒」; где 家牒 яп. *катё*, кит. *цзя дэ* – родословная, генеалогия [БКРС, т. III, с. 842]; 牒 яп. *тё*, кит. *дэ* – (суц.) 1)* табличка для письма; письмо; сообщение... 2) официальный документ, бумага, грамота; 3) запись... 4) список, перечень, реестр... [БКРС, т. III, с. 706].

²³ 「詔曰: 『勤乎! 懿哉! 汝若不愛學, 誰能解讀. 宜從今始近侍殿中』. 既而又詔東西諸史曰: 『汝等雖衆, 不及辰尔』. 斯並國史家牒. 詳載其事矣。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

²⁴ 敷教 яп. *фу-кё*, кит. *фү-цзяо* – распространять учение; просвещать [БКРС, т. III, с. 1085].

²⁵ 洙泗 кит. *чжү-сы* – Чжушуй и Сышуй (реки в княжестве Лу на территории нынешней пров. Шаньдун, к району которых относятся возникновение конфуцианства; обр. о конфуцианстве); ср.: 洙泗之流 конфуцианское учение, школы конфуцианства [БКРС, т. III, с. 760].

²⁶ Комментаторы текста указывают, что Кун-цзы (Конфуций) родился в государстве Лу, его жена была из Ци. – См.: [Кайфүсё. Предисловие].

²⁷ 「辰爾終敷教於譯田. 遂使俗漸洙泗之風, 人趨齊魯之學。」 [Кайфүсё, 1923, с. 499]; ср.: 「辰爾(しんに)終(つい)に教を譯田(おさだ)に敷く. 遂に俗をして洙泗(しゅし)の風に漸(すす)み、人をして齊魯(せいろう)の學に趨(おもむ)かしむ。」 [Кайфүсё. Предисловие].

²⁸ [Нихон-сёки, 1997, с. 69; Буддизм в Японии, с. 363]. 「愛文史。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 101]; где 文史 яп. *бун-си*, кит. *вэнь-ши* – 1) литература и история... [БКРС, т. IV, с. 62].

²⁹ Подробнее см.: [Суровень, 2014, с. 86–106].

[Умаядо] сказал своей молочной матери–кормилице, говоря: “Маленький ребенок непременно [должен] тренироваться в написании (в документах) письменных знаков (яп. *фуми-но каки* / *монсё*, кит. *вэнь’шү* (*ишү*)) (букв. “упражняться [в письме как] делопроизводитель / канцелярист”)³⁰. Почему [я] не держу в руках привезенные [с континента] письменные принадлежности (яп. *хицубоку* – досл. “кисть [и] тушь”³¹)?” Мать–кормилица посоветовала государеву сыну [Гатибана-но Тоёхи-но микото, т. е. будущему Ёмэю – отцу принца Умаядо]: “Поэтому [нужно] позволить [мальчику Умаядо заниматься] литературным мастерством (досл. ‘письменами и кистью’)³² [и] каллиграфией (яп. *сёхё*, кит. *шүфя*)³³”. [В тот же] день [начали] особо тренировать [принца Умаядо] в написании нескольких тысяч иероглифов. Три года спустя (т. е. в восемь лет – *С. Д.*) [стали] учить владыку [Умаядо] правильным книгам по военному искусству (яп. *гунсё*, кит. *цзюнь-шү*)³⁴. Уже [потом принц Умаядо] добился стиля письма кистью подобного молнии. Люди [того] времени очень удивлялись. (“Внешним книгам” [принц Умаядо] руководствовался (яп. *си*, кит. *шй*, т. е. учился) [у] старшего ученого (яп. *хакасэ* – доктора наук) [по имени] Хакка (яп. Гакёка / Какёка) и других, “внутренним писаниям” руководствовался у Хечжа. [Это] люди из Ко[гу]рё)»³⁵ (Сётоку-тайси дэнряку, св. 1-й, Бидацу, 5-й год пр., 8-я луна). В «Нихон-сёки» о принце Умаядо сказано: «Он учился Внутреннему Учению (буддизму)³⁶ – *С. Д.*) у монаха из Когурё по имени Хеджа, а Внешним (конфуцианским)³⁷ – *С. Д.*) Книгам – у профессора Какука³⁸. И в том, и в этом достиг он глубокого понимания...» [Нихон-сёки, 1997, с. 91] (Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкё, 1-й год пр., 4-я луна, 10-й день). Так как монах Хеджа прибыл из Кореи в Ямато только в 5-й луне 3-го года правления Суйкё (в 595 г.)³⁹, то, получается, что в 576 году принц Умаядо начал учиться у старшего ученого (доктора наук) Какёка (Гакёка) и других конфуцианских ученых (Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкё, 3-й год пр., 5-я луна, 10-й день).

В 577 году посольство принца крови Ёвакэ (др.-яп. Оповакэ) привезло из Кореи подарки от пэкчжеского вана: «**буддийские книги**, а также учителя *винаи*,

³⁰ 文書 яп. *фуми-но каки* / *бунсё*, *мондзё*, кит. *вэнь’шү* (*ишү*) – 1) официальный документ; казённая бумага; служебное письмо... 2) делопроизводитель, канцелярист, секретарь [БКРС, т. IV, с. 60].

³¹ 筆墨 яп. *хицубоку* – досл. “кисть [и] тушь”, письменные принадлежности. – См. : [ЯРУСИ, с. 445].

³² 文筆 яп. *бумпицу*, кит. *вэнь-бй* – 1) литературное мастерство (творчество); 2) *лит.* перо, стиль; 3) *ист. лит.* поэзия и проза, рифмованные и нерифмованные произведения (*эпоха Шести династий*) [БКРС, т. IV, с. 60].

³³ 書法 яп. *сёхё*, кит. *шүфя* – 1) каллиграфия; почерк; 2) стиль (язык) летописей (исторических работ) [БКРС, т. II, с. 554].

³⁴ 軍書 яп. *гунсё*, кит. *цзюньшү* – 1) книга по военному искусству... [БКРС, т. II, с. 915].

³⁵ 「五年【丙申】... 五歲。...秋、八月。太子語（謂）^レ孀母曰：『小子須習^レ文書。何不持^レ來筆墨耶？』孀母答^レ皇子：『即賜^レ文筆書法』。日別習^レ書數千字。三年以後、學^レ王右軍書。既得^レ骨體流筆如^レ電。時人大異。【外書師^レ博士學架等、內典師^レ惠（慧）慈。高麗之人也。】」 [СТД 1, с. 10; СТД 2].

³⁶ [Нихон-сёки, 1997, с. 325, п. 14].

³⁷ [Нихон-сёки, 1997, с. 325, п. 16].

³⁸ *Какука* – японское произношение имени [Нихон-сёки, 1997, с. 325, п. 17].

³⁹ [Нихон-сёки, 1997, с. 91; см.: Bowring, p. 12].

учителя медитации, монахиню, чтеца *мантр*, мастера по изготовлению буддийских статуй, строителя буддийских храмов – всего шесть человек. Их поселили в буддийском храме принца крови Оповакэ в Нанипа» [Нихон-сёки, 1957, с. 107; Нихон-сёки, 1997, с. 73; см.: Hong, p. 120; Bowring, p. 19]. (Ср.: «(577 г.) Зимой в 11-ю луну [месяц] (года) старшего брата металла и лошади, в 1-й день, царь страны Пэкче через возвращавшегося [на родину] посла – принца Ёвакэ – преподнес [императору] **несколько**⁴⁰ **свитков сутр и трактатов** (видимо, буддийских трактатов – *шастр*⁴¹ – С. Д.) и [послал] также учителя заповедей (яп. *рисси* – специалиста по *винае*⁴² – С. Д.), учителя размышления (яп. *дзэндзи* – специалиста по медитации⁴³ – С. Д.), монахиню, учителя “запрещающих заклинаний” (яп. *дзюкон-но хакасэ*⁴⁴ – С. Д.), мастера по ваянию [образов] Будды, мастера по строительству [буддийских] храмов – [всего] шесть человек. И [все они] были поселены в храме принца Ёвакэ в Нанива»⁴⁵. [Ни храма, ни известий о нём более не сохранилось⁴⁶]]. В «Фусё-рякки» («Кратких записях о [стране у восточного дерева] Фусё [Японии]», нач. XII в.) сообщаются некоторые подробности об этих событиях: «В “Хоккэ гэнки” (“Записях о действии Цветка Закона”) [монаха] Якуго говорится: “В 6-й год [правления] императора Бидацу [577 г.], в день младшего брата огня и курицы страна Пэкче подарила **двести свитков сутр и трактатов**. Среди этих сутр и свитков также прибыла [Сутра] Цветка Закона”»⁴⁷ (Фусё-рякки, кн. 3-я, Бидацу, 6-й год пр., год *хиното-тори* [577 г.]). В «Сётоку-тайси дэнряку», в разделе 7-го года царствования государя Бидацу (св. 1-й) сказано: «Пэкческих **сутр [и] шастр несколько сотен свитков** принесли, прибыв [в Японию], и поднесли [государю Ямато]»⁴⁸ (Сётоку-тайси дэнряку, св. 1-й, Бидацу, 7-й год пр.).

В это же время – в 587 году (по сообщению «Нихон-сёки») письменность использовалась в переписке двора с местными властями. “Управитель земли Капути”

⁴⁰ 若干 яп. *дзьяккан* – некоторое количество; *дзьякканно* – несколько, немного... [ЯРС, с. 188; ЯРУСИ, с. 502]; 若干 кит. *жэога́нь* – 1) столько-то; сколько потребуется; некоторое число, несколько... [БКРС, т. II, с. 431].

⁴¹ 「獻經論若干卷...」 [Нихон-сёки, 1957, с. 107; Нихон-сёки, 1997, с. 73]; где *經* яп. *кэ* – будд. *сүтра* [ЯРУСИ, с. 460]; *經* кит. *цзён* – ...5) каноническая книга, классический (основополагающий) труд... основополагающий трактат; книга конфуцианского канона... будд. сутра; *經論* сутры, *шастры* и *виная*; 6) священный текст... [БКРС, т. II, с. 86]; *論* яп. *рон* – ...3)... трактат... [ЯРУСИ, с. 551]; *論* кит. *лунь* – *суц.* ... 3) трактат... 5) будд. *шастра*, буддийский трактат (*Sāstra*)... [БКРС, т. III, с. 236].

⁴² [Буддизм в Японии, с. 396, п. 3]; *律* яп. *рицу*, кит. *люй* – *суц.* 1) закон, законоположение... 4) будд. *виная*, уставы, правила... [БКРС, т. II, с. 899].

⁴³ [Буддизм в Японии, с. 396, п. 4].

⁴⁴ *Дзюкон* – “запрещающие заклинания” – один из видов даосской магии, направленной на “запрещение” воздействия злых сил [Буддизм в Японии, с. 397, п. 5].

⁴⁵ Цит. по: [Буддизм в Японии, с. 363]; ср.: [Нихон-сёки, 1997, с. 73].

⁴⁶ [Буддизм в Японии, с. 397, п. 6].

⁴⁷ Цит. по: [Буддизм в Японии, с. 396, п. 2]; см.: [Nihongi, p. 96, n. 1]; 「藥恒法花驗記云、敏達天皇、六年丁酉。百濟國獻經論、二百餘卷。比論中、法華同來。」 [ФС 1, с. 488–489; ФС 2].

⁴⁸ 「七年【戊戌】、百濟、經論數百卷持來、上奏。」 [СТД 1, с. 10; СТД 2].

(др.-яп. Капути-но куни-но тукаса, яп. Кавати-но куни-но цукаса – т. е. губернатор области Кавати, назначенный государем Ямато)⁴⁹ доложил двору Ямато об обстоятельствах смерти воина Ёродзу – одного из участников военных столкновений 587 года на стороне мятежников, поднеся двору **депешу**, видимо, написанную на **табличке для письма** (др.-яп. *пуда*, яп. *фудà*, кит. *дэ*)⁵⁰. Двор также ответил письменно, прислав **табличку** (яп. *фу* / *варифу*, кит. *фү*)⁵¹; немного далее об этом документе сказано, что управитель земли Капути получил “приказ на табличке” (др.-яп. *воситэ нуми*, яп. *фу-си*)⁵² – в русском переводе: “скрепленный печатью приказ”⁵³, по которому полагалось разрубить тело мятежника на восемь частей и раскидать их в восьми областях (*куни*). Но на могиле Ёродзу умерла его верная собака. Управитель Капути опять доложил об этом государю, снова отправив ко двору **депешу** на **табличке для письма** (др.-яп. *пуда*, яп. *фуда*, кит. *дэ*)⁵⁴. Государь сжалился, и в ответной **табличке** (др.-яп. [*воситэ*] *нуми*, яп. *фу* / *варифу*)⁵⁵ родственникам погибшего было позволено захоронить Ёродзу и собаку как полагается [см: Нихон-сёки, 1997, с. 86–87; Нихон-сёки, 1957, с. 128–129]. О том что, подобные дощечки для письма использовались при дворе Ямато еще в конце VI – начале VII веков может свидетельствовать “парадный” портрет принца Умаядо (*Сётоку-тайси*) (см. ниже рис. 1). На фрагменте портрета принца *Сётоку-тайси*, изображённого в виде конфуцианского государственного деятеля (в одежде придворного в китайском стиле, начиная от головного убора и до обуви), видно, что в его руках находится **деревянная табличка**. Эта табличка изначально была **средством для письма**, а также символом его чиновничьего статуса [Нōгүүji 04]. Такую же **табличку для письма** мы видим в руках принца на его статуе (см. ниже рис. 2).

⁴⁹ 河内國司 др.-яп. Капути-но куни-но тукаса, яп. Кавати-но куни-но цукаса – досл. “Управитель земли Капути”, т. е. губернатор Кавати-но куни [Нихон-сёки, 1957, с. 128].

⁵⁰ 「牒上^レ 朝庭。」 досл. “депешу на табличке для письма поднёс Двору” [Нихон-сёки, 1957, с. 128]; где 牒 яп. *тэ* / *фудà*, кит. *дэ* – *суц.* 1) * табличка для письма; письмо; сообщение; депеша; повестка; 2) официальный документ, бумага, грамота; 3) запись; протокол; 4) список, перечень, реестр... [БКРС, т. III, с. 706]; японское чтение *фуда* (札) обозначает: 1) карточка; бирка... дощечка... [ЯРС, с. 91].

⁵¹ В тексте 符 кит. *фү* – *ошибка* *вм.* 符 яп. *фу* / *варифу*, кит. *фү* – *суц.* 1) верительная бирка (*из двух половинок для сличения*); удостоверение... 4) *уст.* пророчество; письменное предсказание... [БКРС, т. III, с. 30]; от 割符 яп. *варифу*, *вапу* – бирка [ЯРУСИ, с. 445], букв. “разделённая (расколотая) бирка” (видимо, *из двух половинок для сличения*); где 割 яп. *вару* – 1) делить, разделять; 2) ломать, разбивать; раскалывать [ЯРУСИ, с. 107].

⁵² В тексте 符旨 кит. *фү-чжи*, яп. *фу-си* – *ошибка* *вм.* 符旨 др.-яп. *воситэ нуми*, совр.-яп. *фу-си*, кит. *фү-чжи* – досл. “приказание на верительной бирке” [см.: Нихон-сёки, 1957, с. 128]; ср.: 符牒 яп. *фүтэ* – ...2. ... шифрованный документ... [ЯРУСИ, с. 386].

⁵³ См.: [Нихон-сёки, 1997, с. 86]; видимо, переводчики исходят из сходства звучания 符璽 яп. *фу-дзи*, кит. *фү-сй* – 1) императорская печать (*разделённая надвое для сличения*); 2) большая печать... [БКРС, т. III, с. 30].

⁵⁴ 「牒上^レ 朝庭。」 досл. “депешу на табличке для письма поднёс Двору” [Нихон-сёки, 1957, с. 128].

⁵⁵ 符(符) др.-яп. [*воситэ*] *нуми*, совр.-яп. *фу* / *варифу*. – См.: [Нихон-сёки, 1957, с. 129]. Ср.: [Нихон-сёки, 1997, с. 87].

Рис. 1. Изображение принца Умаядо⁵⁶

Рис. 2. Статуя принца Умаядо⁵⁷

Активное применение письменности в конце VI века подтверждается и эпиграфическим материалом. Известно до двух десятков надписей на могильниках и буддийских статуях, сделанных до конца VII века [Пасков, с. 6]. С появлением в Ямато буддизма, в Японию (видимо, из Кореи) пришла традиция, известная в других странах Дальнего Востока – обычай украшать надписями буддийскую утварь (прежде всего, буддийские скульптуры)⁵⁸ и буддийские здания. По этой причине наиболее богатыми древнейшими текстами оказались буддийские храмы, обладающие ныне культовыми предметами с текстами (в том числе, изделиями из бронзы, исписанными выдержками из сутр) [см. : Горегляд, с. 24].

По сообщению эпиграфической надписи на основании шпиля пагоды храма Гангō-дзи 651 года (цитируемой в «Гангōдзи гаран энги», источнике начала VII – второй половины VIII вв.): «В 588 г. (в год *цүтиноэ-сару*, 45-й год цикла⁵⁹ –

⁵⁶ Фото из: [Нōгүүji 04].

⁵⁷ Фото из: [Нōгүүji 06].

⁵⁸ [Джарылгасинова, с. 42].

⁵⁹ В тексте оригинала даты записаны с помощью циклических знаков 60-ричного цикла [Буддизм в Японии, с. 424, п. 2]. 戊申 яп. *цүтиноэ-сару* – 45-й циклический знак; в конце VI века приходится на 588 год [Цыбульский, с. 140].

С. Д.) вана Пэкче по имени Чхан (Видок-ван, 554–598 годы пр⁶⁰. – С. Д.) впервые попросили прислать [в Ямато] учителей Закона (буддизма – С. Д.) и изображения будд. Он прислал учителя *винаи* Сяка Рёсё, учителя Закона (по имени – С. Д.) Эсо, гравировальщика Дзимаи Дзюн, носившего [седьмой] ранг “чандок”, строителей храмов Дара Мида, Монкэ Коси, черепичных дел мастеров Мана Монну, Ёки Мон, Фу Рёки, Сякума Таими. Были посланы строители Мако Коки и Отокаси-атаи из рода Ямато-но ая-но *ō-атаи*, **книгочеи** (досл. “люди книг”⁶¹ – С. Д.) – доктор (яп. *хакасэ* – старший учёный⁶² – С. Д.) Хяцука и доктор Ёко⁶³ (Гангōдзи гаран энги, Надпись 651 года, 588 г.). Об этом же говорится в самом тексте «Гангōдзи гаран энги»: «В 588 г. (в год *цутиноэ-сару*, 45-й год цикла⁶⁴ – С. Д.), когда Поднебесной повелевал император Курахаси (государь Судзюн, 587–592 гг. пр⁶⁵. – С. Д.), [из Пэкче] прибыли шестеро монахов: учитель *винаи* Рэйсё (он же, видимо, Сяка Рёсё – С. Д.), послушник Эсо, учитель Закона Рэйи, послушник Эсё, учитель закона Догэн, послушник Рэйки. Вместе с ними прибыли четверо строителей во главе с Сюсином, носившим ранг *инюль* (3-й ранг из 16-ти рангов Пэкче⁶⁶ – С. Д.). Они представили макет золотого павильона. Ныне он хранится в этом храме [Гангōдзи]»⁶⁷ (Гангōдзи гаран энги, Курахаси [Судзюн], 588 г.).

В надписи 588 года на основании башни храма Гангō-дзи для транскрибирования имени Сётоку-тайси иероглифы были использованы как силлабемы (т. е. слоговые знаки). Ритуальное имя принца-регента, содержащее тринадцать слогов, обозначено тринадцатью иероглифами (включая знак “имя” – С. Д.), прочитанными как слоги японских слов⁶⁸. Здесь такой способ записи выдержан до конца: даже слово “*микото*” записано соответственно количеству слогов в нём тре-

⁶⁰ См.: [Ким Бусик, с. 174–176].

⁶¹ 書人 яп. *сё-дзин* / *каки-но хито*, кит. *шў-жэнь* – 1) каллиграф; 2) писатель; автор. – См.: [БКРС, т. II, с. 552]. В тексте «Гангōдзи гаран энги» сделано примечание: 「書 日本書紀 作 畫」 «[Знак] 書 *сё* / *каки* [в] “Нихон-сёки” сделан как 畫 *га* / *каку*» [ГТЭ 1, с. 143]; в этом случае название профессии 「畫人」 яп. *га-дзин*, кит. *хуа́-жэнь* – переводится как “живописец” (а также “маляр”) [БКРС, т. II, с. 48].

⁶² 博士 яп. *хакасэ*, кит. *бóшй*, *бóшй* – 1) доктор [наук] (*высшая учёная степень*); 2) *стар.* старший учёный, главный эрудит (*также должность и звание, с дин. Цинь*); ... 4) ... знаток [БКРС, т. III, с. 58].

⁶³ Цит. по: [Буддизм в Японии, с. 423]; 「戊申、始請^レ百濟寺(王)名^レ昌王^ヲ。法師及諸佛等。故遣上^レ釋令照律師、惠聰法師、鏤盤師將德自【白】昧淳、寺師丈【太】羅未大、文(父)賈古子(丈【太】羅未、大父【太文】賈古子)、瓦師麻那父(文)奴・陽貴文・布+麦【陵】貴(麻那父奴陽貴、文布+麦【陵】貴)、昔麻帝彌。令^レ作奉者山東、漢、大費直名^レ麻高垢鬼、名^レ意等加斯、費直也、書【畫】人百加博士、陽古博士。」 [ГТЭ 1, с. 143; ГТЭ 2].

⁶⁴ 戊申 яп. *цутиноэ-сару* – 45-й циклический знак; в конце VI века приходится на 588 год [Цыбульский, с. 140].

⁶⁵ [Буддизм в Японии, с. 425, п. 19].

⁶⁶ [Буддизм в Японии, с. 425, п. 20].

⁶⁷ Цит. по: [Буддизм в Японии, с. 419]; 「次 棕攝(梯)天皇治天下、時、戊申年、送^レ六口僧、名^レ令照律師、弟子惠念、令威法師、弟子惠勳、道嚴法師、弟子令契。及 恩率(卒)首眞等四口、工人并金堂、本様奉。今此寺在^レ是也。」 [ГТЭ 1, с. 140].

⁶⁸ 「...名 有麻移刀 等刀彌彌乃彌己等...」 «...по имени У-ма-я-до-То-[ё]-то-ми-ми-но *ми-ко-то*...» [ГТЭ 1, с. 143].

мя иероглифами⁶⁹, в то время как в других источниках это слово везде без исключения обозначается одной идеограммой [Пинус, с. 291; Воробьев, с. 224; Тихонов, с. 231, п. 39].

В 589 году, по сообщению «Ни-тjо-рэки», впервые из Китая в Японию привезли «Сутру цветка Закона» (яп. *Хōка-кэ*): «[В] год *цутиното-тори* (46-й г. ц.) [589 г.], из Китая (др.-яп. *Морокоси*, яп. *Кара*) “Сутра цветка Закона” впервые [была] переправлена»⁷⁰ (Ни-тjо-рэки, “Нэндай-рэки”, *Тансэй*).

В 3-м году правления государыни Суйкō (в 595 г.) из Кореи в Ямато прибыл монах Хеджа (Хечжа, Хьеча, Хйеча): «5-я луна, 10-й день. Монах из Когурё по имени Хеджа переселился в [Ямато]. Он стал наставником престолонаследника» [Нихон-сёки, 1997, с. 91; см.: Bowring, p. 12] (Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкō, 3-й год пр., 5-я луна, 10-й день). В «Одзё гокуракки» (984 г.⁷¹) сказано: «Как-то прибыл ко двору монах Хйеча из страны Когурё. Был он начитан и в книгах Будды, и кроме них. Особенно же в учении Будды был сведущ. Сётоку спрашивал его с пристрастием...»⁷² (Одзё гокуракки. 1. О царевиче Сётоку). Чуть ранее в «Нихон-сёки» о принце Умаядо сказано: «Он учился Внутреннему Учению (буддизму⁷³ – С. Д.) у монаха из Когурё по имени Хеджа... И ... в этом достиг он глубокого понимания...» [Нихон-сёки, 1997, с. 91] (Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкō, 1-й год пр., 4-я луна, 10-й день). То же самое повторено в «Сётоку-тайси дэнряку»: «... “Внутренним писаниям” руководствовался у Хечжа ... человека из Ко[гу]рjё»⁷⁴ (Сётоку-тайси дэнряку, св. 1-й, Бидацу, 5-й год пр., 8-я луна). В «Дзjгj Сётоку хōб тjйсэцу» (кон. VII – нач. VIII вв.) сообщается: «Учителем принца Камицумия [по имени Умаядо был] “учитель [буддийского] Закона” (яп. *хōси*) Хечжа из Ко[гу]рjё»⁷⁵ (Дзjгj Сётоку хōб тjйсэцу, [часть 2-я], Хечжа). «Нихон-сёки» добавляет: «В этом же году (595 г. – С. Д.) сюда прибыл монах Хечхон из Пэкче» [Буддизм в Японии, с. 368; Нихон-сёки, 1997, с. 91]. О нем говорится также в «Сангоку буппо дзэндзу энги» («Истории распространения Закона Будды в трёх странах»; автор Гёнэн) [Буддизм в Японии, с. 401, п. 8]. О Хеджа и Хечхоне далее в «Нихон-сёки» сказано, что «эти двое монахов распространяли учение Будды, а также стали опорой Трёх Сокровищ»⁷⁶ в Ямато (Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкō, 3-й год пр.).

В 596 году на каменном монументе была составлена надпись, известная как «Надпись на памятнике у горячих источников Дōго провинции Иё» («Иё-онътō-хи»)»⁷⁷, воздвигнутого в 4-й год правления государыни Суйкō (596 г.) в увековече-

⁶⁹ 「彌己等」 яп. *ми-ко-то* (命, 尊) [ГТЭ 1, с. 143].

⁷⁰ 「己酉、自唐法華經始渡。」 [Ни-тjо-рэки, с. 36].

⁷¹ [Японские легенды... с. 5, 6; Волшебная Япония, с. 7, 8; Игнатович, с. 23].

⁷² [Одзё гокуракки, 2001, с. 241; Одзё гокуракки, 1984, с. 31].

⁷³ [Нихон-сёки, 1997, с. 325, п. 14].

⁷⁴ 「...内典師^レ慧慈。高麗之人也。」 [СТД 1, с. 10; СТД 2].

⁷⁵ 「上宮王,師高麗,慧慈法師。」 [ДСХТ 1, с. 333; ДСХТ 3].

⁷⁶ [Буддизм в Японии, с. 368; Нихон-сёки, 1997, с. 91].

⁷⁷ 「伊予温湯碑文」 яп. *Иё-онътō-хибун* – досл. “Надпись на каменном памятнике на горячих источниках Иё”. [Иё-дōкō-онътō... 1921, с. 11; Иё-дōкō-онътō... 1911, с. 25; Каваниси]; где 碑 яп. *хи / иси-буми* – каменный памятник (в виде плиты или колонны с надписью) [ЯРУСИ, с. 426].

ние посещения дворца, расположенного около горячих источников Дōго, совершенного принцем Умаядо (Сётоку-тайси), монахом Хечжа и местным лидером Кадзураки-но оми⁷⁸. Надпись начинается с предложения: «Наш монашествующий государь посетил Иё вместе с монахом Хечжа и повелителем Кадзураки...»⁷⁹. Использование речи от третьего лица позволяет предположить, что автор надписи был некто другой, нежели те двое людей, упомянутых вместе с принцем в его путешествии в Иё [Konishi, p. 314]. В «Иё-фудоки» рассказывается: «Наследный принц Сётоку-тайси из Верхнего дворца бывал [на горячих источниках Иё] один раз – вместе со служившими [ему] ко[гу]рёским буддийским священнослужителем Хечжа, Кацураги-но оми [Конара] и другими. Тогда установили около холма с горячими источниками (яп. ю-но ока) каменную стелу с надписью (яп. исибуми). Это место, где поставили стелу с надписью, называлось Исанива-но ока. Причина, почему [это] место называли Исанива, [такова]: все люди той земли желали увидеть [данную] стелу с надписью и, соблазненные (др.-яп. изанани, совр.-яп. идзанаи), приезжали [сюда]. Поэтому называли [этот холм] Исанива, [таково его] происхождение⁸⁰. [В] надписи на стеле сказано: “В 6-й год Хōкē (“Процветания закона”), 10-й луне, [этот] год приходится на [циклический год] хиноэ-тацу (53-й год цикла) [596 г.⁸¹]. Наш великий государь (ō-кими) Хōб (яп. хōб, кит. фǎвǎн – “Царь Закона”; букв. “Живой Будда”) [вм.: яп. хōб, кит. фǎхуǎн – “император-монах”⁸²] (т. е. принц Умаядо, он же – Сётоку-тайси – С. Д.) вместе с “учителем закона” (яп. хōси) Хечжа, а также – Кацураги-но оми [Конара] странствовали для удовольствия, блаженствуя (яп. сēē)⁸³ в селении Иё-но мура, действительно (яп. масасику) видели священный источник (каму-но и), восхитились (вздохнули в восхищении) из поколения в поколение [существующим] чудесным воздействием [источника]. [Принц] пожелал [письменно] изложить [свои] чувства – немного (яп. исасака)⁸⁴

⁷⁸ Этот памятник сам уже не существует, но эпиграфическая надпись, нанесённая на нём, цитируется в «Иё-но кун-но фудоки» (фрагменты которой приведены в «Сяку-нихонги») [Каваниси]. См.: [Сяку-нихонги, с. 698].

⁷⁹ Цит. по: [Konishi, p. 314].

⁸⁰ В изданиях конца XX века дан более полный текст: 「以上宮聖德皇子、爲^レ一度、及侍^レ高麗、惠辭・僧・葛城臣等也。于時、立^レ湯岡側碑文。其立碑文處、謂^レ伊社瀧波之岡也。所名^レ伊社瀧波由者、當土諸人等、其碑文欲見而、;伊社那比

來。因謂^レ伊社瀧波、本也。」 [ИКФИ 2]; ср.: 「湯泉 (釋日本紀、卷十四・萬葉集註釋、卷第三): 伊予の國の風土記に曰はく、『湯の郡(現温泉郡)。...上宮聖德(うへのみやのしやうとこ)の皇(おほぎみ)を以ちて、一度と為す。及(また)、侍(みとも)は高麗(こま)の惠慈(ゑじ)の僧(ほふし)・葛城臣(こま)等なり。時に、湯の岡の側に碑文(いしづみ)を立てき。其の碑文を立てし處を伊社瀧波(いさには)の岡と謂ふ。伊社瀧波と名づくる由は、當土(このくに)の諸人等、其の碑文を見まく欲(おも)ひて、いざなひ來けり。因りて伊社瀧波と謂ふ、本(ことのも)となり。』」 [ИКФИ 2].

⁸¹ [Каваниси]; см.: [Цыбульский, с. 141].

⁸² 法王 яп. хō-ō, кит. фǎвǎн – 1) Будда; 2)... живой Будда... – вм. 法皇 кит. фǎхуǎн – ...2) (яп. хōб) император-монах (титул императора, отрёкшегося от престола, принявшего духовный сан и удалившегося в монастырь) [БКРС, т. IV, с. 952].

⁸³ 逍遥 яп. сēē – кн. прогулка; сēē-суру – гулять, прогуливаться, бродить [ЯРУСИ, с. 589]; ср.: 逍遥 кит. сǎоǎо – бродить на досуге; странствовать для удовольствия; блаженствовать... [БКРС, т. IV, с. 121].

⁸⁴ 聊 яп. исасака – слегка, немного, незначительно [ЯРУСИ, с. 481].

(все же, как-нибудь, хотелось бы)⁸⁵ [поэтому] сделать эпиграфическую надпись на памятнике (стеле)⁸⁶ – [в] одном экземпляре⁸⁷ (Иё-но куни-но фудоки, уезд Ю; фрагмент “Горячие источники” из св. 14-го «Сяку-нихонги»⁸⁸ и св. 3-м «Манъёсю-тюдзю») Видимо, антропоним “Хб̄-но *ō-кими*” был вариантом записи третьего имени принца Умаядо – “Нори-но Уси-но *кими*”⁸⁹. Известный японский филолог Кониси Дзинъити указывает, что дошедшая до нас версия надписи содержит множество ошибок при копировании и не всегда может быть легко переведена. Тем не менее, – пишет исследователь, – она написана такой прозой и стилем, с ее частыми намеками на исторический прецедент, которые могут рассматриваться как происходящие из работ периода китайских династий Ци и Лян. Данная эпиграфическая надпись показывает умение, существовавшее в конце периода Шести династий в Китае; прекрасное выражение мыслей, обладавшее определённой формой и использовавшее манеру изложения мыслей при помощи ранее сложившихся литературных образцов – это также проявилось в письменных документах принца Умаядо (Сётоку-тайси) и его круга образованных людей Ямато. Несмотря на малое количество работ, и, несмотря на то, что они не были написаны на языке Ямато, их наличие провозглашало рождение своего письма в Ямато [Konishi, p. 314].

На статуе Амиды (Амитабхи) храма Кансин-дзи в области Кавати сохранилась надпись 598 года, свидетельствующая о том, что статуя выполнена по заказу вдовы, оплакивающей своего умершего мужа, с тем, чтобы муж и семь поколений его предков родились в “чистой земле” владыки буддийского рая [Мещеряков, 1987, с. 92].

Следует также упомянуть найденную в 1983–1984 гг. надпись на сохранившемся фрагменте меча (датируемом второй половиной VI века⁹⁰)–рукоятки с круглым навершием (длина фрагмента – 26,3 см) в кургане № 1 курганной группы Окада-яма в пригороде города Мацуэ префектуры Симанэ (в землях прежней провинции Идзумо). На фрагменте сохранились инкрустированные серебром 12 иероглифов, из которых прочитаны первые четыре – «Нукатабэ-но *оми*» (клановое

⁸⁵ Ср.: 聊 意 欲 叙 意 聊 作 碑 文 一 首 (перед глаголами в безличном предложении) хотелось бы... наречие... как-нибудь; на худой конец; покамест; всё же [БКРС, т. II, с. 767].

⁸⁶ 碑 文 意 欲 叙 意 聊 作 碑 文 一 首 (надпись на памятнике, эпиграфический текст... [БКРС, т. II, с. 812].

⁸⁷ 「碑文記云：『法興六年十月、歳在丙辰、我法王大王與惠慈法師及葛城臣、逍遙夷與村、正觀神井、歎世妙驗、欲叙意、聊作碑文一首。』」 [Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1898, с. 7; Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1903, с. 32; Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1936, с. 512; ИКФИ 2]; 「法興六年、十月、歳在丙辰。我法王大王與惠慈法師及葛城臣逍遙夷與村、正觀神井云々。」と『風土記』逸文に – Цит. по: [Хи, Хората, 2002; Каваниси]; ср.: 「記して云へらく：『法興六年十月、歳(まほ)丙辰にあり。我が法王大王と惠慈の法師及葛城臣と、夷與(いよ)の村に逍遙(あそ)び、正(まさ)しく神の井を觀て、世の妙(くす)しき驗を歎きたまひき。意(おもひ)を叙(の)べ欲(ま)くして、聊か碑文一首を作る。』」 [ИКФИ 1].

⁸⁸ Текст в «Сяку-нихонги» и ранних изданиях «Иё-но куни-но фудоки ишубун» немного короче: 「...以上宮聖德皇(子)、爲一度、及侍高麗、惠辭・僧・葛城臣等也。于時、立湯岡側碑文記云：『法興六年十月、歳在丙辰、我法王大王與惠慈法師及葛城臣、逍遙夷與村、正觀神井、歎世妙驗、欲叙意、聊作碑文一首。』」 [Сяку-нихонги, 1901, с. 698; Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1898, с. 7; Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1903, с. 31–32; Иё-но куни-но фудоки ишубун, 1936, с. 511–512].

⁸⁹ 「法王大王」 яп. Хб̄-но *ō-кими*; ср.: 「法主王」 яп. Нори-но Уси-но *кими* – досл. “государь (по прозвищу) господин Закона” [Нихон-сёки, 1957, с. 120; Нихон-сёки, 1997, с. 80].

⁹⁰ [Ёсимура, с. 324].

звание руководителей корпорации Нуката-бэ в ранге *оми*)⁹¹, и предположительно – еще пять, и точно – два предпоследних. Возможно, получается следующий перевод: «[Руководителю корпорации] Нуката-бэ [в ранге] *оми* ([по имени] Имагава или Ёсикава⁹²; или: *има* “ныне”; или: *рэйсуру* – “приказали (даровать)” (?) даровали в высшей степени⁹³ сто [раз закаленный (?)]⁹⁴ большой острый меч (яп. *дай-ритō*)⁹⁵ (?)»⁹⁶. Исследователи указывают, что в древнем Идзумо проживал род Нукатабэ-но *оми* – в «Идзумо-фудоки» (раздел “уезд Ōхара”⁹⁷) упомянуты члены этого рода [Морита, с. 6; см. : Идзумо-фудоки, с. 87, 91, 146]. Цукимото Масаюки указывает, что данная надпись – пример использования китайских иероглифов с японскими чтениями (так называемый способ *кунъёми*) – прежде всего, в чтении *кабанэ* (наследственного кланового звания) – «Нукатабэ-но *оми*» [Tsukimoto, p. 50].

По сведениям древнеяпонского источника начала VIII века – «Дзёгү Сётоку хо́б тэйсэцу» (или: «Камицумия-но Сётоку-но нори-но ёкими-но тайсэцу» – «Повествованию [досл. “императорским запискам”] о Царе Закона принце Сётоку из Верхнего Дворца»)⁹⁸ в **598 году**, в подражание китайскому обычаю выступлений некоторых императоров с чтением сутр (о чем говорится в династийной хронике «Вэй-шу»), принц Умаядо (Сётоку-тайси) выступил с публичной проповедью. «В год *старшего брата земли и лошади* (6-й год правления Суйкō – прим. переводчика) (год *цутиноэ-ума*, 55-й год цикла – 598 г.⁹⁹ – С. Д.), в 15-й день¹⁰⁰ 4-й луны императрица [управлявшая Поднебесной из дворца в] Вопарида¹⁰¹ (т. е. Суйкō – прим. переводчика) обратилась к правителю Верхнего дворца (Камитумия-

⁹¹ 「各田 臣 (額田部臣)」 яп. *Нукатабэ-но оми* [Морита, с. 6; Ёсимура, с. 323; Нисидзаки, с. 159, 158].

⁹² Сочетания 5-го и 6-го знаков: (令阿, 令河, 今河 или 今阿), идущие после кланового звания Нукатабэ-но *оми* – могут быть личным именем хозяина меча. – См.: [Ёсимура, с. 324]. В этом случае возможны следующие прочтения имени: 今河 *Имагава* или 令河 *Ёсикава* (наиболее вероятно); 令阿 *Ёсиа* или 今阿 *Имаа* (менее вероятно). Ёсимура Такэхико (ссылаясь на мнение профессора Яги 1987 года) считает, что здесь записано имя 令阿 [Ёсимура, с. 324], где иероглиф 阿 может быть ошибкой вм. знака 阿 яп. *ра*; в этом случае имя 令阿 может быть прочитано как *Ёсира*.

⁹³ 素 яп. *су* – ... в соч. ... Б. *су* – 1) простой, необработанный; 2) *усл. префикс* [ЯРУСИ, с. 459].

⁹⁴ Ёсимура Такэхико и Цукимото Масаюки добавляют между знаками 素 и 大 иероглиф 伯 кит. *бо*, яп. *хаку* (“дядя, тётя”, “сто прописью” – см.: [БКРС, т. II, с. 603]): 「各田 臣 ■■■素伯 大利刀」 [Ёсимура, с. 324, 323; Tsukimoto, p. 50].

⁹⁵ 「大利刀」 яп. *дай-ритō* – досл. “большой острый меч” (?); где 利刀 яп. *ритō* – *кн.* острый меч; ср. : 利刀 яп. *ридзин* – *кн.* острый клинок [ЯРУСИ, с. 104]; где 利 яп. *ри*, кит. *ли* – *прил.* / *наречие* 1) острый, отточенный; ср.: 利兵 острое оружие; 2) быстрый, проворный, резвый; 3) ... удобный; подходящий... 4) успешный; счастливый; победоносный... [БКРС, т. II, с. 1023].

⁹⁶ 「各田 臣¹⁻⁴ ■[令, 今]⁵ ■[阿, 河]⁶ ■[賜]⁷ ■[素]⁸ ■[伯]⁹ 大利¹⁰⁻¹¹ ■[刀]¹²」 (в квадратных скобках даны варианты предполагаемого начертания знаков, обозначенных перед ними черным квадратом). – Цит. по: [Нисидзаки, с. 159, 158; Ёсимура, с. 324; Tsukimoto, p. 50; Нукатабэ-но оми].

⁹⁷ См. : [Идзумо-фудоки, с. 87, 91].

⁹⁸ [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37; Нихон-рёики, с. 80, п. 55].

⁹⁹ См. : [Цыбульский, с. 21, 25, 142].

¹⁰⁰ В русском указан 5-й день 4-го месяца. – См.: [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37].

¹⁰¹ В русском переводе топоним “Вопарида” (совр.-яп. Оварида) прочитан как “Сёхарута”. – См. : [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37].

но *кими* – С. Д.; т. е. Сётоку-тайси – прим. переводчика) и повелела ему выступить с толкованием “Сутры о [царице] Шримале” (яп. “Сёмангё” – “Сутра о [царице] Шримала”¹⁰² – С. Д.), и [он] провел церемонию [толкования] как монах. Все правители (яп. *кими* / *мико*, кит. *ван* – С. Д.), управляющие (яп. *кими* / *кō*, кит. *гун* – досл. “князья”; или: кит. *ван-гун* – т. е. знать¹⁰³; или: кит. *гунчжю*, др.-яп. *тимэ-мико* – принцессы¹⁰⁴; т. е. “все принцы и принцессы”¹⁰⁵ – С. Д.) а также *оми*, *мурадзи* и народ [приобрели] веру [в Закон Будды] и получили безграничную радость. Толкования и проповеди окончились через три дня¹⁰⁶. Императрица пожаловала Святому Правителю (т. е. Сётоку-тайси – прим. переводчика) вещи и пятьсот тысяч *сиро* земель, в Сасэ, округе Ибо, области Харима. Святой Правитель тотчас же эти земли сделал землями храма Процветания Закона¹⁰⁷ (Хōрjō-дзи)¹⁰⁸. Далее в тексте источника сделано пояснение относительно расположения дарованных земель: «Ныне расположенные в Харима поля (*та*) [составляют] свыше трёх сотен *тё*»¹⁰⁹ (Дзёгү Сётоку хōб тэйсэцу, [часть 2-я], год *цүтиноэ-ума* [598 г.]). В другом источнике – храмовой хронике «Хōрjō-дзи энги сидзайтё» (747 г.) эта история излагается аналогичным образом [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37]. Во Введении к 1-му свитку «Нихон-рёики» говорится: Принц Умаядо «двадцати пяти лет отроду (т. е. в 598 году – С. Д.)... получил повеление государыни и толковал сутры Большой Колесницы...» [Нихон-рёики, с. 33] (Нихон-рёики, св. 1-й, Введение). Про эти события рассказывает «Одзё гокуракки»: «Как-то государыня призвала Сётоку и велела ему три дня толковать “Сутру о царице Сёман (Шримала – С. Д.)”. Сётоку облачился в монашеские одежды, взошел на место проповедника и гляделся настоящим монахом... В ночь... он закончил читать проповедь... А поскольку гадание показало то место счастливым, там поставили храм. Назвали его Татибана» [Одзё гокуракки, 2001, с. 242; Одзё гокуракки, 1984, с. 31–32] (Одзё гокуракки. 1. О царевиче Сётоку). Об основании храма Татибана-дэра принцем Умаядо (Сётоку-тайси) говорится в «Дзёгү Сётоку хōб тэйсэцу»: «Наследный принц [Сётоку-тайси] основал семь буддийских храмов: ... [среди них] – Татибана-

¹⁰² 勝鬘經 яп. “Сёмангё” – “Сутра о [царице по имени] Шримала” [Bowring, p. 20, n. 4].

¹⁰³ 王公 кит. *ван-гун* – 1) император и удельные князья; царь и сановники; 2) аристократы, знать [БКРС, т. II, с. 157].

¹⁰⁴ 公主 кит. *гунчжю* – 1) дочь императора, принцесса; царевна; принцесса крови, великая княжна... 2) дочь владетельной особы, княжна, царевна (о замужних или помолвленных) [БКРС, т. IV, с. 956].

¹⁰⁵ 「諸王公主」 [ДСХТ 1, с. 334; ДСХТ 3]; возможна разбивка: (1) 「諸王・公・主」 “все правители, князья и [территориальные] владетели (яп. *нуси*)”; или (2) 「諸王公・主」 “вся [придворная] знать и [территориальные] владетели”; или, скорее всего: (3) 「諸王・公主」 “все принцы [и] принцессы” – именно так читают данный отрывок комментаторы текста: 「諸(もろもろ)の王(みこ)公主(ひめみこ)」 [ДСХТ 2].

¹⁰⁶ 「戊午年、四月、十五日。少治田天皇請^レ上宮王令講^レ勝鬘經。其儀如^レ僧也。諸王・公主及臣・連・公民信受無不嘉也。三箇日之内講^レ說訖也。」 [ДСХТ 1, с. 334].

¹⁰⁷ Цит. по: [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37].

¹⁰⁸ 「天皇 布施^レ 聖王^ニ 物^ヲ 播磨國, 揖保郡, 佐勢, 地, 五十萬代。聖王 即以 此[地] 爲^レ 法隆寺, 地也。」 [ДСХТ 1, с. 334].

¹⁰⁹ 「[今 在^レ 播磨田, 三百餘町 者]」 [ДСХТ 1, с. 334].

дэра...»¹¹⁰ (Дзэ̄гү Сэ̄току хōб тэйсэцу, [часть 2-я], принц Камицумия, семь храмов). Несмотря на это некоторые историки подвергают сомнению этот факт, объявляя сообщения хроник выдумкой в подражание китайскому обычаю [Буддизм в Японии, с. 402, п. 37]. В связи с этим, учёные отмечают, что донныне сохранился текст комментария к сутре «Сэмангэ»¹¹¹ (санскрит. *Srīmālādevīsīmhanāda-sūtra* – «Сутра о [царице] Шримале»¹¹²), приписываемый принцу Умаядо (составленный, видимо, ок. 606 г., когда принц Умаядо снова толковал эту сутру [Нихон-сэки, 1997, с. 99]; см. : [Konishi, p. 311, n. 5]).

Хасимото Масукити, а вслед за ним и М. В. Воробьёв обратили внимание на запись в «Нихон-сэки» в разделе 598 года, где говорится о том, что из Силла были привезены две сороки¹¹³ (судя по иероглифу)¹¹⁴ – вероятно, полагают исследователи, знаменитые длиннохвостые куры. Ученых насторожил тот факт, что в этом случае употреблен непонятный иероглиф, по-видимому, перенесенный составителями «Нихон-сэки» из более раннего источника [Воробьёв, с. 100–101; см. : Хасимото, с. 482–484], использованного при написании данной хроники.

Более того, исследования второй половины XX века показали, что прежние представления о времени появления слоговой азбуки (*кана*) – следует пересмотреть. Ранее считалось, что *кана* не использовалась вплоть до того, как в VIII веке значительно распространились записи, составленные китайским письмом [Miller, p. 492]. Всеобщее принятой доктриной было представление, что слоговая азбука *катакана*, в основном, появилась в период раннего Хэйана как письмо для записи глосс на японском языке в буддийских текстах, и, что самое раннее применение слоговой азбуки *хирагана* датируется 905 годом [Miller, p. 492–493, n. 7]. Поэтому наиболее неожиданным открытием эпиграфики оказалось свидетельство того, что на фрагментах керамики *суэ*, датированных временем с **конца VI века**, были обнаружены ясно видимые **знаки катаканы**, которые использовались как метки сушильной печи (печи для обжига) определённого изготовителя. Были даже обнаружены сосуды *суэ*, выкопанные на месте столичного города Фудзивара (694–710¹¹⁵), которые имели надписи на японском языке, составленные при помощи китайских иероглифов, использовавшихся как *фонограммы*. Эти надписи содержали знак *катаканы* “*цу*” [Miller, p. 492]. Это новое свидетельство для раннего применения знака “*цу*” (где и более поздние слоговые азбуки имеют, в действительности, то, что было тем же самым знаком) имеет особый интерес, так как исследователи до сих пор не имеют ясной идеи, из какого китайского иероглифа знак “*цу*” развился. Каким бы способом ни пришли графемы “*цу*” в слоговые азбуки, они были в пользовании гораздо ранее, чем до этого предполагали [Miller, p. 492–493, n. 7].

¹¹⁰ 「太子起^レ七寺:…橘寺…」 [ДСХТ 1, с. 334].

¹¹¹ 勝鬘經 яп. “Сэмангэ” – “Сутра о [царице] Шримале” [Bowring, p. 20, n. 4].

¹¹² См. : [Буддизм в Японии, с. 370].

¹¹³ В русском переводе: “пару южно-китайских сорок” [Нихон-сэки, 1997, с. 91].

¹¹⁴ 鶻 яп. *касасаги* – сорока [ЯРУСИ, с. 660]; 鶻 кит. *цюэ* – *суц*. 1) *зоол.* сорока (*Pica pica*) [БКРС, т. III, с. 514]; см. : [Нихон-сэки, 1997, с. 138; Nihongi, II, p. 124].

¹¹⁵ См. : [Мещеряков, Грачёв, с. 164].

В связи с этим, еще в 1975 году Р. А. Миллер писал: «Необходимо сказать, что такие [добытые] **археологическим [путём] документы дают прямое свидетельство**, на основе которого мы должны теперь взять на себя [обязанность] начала **переписывания истории письменности в Японии**, также как – [обязанность пересмотреть] вопрос о развитии слоговых азбук *кана*» [Miller, p. 493].

Таким образом, материалы источников свидетельствуют о том, что в Японии во второй половине VI века были люди, обладавшие достаточными знаниями для того, чтобы читать и составлять объемные письменные документы. Исследователи отмечают, что к концу VI века японцы Ямато добились относительно быстрого успеха в искусстве литературного выражения мыслей на китайском языке, что подтверждается появлением значительного числа источников в начале VII века [Konishi, p. 310].

Список литературы

Источники

- Идзумо-фудоки. М.: Наука, 1966. 222 с.
Ким Бусик. Самгук-саги. М.: Вост. лит., 1995. Т. II. 405 с.
Нихон-рёики: Японские легенды о чудесах / Пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995. 256 с.
Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. II. С. 70.
Одзё гокуракки. 1. О царевиче Сётоку // Волшебная Япония. СПб.: Северо-запад пресс, 2001. С. 240–244.
Одзё гокуракки. 1. О царевиче Сётоку // Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.). М.: Наука, 1984. С. 29–33.
Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W. G. Aston. London : Allen, 1956. Part II. 444 p.
ГГЭ 1 – Гангёдзи гаран энги 元興寺伽藍縁起 // Дай-нихон буккё дзэнсё 大日本仏教全書. Токио 東京: Буссё канкёкай 仏書刊行会, 1922. Т. 118. С. 137–148.
ГГЭ 2 – Гангёдзи гаран энги нараби-ни руки сидзайтё 元興寺伽藍縁起并流記資財帳 // [Электронный ресурс]. URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/gangoji/gangoji_gen.htm (дата обращения: 28.05.2015).
ДСХТ 1 – Дзёгү Сётоку хёб тэйсэцу 上宮聖徳法王帝説 // Гунсё руйдзё 群書類従. Токио 東京: Кэйдай дзасси-ся 経済雑誌社, 1902. Вып. 4-й 第四輯. С. 332–339.
ДСХТ 2 – Дзёгү Сётоку хёб тэйсэцу (Камицумия-но Сётоку-но нори-но ёкими-но тэйсэцу) 上宮聖徳法王帝説 // [Электронный ресурс]. URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/taisetsu/frame/taisetsu_fgyomi.htm (дата обращения: 28.05.2015).
ДСХТ 3 – Дзёгү Сётоку хёб тэйсэцу 上宮聖徳法王帝説 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donuma.net/hououteisetu.htm> (дата обращения: 28.05.2015).
Иё-дөкө-онтө Сётоку-тайси гёкэй го-хи 伊豫道後温湯聖徳太子行啓御碑 // Дай-нихон кинсёки-си 大日本金石史. Осака 大阪: Кёсё-кай сюппан-бу 好尚会出版部, 1921. Т. I. С. 11.
Иё-дөкө-онтө хибун 伊豫道後温湯碑文 // Кана-гэнрю-кё 假名源流孝. Токио 東京: Кокутэй кёкасё кёдө ханбайдзё 國定教科書共同販売所, 1911. Т. I. С. 25–26.
Иё-но куни-но фудоки ицубун 伊豫予國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文 / Сост. Курита Хироси 編纂者 栗田 寛. Токио 東京: Дай-нихон дзусё кабусйки-сякай 大日本圖書株式会社, 1898. Ч. II 卷之下. 40 с.
Иё-но куни-но фудоки ицубун 伊豫予國風土記逸文 // Кофудоки ицубун кёсё 古風土記逸文考證 / Сост. и коммент. Курита Хироси 編纂者 栗田 寛. Токио 東京: Дай-нихон-дзусё кабусйки-сякай 大日本圖書株式会社, 1903. Т. VI. 72 с.
Иё-но куни-но фудоки ицубун 伊豫予國風土記逸文 // Кофудоки ицубун кёсё 古風土記逸文考證. Токио 東京: Тэйкоку кёйкукай сюппанбу 帝国教育会出版部, 1936. 686 с.
ИКФИ 1 – Иё-но куни-но фудоки ицубун 「伊予国風土記」逸文 // [Электронный ресурс]. URL: <http://homepage2.nifty.com/tokazaki/geography/fudoits7.html> (дата обращения: 28.05.2015).
ИКФИ 2 – Иё-но куни-но фудоки ицубун 「伊予国風土記」逸文 // Син-нихон котэн бунгаку дзэнсё «фудоки» 新日本古典文學全集『風土記』 // [Электронный ресурс]. URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun03.htm#iyo> (дата обращения: 28.05.2015).

Кайфусō 懷風藻 // Синсэн мэика сисю 新撰名家詩集. Токио 東京: Юхōдō сэтэн 有朋堂書店, 1923. С. 499–548.

Кайфусō. Предисловие 懷風藻 序 // [Электронный ресурс]. URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/kaihuusou/00jobun/kaihuusou_jobun_frame.htm (дата обращения: 28.05.2015).

Ни-тү-рэки 二中歴 // Сисэки сюран 史籍集覽. Токио 東京: Кондō сьоббанбу 近藤出版部, 1926. Т. 23. С. 2, 1–252.

Нихон-сэки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 國史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. II. 437 с.

СТД 1 – Сётоку-тайси дэнряку 聖德太子傳曆 // Сётоку-тайси го-дэн сōсё 聖德太子御伝叢書. Токио 東京: Канао бунъэндō 金尾文淵堂, 1942. С. 9–42.

СТД 2 – Сётоку-тайси дэнряку, св. 1-й 聖德太子傳曆 上卷 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/denryaku/gen01.htm> (дата обращения: 28.05.2015).

СН 1 – Сёку-нихонги, св. 21-й – 40-й 続日本紀、第廿一・卅卷 (из серии Син-нихон бунгаку тайкэй 新日本文学大系) // “Сбох риккокуси” 『増補 六国史』 (в 12-ти томах, общество Асахи-симбун-ся 全十二卷、朝日新聞社) / Под ред. Саэки Ариёси 佐伯 有義. – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1940. Т. IV. – С. 4001–4515.

СН 2 – Сёку-нихонги св. 1-й – 40-й 続日本紀、第一・卅卷 // URL: <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/tool.html> // <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/shokki.lzh> (дата обращения: 28.05.2015).

ССР 1 – Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 – из кн.: Саэки Арикиё 佐伯 有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкō. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149–350.

ССР 2 – Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (Саэки Арикиё. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан, 1962) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 28.05.2015).

ФР 1 – Фусō-рякки 扶桑略記 // Кокуси-тайкэй 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. VI. С. 451–847.

ФР 2 – Фусō-рякки 扶桑略記, кн. 3-я // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umoregi.com/koten/fusoryakki/index.html> (дата обращения: 28.05.2015).

Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. 7. С. 509–934.

Общая и специальная литература

Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. I–IV.

Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993. 704 с.

Волшебная Япония. СПб.: Северо-запад пресс, 2001. 532 с.

Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. 344 с.

Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI веков. Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 416 с.

Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М.: Наука, 1979. 182 с.

Ермакова Л. М. «Нихон-сэки» – культурный полицентризм и выбор культуры // Нихон-сэки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. 5–70 с.

Игнатович А. Н. Буддизм в Японии: очерк ранней истории. М.: Наука, 1987. 319 с.

Мещеряков А. Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М.: Наука, 1987. 192 с.

Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 512 с.

Пасков С. С. Япония в раннее средневековье. М.: Наука, 1987. 198 с.

Пинус Е. М. У истоков японской письменности // Кодзики: Записи о деяниях древности: св. 1-й. СПб.: Шар, 1994. С. 285–296.

Суровень Д. А. Влияние буддизма на распространение письменности в Ямато в середине VI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 79–92.

Суровень Д. А. Когурёское “письмо на вороньих перьях” и японо-корейские отношения 70-х – первой половины 80-х годов VI века // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2013. С. 15–31.

Суровень Д. А. О распространении навыков письма при дворе Ямато во второй половине IV века // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы. Материалы II международной заочной научно-практической конференции / Отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Усурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Усурийске), 2011. С. 176–188.

Суровень Д. А. Первые исторические сочинения и использование письменности в Японии конца V – первой половины VI веков // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы. Материалы V международной заочной научно-практической конференции / Отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. С. 86–106.

Суровень Д. А. Роль потомков дома правителей Пэкче в распространении письменной культуры в Ямато // Культурные и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение. Материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИИ, 2015. С. 222–234.

Сэнсом Дж. Б. Япония: Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1999. 576 с.

Тихонов В. М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). М.: Вост. лит. РАН, 1998. 256 с.

Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск. яз., 1977. 680 с.

Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с.

Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.) / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984. 183 с.

Японско-русский словарь. М.: Русск. яз., 1984. 696 с.

Bowring R. J. The religious traditions of Japan, 500–1600. Cambridge : Cambridge university press, 2005. 485 p.

Hong Wontack. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. Seoul : Kudara International, 1994. 328 p.

Hōryūji 04 – Hōryūji // URL: <http://www.columbia.edu/%7Ehds2/horyuji/04.htm> (дата обращения: 28.05.2015).

Hōryūji 06 – Hōryūji // URL: <http://www.columbia.edu/%7Ehds2/horyuji/06.htm> (дата обращения: 28.05.2015).

Konishi Jin'ichi. A history of Japanese literature: The archaic and ancient ages. Princeton: Princeton university press, 1984. Vol. I. 476 p.

Miller Roy Andrew [рец. на]: Kofun bunka shōkō [Minor studies in tumulus culture]. By Mori Kōichi. Sanseidō shinsho 131. Tokyo : Sanseidō, 1974. – 184 pp; Nagaoka-kyō hakkutsu [The excavation of the Nagaoka capital]. By Fukuyama Toshio, Nakayama Shūichi, Takahashi Tōru, Namikai Tsuyoshi. Tokyo: NHK bukkusu 74. Nihon hōsō shuppan kyōkai, 5th revised printing, 1973; Dōtaku-no nazo: kono-e-wa nani-o monogatari ka? [The riddle of the dōtaku: what tales do these pictures tell?]. By Ōba Hiromichi. Tokyo: Kōbunsha, 1974 // Journal of Japanese studies. 1975, spring. Vol. 1. No. 2. P. 485–506.

The Cambridge history of Japan. Vol. I: Ancient Japan. Cambridge–New York : Cambridge University Press, 1993. 602 p.

Tsukimoto Masayuki. The development of Japanese kana // Scripta: International Journal of writing system. 2011, September. Vol. 3. P. 45–59.

Ёсимура Такэхико 吉村 武彦. Року-сэйки-ни окэру удзи-кабанэ-сэй-но кэнкю – удзи-но сэйрицу-о тюсин-то ситэ 六世紀における氏・姓制の研究 – 氏の成立を中心として // Мэйдзи-дайгаку дзимбун-кагаку кэнкюдзэ киё 明治大学人文科学研究所紀要. 1996, март. Т. 39. С. 321–332.

Каваниси Ёсихиро 河西 良浩. Тайхō-идзэн-но ицу нэнгō сирё сёсэй 大宝以前の逸年号-逸年号史料集成 // URL: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm> (дата обращения: 28.05.2015).

Морита Кикю 森田 喜久男. Сусаново то Ямата-но вороти 蘇サノヲとヤマノヲロチ // Нихон-рэйси 日本歴史. 2007, февраль 2月号 (№ 705). С. 1–16.

Нисидзаки Тōру 西崎 亨. Нинсики-тэки итай-дзи рон – “Бэ”-но итай-дзи-о рэй то ситэ 認識的異体字論 – 「部」の異体字を例として // Мукогава-дзёси-дай-гаку киё (дзинбун – сякай кагаку) 武庫川女子大学紀要(人文・社会科学). 1997. № 45. С. 153–160.

Нугагабэ-но оми 額田部臣 // URL: <http://kotobank.jp/word/額田部臣.htm> (дата обращения: 28.05.2015).

Хасимото Масукити 橋本 増吉. Тōбэ-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю 東洋史上より見たる日本上古史研究. Токио 東京: Тōбэбунко 東洋文庫, 1956. 1033 с.

Хи Синъити 日進市, Хората Кадзунори 洞田 一典. “Иё-онсэн-хи”-о сакасō “伊豫温泉碑”を探そう // Фурута-сигаку-кайхō 古田史学会報. – Киото, 2002, апрель 4月. № 49. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.furutasigaku.jp/furuta/kaihou49/kaihou49.html> (дата обращения: 28.05.2015).

Ямао Юкихиса 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1983. 486, 15 с.

The article was submitted on 17.04.2022

А. А. Бахвалова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Ю:ДЗЁ КВАРТАЛА ЁСИВАРА В ПЕРИОД ЭДО

Аннотация. В статье рассматриваются особенности повседневной жизни «дев веселья» ю:дзё веселого квартала Ёсивара в период Эдо (1603–1868), характеризуется санитарно-эпидемическая ситуация и методы лечения заболеваний, распространенных в квартале Ёсивара, гигиенические обычаи, вопросы деторождения и воспитания детей, рожденных ю:дзё, рацион питания, способы поддержания дисциплины.

Ключевые слова: Япония, Эдо, Ёсивара, веселые кварталы, ю:дзё

Anastasiia A. Bakhvalova

THE DAILY LIFE OF THE YU:JO IN THE YOSHIWARA QUARTER IN THE EDO PERIOD

Abstract. The paper considers the daily life of the “women for pleasure” *yu:jo* in the Yoshiwara Quarter in the Edo period (1603–1868), characterizes the sanitary and epidemic situation and methods of treating diseases common in the Yoshiwara Quarter, hygiene customs, issues of childbearing and raising children born by *yu:jo*, their basic diet, ways to maintain discipline.

Keywords: Japan, Edo, Yoshiwara, pleasure quarters, *yu:jo*

В японском языке для обозначения развлекательных кварталов платных удовольствий («веселых кварталов») часто используется слово *курува*, что буквально означает «огороженная стеной площадь». С началом эпохи Эдо, когда к власти пришел клан Токугава, женщин, занимавшихся проституцией, попытались собрать в специально отведенных местах, которые окружались крепостной стеной и рвом, заполненным водой. Так в 1617 г. был учрежден единственный легальный веселый квартал в г. Эдо – Ёсивара. Просуществовав более 300 лет, он был закрыт в 1958 г.

Несмотря на значительную роль Ёсивара в культуре и литературе Японии, тема японских веселых кварталов недостаточно хорошо разработана историографически. Среди японских исследований можно выделить работы ученых Сато Ёдзин, Андо Юитиро, Ямасиро Юкико и др. Среди американских – монографию Сесилии Сэгава Сейгл, среди немногочисленных российских исследований – работу А. Г. Фесюна. Те аспекты повседневной жизни квартала Ёсивара, которые относятся к взаимодействию «дев веселья» с клиентами, рассмотрены в историографии лучше, однако подробности личной жизни ю:дзё остаются малоизученными. В рамках настоящего исследования были задействованы письменные источники, большинство из которых никогда не переводились на русский и другие европейские языки: путеводители «Ёсивара-сайкэн», дневники *никки* и юмористические трехстишия *сэнрю*; а также визуальные источники – гравюры и иллюстрации, изображающие быт исследуемой социальной группы.

Ойран, «девы веселья» высших рангов веселого квартала Ёсивара, оставили яркий след в искусстве и литературе периода Эдо, но за яркими образами гравюр *укиё-э* стояли живые люди, которые так же, как и другие, нуждались в пище и заботе о здоровье. *Кугай дзю: нэн*, или «десять лет страданий», – так Ханаси Ноёда и другие писатели и поэты периода Эдо [Электронный словарь «Котобанк»] называли жизнь в Ёсивара *ю:дзё*, которым приходилось часто и тяжело болеть. В частности, одним из самых распространенных заболеваний в Эдо, в том числе в Ёсивара, считалось *каккэ* или бери-бери, возникающее вследствие недостатка витамина В₁ в организме людей, питающихся преимущественно белым рисом. Помимо *каккэ*, еще одним распространенным заболеванием в Ёсивара было *байдоку* (сифилис). Китайский историк Ляо Юйцюнь в своей статье «О болезни *каккэ* в период Эдо» [Ляо Юйцюнь, с. 103–123] даже предполагает, что термин «*каккэ*» в японской медицинской литературе периода Эдо был истолкован некорректно и на самом деле использовался для обозначения болезни, схожей с *байдоку*, или самой болезнью *байдоку*.

В литературе периода Эдо (*сярэбон*, *сэнрю*;) широко использовалось иносказание «*тоя-ни цуку*» (鳥屋に就く) [Электронный словарь «Котобанк»] или «спрятаться в гнезде» для описание *ю:дзё*, которые из-за болезни *байдоку* вынуждены запереться ото всех. Изначально так говорили о соколе, который во время линьки сбрасывает перья, сидит в своем гнезде и не покидает его, даже чтобы насытиться. Поскольку болезнь *байдоку* имела несколько стадий, состояние больных то улучшалось, то ухудшалось. Когда наступало ухудшение, *ю:дзё* «прятались в гнезде», а когда поправлялись, возвращались к работе.

В *укиё-дзо: си* «Кэйсэй кинтанки» 1711 г. Эдзима Кисэки (1667–1736) есть следующая фраза:

鳥屋をせざる中は、本色の遊女とせず

Тоя-о сэдзару ути-ва хонсёку-но ю:дзё-то сэдзу

Пока не побывает в «гнезде», [она] не станет настоящей *ю:дзё* [Эдзима Кисэки].

Если *ю:дзё* низкого ранга заболели, о них никто не заботился, потому что их лечение было невыгодным. Больных запирали в шкафу-кладовке для футонов, плохо кормили, а тех, у кого не было шансов на выздоровление, отсылали в родительский дом.

Цитата из *сярэбон* «Маваси-макура» (1789) Яманотэсандзин Саэй: «Худая и ослабленная женщина, хоть ей и было всего двадцать восемь лет, казалась бледно-желтой, как низкопробное серебро, ее волосы разлохматились и разметались вправо и влево, а изо рта вырывалось тяжелое дыхание. Этот *ё: кай* не был ни кошкой, ни призраком. Соседнюю комнату использовали, чтобы укладывать там больных *дзёро*¹. Когда *дзёро*: заболели, им не давали хорошей еды, поэтому, изнемогая от голода, они таскали съестное из соседних покоев, когда там принимали гостей» [Митани Кадзума, с. 473–474].

Художник Утагава Кунисада (1786–1865) запечатлел болеющую *ю:дзё* в одной из своих работ [Утагава Кунисада]. Он изобразил (см.: Рисунок 1) заведе-

¹ Дзёро: (女郎) – проститутка.

ние низкого класса (*ко-мисэ*), стены комнат в котором обшиты досками, полки простые, а зеркала не украшены лаковыми миниатюрами *макиэ*. На бамбуковых жердях развешаны полотенца. Под болеющей только два футаона, что говорит о ее невысоком положении. Женщина справа протягивает большой «деве веселья» оберег *о-мамори*. На заднем плане изображена процедура прижигания моксой.

Рисунок 1. Из серии «Дни и ночи в веселом квартале»²

Прижигание моксой (灸; *кю:*) – прогревание акупунктурных точек – было одним из распространенных методов лечения и профилактики болезней. Самыми эффективными считались прижигания, совершенные второго числа второй луны (二日灸; *фуцука кю:*). Неизвестный автор периода Эдо написал *сэнрю:*:

紋日ほど禿の苦にする二日灸

Момби ходо камуро-но ку-ни суру фуцука кю:

В день прижигания *фуцука кю:* у *камуро* хлопот, как в праздник *момби* [Митани Кадзума, С. 470].

С другой стороны, если заболела *ойран* высших рангов *ёбидаси* или *тю: сан*, то ее отправляли в Минова («дача» при Ёсивара), где ей предоставляли лечение и уход. Однако расходы на пребывание в Минова она оплачивала сама.

В первой четверти XVIII в. в доме Накамандзия в Ёсивара жила знаменитая *ойран* по имени Тамагику. Она славилась своим владением музыкальными инструментами, но много пила и умерла молодой. За упокой ее души молился весь веселый квартал, и каждый чайный домик вывесил по четырехугольному фонарику *кирико*. Со временем это стало ежегодной традицией. Художник Утагава Кунисада (1797–1861) на иллюстрации к произведению писателя Горютэй Токусё

² 歌川国貞。廊の明け暮れ // 名古屋市博物館 [Утагава Кунисада. Дни и ночи в веселом квартале // Му-зей города Нагоя]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.city.nagoya.jp/exhibition/owari_joyubi_news/ukiyoue/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

(1793–1853) «Ятакэ гокоро цувамоно-но мадзивари» [Горюэтэй Токусё] (1831) изобразил больную Тамагику в окружении *синдо*:. На лбу у женщины белая повязка (см.: Рисунок 2), она облакачивается на мягкую подушку. Обычно использовались жесткие подголовники, но болеющим можно было лежать на мягких. Рядом лежат письма и подарки с пожеланием скорейшего выздоровления.

Рисунок 2. Больная Тамагику в окружении *синдо*:³

Помимо прижиганий в качестве профилактики *ю:дзё*, как и большинство горожан периода Эдо, тщательно следили за гигиеной: люди не только мылись в бане один-два раза в день, но и чистили зубы, пользовались зубочистками и ложками для чистки языка. В городах и вдоль дорог были установлены туалеты. Японцы верили, что тело нужно содержать в чистоте, чтобы сберечь здоровье на долгие годы. Тело не принадлежало человеку и должно было быть использовано для служения, для исполнения сыновьего долга [Мещеряков] *ко:* (оно же – китайское *сяо*), «охотное и умелое служение отцу с матерью» в переводе В. М. Алексева

³ 五柳亭徳升。矢猛心兵交 // 早稲田大学図書館 [Горюэтэй Токусё. Ятакэ гокоро цувамоно-но мадзивари // Электронная библиотека университета Васэда]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/he13/he13_02378_0217/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

[Алексеев]. Работа «дев веселья» в Ёсивара также являлась одной из форм исполнения *ко*: – выкуп, который родители *ю:дзё* получали за своих дочерей, помогал им свести концы с концами.

Обязательным утренним ритуалом *ю:дзё* (после второго пробуждения), было принятие горячей ванны. В бане женщины могли без притворства обсуждать посетителей. В нижеследующем *сэнрю*: подобная беседа сравнивается с *танаороси*, т. е. учетом или инвентаризацией.

据風呂で昨夜のたなおろし

Суэбуро-дэ сакуя-но кяку-но танаороси

В бане ведут учет вчерашних гостей [Сато Ёдзин, с. 141].

Не меньшее влияние, чем болезни, на здоровье *ю:дзё* оказывало рождение детей. Существовали способы этого избежать, например, при помощи прижиганий моксой или употребления специальных отваров и трав, но и в квартале Ёсивара время от времени рождались дети. Относились к ним по-разному: отношение к появлению ребенка зависело от ранга *ю:дзё*-матери и класса дома, которому она принадлежала. В домах низкого класса (*ко-мисэ*) старались избавиться от ребенка еще до его рождения. Среди работ таких художников, как Утагава Кунисада, можно увидеть изображения абортотворения. В лучшем случае операцию проводил специальный врач *тю:дзё*:, но также вместо врача это могла делать *яритэ* (с 1842 г. – незаконно). Последствия могли оказаться плачевными как для здоровья *ю:дзё*, так и для ее положения в квартале Ёсивара.

中条へ行く傾城安くなり

Тю:дзё: э ику кэйсэй ясуку нари

Кэйсэй, которая посещает врача *тю:дзё*:, станет дешевле [Митани Кадзума, с. 479].

Будущих матерей из успешных *ойран* высокого ранга обычно отправляли в Минова, «дачу» при Ёсивара, где за их состоянием наблюдал врач и где они могли какое-то время заботиться о детях. Затем ребенка передавали в приемную семью или, если это была девочка, она могла остаться в Ёсивара в качестве ученицы-прислужницы *камуро* (реже *камуро* становились мальчики). Некоторые *ойран* даже выходили на шествие *до*: *тю*: в сопровождении собственных дочерей. Пример *сэнрю*: неизвестного автора:

人こそ知らね血を別けた禿也

Хито косо сирадэ ти-о вакэта камуро нари

Люди не знают, но они с *камуро* связаны кровными узами [Митани Кадзума, с. 482].

Художник Тории Киёминэ (1836–1867) в одной из своих работ изобразил следующую идиллическую картину: на веранде богато обставленной усадьбы сидит

ойран в роскошных одеждах и кормит ребенка, напротив нее стучит в барабанчик-погремушку пожилая женщина, предположительно, мать самой *ойран*, а в саду резвятся две нарядные девочки-*камуро* [Митани Кадзума, с. 481].

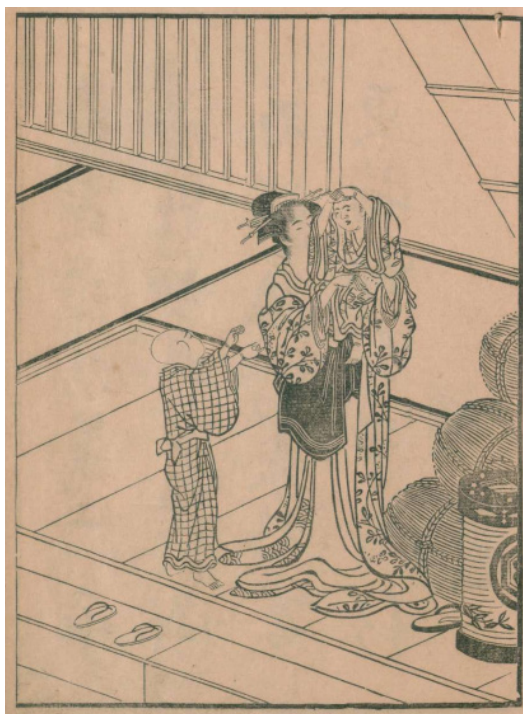
Ю:дзё квартала Ёсивара, вероятно, очень любили младенцев (как и маленьких животных – кошек, небольших собак и др.). Они даже могли одалживать ненадолго детей местных торговцев, чтобы помянуть их и поиграть с ними. На иллюстрации художника Исода Корюсай (1735–1790) к «Хокури-ка» («Песня северной деревни») писателя Итикава Кансай (1749–1820) изображена *ю:дзё* с младенцем на руках (см.: Рисунок 3), которого принес другой ребенок постарше [Итикава Кансай]. На другой работе художника изображена похожая сцена: *ю:дзё* играет с маленьким ребенком на руках, а рядом с ней нарядная *камуро* хлопает в ладоши (см.: Рисунок 4) [Исода Корюсай]. Поэты периода Эдо также описывают сцены взаимодействия *ю:дзё* с маленькими детьми в своих *сэнрю*:. Например:

格子からばっちらかって子を借りる

Ко:си кара баттиракаттэ ко-о кариру

Отвояла ребенка у *ко:си* и взяла на время к себе [Сато Ёдзин, с. 149].

Рисунок 3. *Ю:дзё* с ребенком на руках⁴

⁴ 市河寛齋。北里歌 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Итикава Кансай. Песня северной деревни // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция]. [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2533340> (дата обращения: 15.03.2022).

Рисунок 4. Ю:дзё с ребенком и камуро⁵

Ю:дзё в ранге *ко: си*, вероятно, дрались между собой за право посидеть с ребенком. Автор использует сочетание *ко-о кариру*, в котором глагол *кариру* означает «брать на время», «брать в долг», «брать в аренду». В следующем стихотворении использован глагол (*касу*) с противоположным значением – «давать в долг», «сдавать в аренду».

貸した子に移り香のある仲の町

Касита ко-ни уцурига-но ару нака-но тё:

На ребенке, которого дали на время, остался аромат Нака-но тё [Сато Ёдзин, с. 149].

花魁はあくびをした子にこりごりし

Ойран-ва акуби-о сита ко-ни коригориси

Ойран на горьком опыте узнала, к чему зевает ребенок [Сато Ёдзин, с. 149].

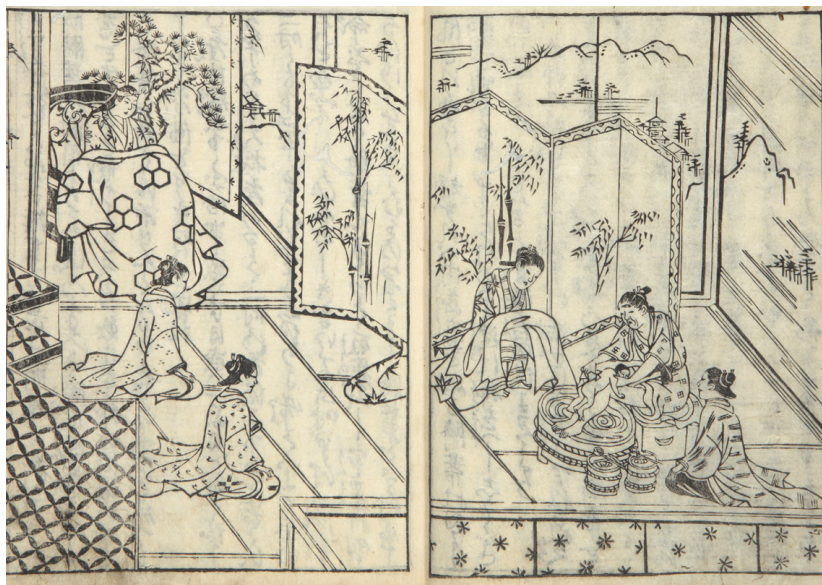
Считалось, что младенец зевает, когда хочет в туалет. «Горький опыт» указывает на то, что *ойран* из стихотворения, вероятно, в этот момент держала ребенка на руках.

В период Эдо в Японии сложилось особое отношение к детям. На многих гравюрах *укиё-э* (Тории Киёнага, Китагава Утамаро, Утагава Кунисада и др.),

⁵ 礒田湖龍齋。雛形若菜の初模様 [Исода Корюсай. Образцы новых узоров для молодежи] // Wikimedia commons. [Электронный ресурс]. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Hinagata_wakana_no_hatsu_moy%C5%8D_\(New_designs_of_young_models\)_by_Isoda_Koryusai](https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Hinagata_wakana_no_hatsu_moy%C5%8D_(New_designs_of_young_models)_by_Isoda_Koryusai) (дата обращения: 22.03.2022).

на которых изображены дети, можно увидеть слово *кодакара*, которое означает «ребенок – это сокровище для родителей», «подарок небес, драгоценный ребенок» [Ямамото Масами, с. 24]. *Укиё-э* было искусством простых людей, которые приобретали гравюры часто для развлечения, поэтому изображения детей можно назвать отражением их отношения к детям в ту эпоху, с одной стороны, и одним из методов воздействия *бакуфу* на население – с другой. Бакуфу строго контролировало численность населения, т. к. его сокращение было ему невыгодно. В середине периода Эдо, когда дети стали появляться на гравюрах *укиё-э*, уровень детской смертности был очень высок: помимо мертворождения и смерти в младенчестве от болезней (20–25 % детей до 5 лет), нередко были случаи *мабики* – устранения нежелательных новорожденных (часто из-за невозможности прокормить семью). *Бакуфу* было предпринято несколько попыток запретить аборты и *мабики*: в 1690, 1767 и 1842 гг. [Тоёсима Ёсиэ, с. 81]. С другой стороны, т. к. с наступлением периода Эдо началась мирная эпоха без войн, у детей, родившихся в то время, появился шанс «прожить целую жизнь». В связи с этим внимание людей было обращено на детей и стариков: о них заботились и старались уберечь от болезней и бедствий, чтобы они прожили как можно дольше. В это же время активно издавались пособия по воспитанию и уходу за детьми («Сё: ни хицүё: содатэ гуса» («Записки о воспитании детей»)) (1703) Кацуки Гюдзан, «Вадзоку до: дзи кун» («Наставления о традиционном воспитании детей»)) (1710) Кайбара Экикэн и др.), сопровождаемые подробными иллюстрациями (см.: Рисунок 5), книжки с картинками для детей, начали продаваться разнообразные детские игрушки.

Рисунок 5. Купание новорожденного⁶

⁶ Дзёро: (女郎) – проститутка.

Отличительной чертой общества того времени было то, что основной его ячейкой являлась семья или «дом», состоящий из родителей и их детей. Выживание и сохранение «дома» зависело от рождения и роста детей (особенно мальчиков). Наследнику уделялось особое внимание, и по этой причине родители воспитывали его бережно, надеясь на благополучный рост ребенка. Слово *кодакара* использовалось известными поэтами периода Эдо, например, Кэфу Кигуса (середина XVII в.):

子たからといふべき竹の茂り哉

Кодакара то ифу бэки такэ-но сизэри кана

Лучше говорить, что дети – это сокровища. Ах, заросли бамбука! [Сибата Дзюн, с. 124].

Другой пример – Кобаяси Исса (1763–1828):

子宝がきやらきやら笑う榎火かな

Кодакара кяра-кяра варау хотаби кана

Драгоценный ребенок хохочет. Ах, костер из щепок! [Ямамото Масами, с. 26].

Несмотря на то, что детей в Ёсивара ласкали и лелеяли, отношение к *камуро* было несколько иным. Их воспитывали строго и требовали от них послушания: владельцы домов наказывали *камуро*, если девочки плохо учились или пытались сбежать, старшие *ю:дзэ* могли оставлять их без обеда за другие провинности. Хозяйева относились бережно и заботливо к способным и красивым внешне *камуро*, но все равно не как к ребенку, а как к «проекту», который в будущем должен принести хороший доход. Художники (Тории Киёнобу, Тории Киёмасу), особенно в начале периода Эдо, изображали *камуро* как уменьшенные копии взрослых женщин.

Тем более необычным выглядит на этом фоне *сэнрю*:

母親のやうに遣り手が雛のせわ

Хахаоя-но яу-ни яритэ-га хина-но сэва

Словно мать, *яритэ* заботится о куклах *хина* [Сато Ёдзин, с. 83].

Хотя квартал Ёсивара был населен преимущественно молодыми женщинами, девушками и девочками, в нем не уделяли особого внимания празднику *Хина-мацури*, который получил широкое распространение в период Эдо. Даже в роскошных покоях *дзасики-моти* куклы *хина* были редкостью. То, что *яритэ* заботится о куклах для *ю:дзэ*, говорит о ее добром к ним отношении.

禿同土雛たてる日をまちかねて

Камуро до: си хина татэру хи-о матиканэтэ

Камуро не могут дожидаться дня, когда выставят кукол *хина* [Сато Ёдзин, с. 86].

Художник Тории Киёнобу (1664–1749) также запечатлел куклу *хина* в одной из своих работ (1698): *ойран* держит куклу на ладони, а рядом с ней маленькая *камуро* тянет «старшую сестру» за рукав (см.: Рисунок 6) [Ямамото Масами, с. 40].

Рисунок 6. Ойран с куклой хина и камуро⁷

Здоровье человека во многом зависит от его рациона питания, и *ю:дзё* квартала Ёсивара не были исключением. Реалии их повседневной жизни нашли отражение в дневниках («Бесполезный дневник Кохина», «Дневник Тоёхира», «Дневник Сакураги»), приложенных к протоколу расследования дела о поджоге в Ёсивара 1849 г. На основе дневника Кохина, Ёкояма Юрико была составлена таблица, иллюстрирующая, чем питалась *ю:дзё* Кохина в середине XIX в. Ниже приводится перевод данной таблицы на русский язык (см.: Таблица 1).

Таблица 1

Питание *ю:дзё* Кохина

Число	Утро	Вечер
7 марта	Протухшие соленья <i>ко:ко:</i> с вареным рисом, залитым кипятком, чаем или бульоном (« <i>тя-дзукэ</i> »)	Тушеная с рисом голова рыбы <i>сякэ</i> (рисовая каша <i>о-дзя</i>)
8 марта	Горячий рис с тухлыми соленьями <i>ко:ко:</i>	Без еды
9 марта	Тушеные овощи с рисом (<i>о-дзя</i>)	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
10 марта	Нет записи	Нет записи

⁷ 鳥居 清信。雛人形を持つ遊女と禿 // 山本正身。浮世絵に見る子どもの発見 / 慶應義塾大学文学部教育学専攻山本研究会 [Тории Киёнобу. Ю:дзё с куклой хина и камуро // Ямамото Масами. Изображения детей на гравюрах укиё-э / Издание исследовательской группы Ямамото при факультете литературы университета Кэйо]. 2010. С. 40.

Число	Утро	Вечер
11 марта	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Вареный петушок <i>асари</i>
12 марта	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Испорченные соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
13 марта	<i>О-дзя</i>	Закуска из корней травы <i>мицуба</i>
14 марта	Тушеная шелуха	Нет записи
15 марта	Без еды	Без еды
16 марта	Без еды	Без еды
17 марта	<i>О-дзя</i> из тушеных трав	Без еды. Тайком была угощена <i>сакэ</i> с бобами
18 марта	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
19 марта	Без еды по поводу <i>сио-дати</i> – временного отказа от соли	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
20 марта	Протухшая рыбная стружка <i>кацуо</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Рис <i>о-мамма</i> , вареный в бульоне из петушка <i>асари</i>
21 марта	[Кохина] спала и не знает	Теплый рис <i>о-мамма</i> , вареный в бульоне из петушка <i>асари</i>
22 марта	Спала и не знает	<i>Тя-дзукэ</i> с солениями <i>ко:ко:</i>
23 марта	Рисовая каша <i>о-каю</i> с солениями <i>ко:ко:</i>	<i>О-каю</i> с <i>тя-дзукэ</i>
24 марта	Рис <i>о-мамма</i> , вареный в бульоне из засохшей ботвы батата	<i>О-дзя</i> из засохшей ботвы батата. Соленья не давали.
25 марта	Нет записи	Соленья <i>ко:ко:</i> и <i>тя-дзукэ</i>
26 марта	<i>О-дзя</i> из засохшей ботвы батата	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
27 марта	Теплый рис и соленья <i>ко:ко:</i>	<i>Тя-дзукэ</i>
28 марта	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Две сардины <i>иваси</i> , горячий рис и <i>сакэ</i>
29 марта	Спала и не знает	Каша <i>о-каю</i>
30 марта	Горячий рис и соленья <i>ко:ко:</i>	<i>Тя-дзукэ</i>
1 апреля	Бульон с <i>кирибоси</i> – сушеной редьки дайкон, горячий рис.	<i>О-дзя</i> из шелухи
2 апреля	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
3 апреля	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
4 апреля	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
5 апреля	<i>Хикивари-мэси</i> (рис, смешанный с молотой пшеницей) и бульон	Соленья <i>ко:ко:</i> с <i>тя-дзукэ</i>
6 апреля	<i>Хикивари-мэси</i> (рис, смешанный с молотой пшеницей) и бульон, моллюск <i>сидзими</i>	Нет записи

По меркам современного человека, подобный рацион, безусловно, считается скудным. Помимо того, что питание предоставлялось не каждый день, в меню практически отсутствовали источники белка, как животные, так и растительные: не было мяса, очень мало рыбы и бобовых. Основу рациона *ю:дзё* Кохина составляли рис, залитый кипятком, и маринованные овощи.

Разнообразие рациона «дев веселья» во многом зависело от ранга. Хозяева публичных домов кормили всех своих *ю:дзё*, вне зависимости от статуса. Однако на питании непопулярных женщин, не приносящих дому больших доходов, приходилось экономить. Андо Юитиро, описывая питание «дев веселья», также утверждает, что оно было скромным: один суп, одна закуска (иногда рыба, но чаще – самые простые вареные овощи) и немного риса. Считалось, что о пропитании *ю:дзё* должен заботиться ее богатый покровитель. Иногда женщинам удавалось припрятать что-нибудь из остатков роскошного пиршества, в котором они принимали участие ночью, и разделить эту еду с девочками-прислужницами *камуро*. Заботы о том, чем кормить своих учениц, ложились на плечи самих *ойран* [Андо Юитиро, с. 174].

В «Кики нараку хацунэ-но адаути» 1809 г. писателя Санто Кёдзан (1769–1858) есть иллюстрация сцены завтрака в Ёсивара (см.: Рисунок 7). На рисунке видно, как за большими столами *хандай* сидят старшие ученицы *синдзо*: и младшие *камуро*. В руках они держат палочки *о-хаси*, перед ними стоят глубокие чашки для риса *тяван*. Рис девушки накладывают сами из большой деревянной емкости *та-раи*. Судя по обстановке, действие происходит в общем коридоре на первом этаже: на иллюстрации также изображены многочисленные слуги, а слева, у лестницы, видно, как *ойран* провожает гостя [Санто Кёдзан].

Рисунок 7. Завтрак в Ёсивара⁸

⁸ 山東京山。聞道初音復讎 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Санто Кёдзан. Кики нараку хацунэ-но адаути // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция]. [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10301135> (дата обращения: 17.03.2022).

Ю:дзё высокого ранга имели богатых покровителей, поэтому их питание было более разнообразным и сбалансированным. Они принимали пищу в личных покоех и могли заказывать с кухни *дайя* те же блюда, что готовились там для гостей. Самые успешные *ойран* завтракали, обедали и ужинали за счет своих покровителей. Не все из посетителей квартала с наступлением утра спешили вернуться домой. Пока *ойран* принимала утреннюю ванну, гость мог отправиться в лавочку на Накано-тё и купить что-нибудь к завтраку. *Ойран* и ее гость завтракали вместе, а уходя, мужчина оставлял ей деньги на обед [Андо Юитиро, с. 174].

В произведении писателя Сиба Дзэнко (1750–1793) «Тамаго-но каку модзи» есть иллюстрация, на которой изображено, как *ойран* принимают пищу в своих покоех (см.: Рисунок 8) [Сиба Дзэнко]. Иногда женщины собирались вместе, как показано на рисунке, чтобы не есть в одиночестве. На их столе рис и немного закусок.

Рисунок 8. *Ойран* за обеденным столом⁹

Следует обратить внимание на одну важную деталь: на обеих иллюстрациях в *тарай* у *ю:дзё* – отборный белый рис. В то время как «девы веселья» даже невысоких рангов и девочки-ученицы практически регулярно употребляли в пищу белый рис, простые крестьяне того же периода не могли себе этого позволить. В лучшем случае они питались *мугимэси* – рисом, сваренным с ячменем. Для кре-

⁹ 芝全交. 玉子の角文字 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Сиба Дзэнко. Тамаго-но каку модзи // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция]. [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9892687> (дата обращения: 11.03.2022).

стьянина белый рис был настоящей роскошью. Поэтому одним из клишированных аргументов, которые *дзэгэн*¹⁰ приводили родителям, уводя их дочерей в веселые кварталы, было то, что там они получают возможность каждый день есть белый рис.

О том, чем питались горожане периода Эдо, известно благодаря многочисленным поваренным книгам, массово издававшимся в тот период. В период Токугава произошел настоящий расцвет издательской культуры: печатные издания можно было покупать и брать напрокат. Одной из первых таких книг была «Повесть о еде» 1643 г., ставшая образцом для последующих поваренных книг. Всего в «Повести» 20 глав, в которых кратко описываются способы приготовления различных блюд. 71 блюдо из морской рыбы, 25 блюд из морских водорослей, 19 блюд из речной рыбы, 18 блюд из птицы, 7 блюд из дичи (олень, кабан), 12 блюд из грибов, 76 блюд из овощей, 14 блюд с различными приправами, 46 видов бульонов *сиру*, 18 блюд из *намасу* (замоченных в уксусе нашинкованных овощей), 27 видов *сасими*, 35 видов *нимоно* (вареных блюд), 11 видов *якимоно* (жареных блюд), 6 видов супов *суимоно*, 9 видов *рё:рисю* (*Рё:рисю* – алкогольное блюдо. Например, *тамагодзакэ* – сырое яйцо с рисовым вином и сахаром, *хатодзакэ* – голубиное мясо с бобовой пастой *мисо* и рисовым вином), 27 видов закуски *сакана*, различная лапша, 13 видов сладостей *каси*, 3 вида чая, в том числе травяного и др [Повесть о еде].

Упомянуется в «Повести о еде» также и *Нара тя-мэси* – блюдо, ставшее очень популярным среди горожан в период Эдо. Оно готовилось из риса, соевых бобов *дайдзу*, каштанов *куру* и *хо:дзи-тя* – японского сорта зеленого чая. В тот же период появляется знаменитый японский «фастфуд», по которому японскую кухню в наше время узнают во всем мире – *суси* и *тэмпура*. Эти блюда продавались в палатках *ятай* прямо на улицах городов. Широко распространяются также гречневая лапша *соба* и мясное *набэ*. В целом, питание горожан становится более разнообразным.

С другой стороны, одним из самых распространенных заболеваний в Эдо считалось *каккэ* или бери-бери. Также оно носило название *Эдо-вадзураи* (江戸患い; недуг Эдо). Эта болезнь появляется вследствие недостатка витамина В₁, возникающего из-за регулярного употребления в пищу преимущественно белого риса. *Каккэ* упоминается во многих японских медицинских трудах XVIII–XIX вв. Таким образом, несмотря на разнообразие блюд в кулинарных справочниках, распространение такой болезни как бери-бери в городе Эдо свидетельствует о том, что основу питания многих горожан составлял белый рис.

Более того, считается, что тринадцатый сёгун Токугава Иэсада (1824–1858) и четырнадцатый сёгун Токугава Иэмоти (1846–1866) скончались от болезней, развившихся в связи с авитаминозом типа бери-бери. Страдали от *каккэ* и третий сёгун Токугава Иэмицу (1604–1651), и четвертый сёгун Токугава Иэцуна (1641–1680) [Ляо Юйцзюнь]. Учитывая данные обстоятельства, называть рацион *ю:дзэ* «шокирующим» для японцев периода Эдо уже не представляется таким справедливым.

¹⁰ Дзэгэн (女衞) – агент, занимающийся продажей женщин в веселые кварталы.

Помимо «Бесполезного дневника Кохина», в «Записях Умэмото», которые были составлены в ходе расследования поджога, совершенного шестнадцатую *ю:дзэ* в 1849 г., входят еще два дневника «дев веселья»: «Дневник Тоёхира», «Дневник Сакураги».

Если в дневнике Кохина описывалось питание *ю:дзэ* дома Умэмото, то в «Дневнике Тоёхира» [Ёкояма Юрико] обнаруживаются сведения о наказаниях, которым подвергались *ю:дзэ*. Тоёхира описывает две ситуации, в которых она была наказана. В первом случае она пожалела гостя, из которого не выпускали из квартала из-за долгов. Тоёхира тайно купила должнику еды, за что была подвергнута наказанию *косу-нава* (腰縄): она была связана веревкой вокруг талии в течение двух дней. Примечательно, что в период Эдо таким образом задерживали самураев, а в настоящее время в Японии так доставляют подсудимых в зал суда. Во втором случае Тоёхира была наказана за то, что помогла девочке по имени Тамасиба, которая совершила побег из Ёсивара. Женщина солгала, что это она дала девочке денег и велела бежать из квартала, за что получила 45 ударов палкой, после чего была связана и повешена на веревке без еды и питья в течение нескольких дней. Подобное наказание описывается и в «Дневнике Сакураги» [Ёкояма Юрико]. У одного из посетителей пропала курительная трубка *кисэру*, очень ценный предмет, и *ю:дзэ* Сакураги была подвергнута пыткам: ее связали, подвесили на веревке и морили голодом.

Суровые реформы годов Тэмпо (1841–1843), направленные на «поддержание нравственности, поощрение бережливости и экономии» оказали большое влияние на владельцев публичных домов и веселые кварталы в целом [Hauser, p. 54]. *Ю:дзэ* и гейшам из Фукугава, Хондзэ и других районов было приказано покинуть эти места и заняться другими занятиями. Из 570 заведений 165 переехали в Ёсивара. Из 4181 арестованных *ю:дзэ* 2165 были отправлены в Ёсивара, где их продавали на аукционе и нанимали на три года без жалования [Seigle, p. 210].

Дом Умэмото, которым управлял Умэмото Сакити, также переехал в Син-Ёсивара под влиянием реформ. Изначально он находился в Нэдзу. Согласно «Ёсивара-сайкэн» 1849 г., в Ёсивара Умэмото-я был заведением класса *ко-мисэ* (小見世), т. е. заведением «третьего класса» [Ёсивара-сайкэн 1849].

Перенаселение веселого квартала Ёсивара вследствие реформ привело к кризису, и случаи жестокого обращения с *ю:дзэ* участились. В 1841 г. был издан «Указ о правилах Син-Ёсивара», в котором было сказано следующее: «Среди владельцев публичных домов есть те, кто применяет к своим *ю:дзэ* телесные наказания. Безусловно, определенный контроль и дисциплина необходимы, но пытаться *ю:дзэ* за то, что они не могут принимать посетителей в праздничные дни, выходит далеко за рамки разумного поведения» [Seigle, p. 211].

Таким образом, телесные наказания в конце периода Эдо приобрели массовый характер. Однако жестокое обращение с *ю:дзэ* стало наказуемым только тогда, когда физическое насилие со стороны владельца публичного дома привело к смерти «девы веселья». В 1845 г. *ю:дзэ* по имени Фукуока была убита упомянутым ранее Умэмото Сакити. Он обвинил женщину в том, что она плохо работает, и жестоко пытал. Именно этот инцидент стал причиной, по которой шестнадцать *ю:дзэ* дома Умэмото совершили поджог в Ёсивара [Seigle, p. 211].

Сравнив таблицу, составленную Ёкояма Юкико по дневнику Кохина, с другими источниками («Кику нараку хацунэ-но адаути», «Тамаго-но каку модзи», «Повесть о еде») был проанализирован рацион «дев веселья». В меню *ю:дзё* невысокого ранга практически отсутствовали источники белка, основу рациона составляли рис и маринованные овощи. Высокоранговые *ойран* принимали пищу в личных покоех и могли заказывать любые блюда, но и в их рационе преобладал рис. Даже представители рода Токугава были подвержены болезни каккэ, возникающей вследствие нехватки витамина В₁.

«Дневник Тоёхира» и «Дневник Сакураги» описывают некоторые формы телесных наказаний, применяемых к *ю:дзё* в Ёсивара конца периода Эдо: за проступки (накормить должника, заступиться за совершившую побег девочку и др.) женщин лишали еды и питья, связывали, били и т. д. Вследствие реформ Тэмпо (1841–1843) население Ёсивара резко увеличилось, что привело к ухудшению и без того бедственного положения большинства его обитательниц.

В целом, бытовые условия *ю:дзё* квартала Ёсивара к середине XIX в. полностью зависели от ранга. Суровые условия, в которых существовали *ю:дзё* низких рангов, стали причиной поджога 1849 г. Они страдали от голода, болезней и телесных наказаний, им не предоставляли необходимого лечения. С другой стороны, *ойран* высших рангов, которые известны как героини пьес и романов, модели для гравюр *укиё-э*, имели богатых покровителей и приносили большую прибыль своим домам, поэтому хорошо питались, могли получать качественное лечение и даже воспитывать детей.

Список литературы

- Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. 576 с.
- Мещеряков А. Н. Тело японца: от патернализации к национализации // Полит.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2012/03/29/meshcheryakov/> (дата обращения 18.03.2022).
- Фесюн А. Г. Ёсивара («город наслаждений»). М.: Серебряные нити, 2020. 181 с.
- Hauser W. B. Economic Institutional Change in Tokugawa Japan: Osaka and the Kinai Cotton Trade. NY: Cambridge University Press, 2010. 256 p.
- Seigle C. S. Yoshiwara: The Glittering World of the Japanese Courtesan. Honolulu : University of Hawaii Press, 1993. 310 p.
- デジタル大辞泉 [Большой электронный словарь] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weblio.jp/content/%E9%B3%A5%E5%B1%8B> (дата обращения: 15.03.2022).
- 安藤優一郎. 江戸の色町遊女と吉原の歴史 江戸文化から見た吉原と遊女の生活 東京:カンゼン [Андо Юитиро. Веселый квартал в Эдо. История Ёсивара и его ю:дзё. Повседневная жизнь ю:дзё в Ёсивара сквозь призму культуры периода Эдо. Токио: Кандзэн]. 2016. 230 с.
- 貝原益軒. 和俗童子訓 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Кайбара Экикэн. Вадзоку до: дзи кун // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция] [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/758728> (дата обращения: 15.03.2022).
- 柴田純. 七つ前は神のうちは本当か // 国立歴史民俗博物館研究報告。東京 [Сибата Дзюн. Правда ли, что дети до семи лет принадлежат богам? // Вестник Национального историко-этнографического музея Японии. Токио]. 2008. С. 109–139.
- 衝撃の資料の一つ [Один из шокирующих материалов] // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/kusikurage/status/1332902172556595200?s=20> (дата обращения: 17.03.2022).
- 歌川国貞. 廓の明け暮れ // 名古屋市博物館 [Утагава Кунисада. Дни и ночи в веселом квартале // Музей города Нагоя] [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.city.nagoya.jp/exhibition/owari_joyubi_news/ukiyo/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

横山百合子. 梅本記 // 国立歴史民俗博物館学術情報リポジトリ [Ёкояма Юрико. Записи Уэмэмото // Вестник Национального музея истории Японии] [Электронный ресурс]. URL: https://reki-haku.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=2291&item_no=1&page_id=13&block_id=41 (дата обращения: 17.03.2022).

吉原細見1849 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Ёсивара-сайкэн 1849 г. // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция] [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539876> (дата обращения: 17.03.2022).

江島其磧. 傾城禁短気 // 早稲田大学図書館 [Эдзима Кисэки. Кэйсэй кинтанки // Электронная библиотека Васэда] [Электронный ресурс]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bun-ko31/bun-ko31_e0271/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

苦界十年 // コトバンク [Десять лет страданий // Электронный словарь «Котобанк»] [Электронный ресурс]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%8B%A6%E7%95%8C%E5%8D%81%E5%B9%B4-249338> (дата обращения: 19.05.2022).

豊島よし江. 江戸時代後期の随胎・間引きについての実状と子ども観 // 了徳寺大学研究紀要 [Тоёсима Ёсиэ. Жизни детей, аборты и детоубийства в поздний период Эдо // Вестник университета Рётокудзи]. 2016. С. 77–86.

料理物語 // 国文学研究資料館 [Повесть о еде // Национальный институт японской литературы] [Электронный ресурс]. URL: https://www2.dhii.jp/nijl_opendata/NIJL0118/049-0096/ (дата обращения: 11.03.2022).

廖育群. 江戸時代の脚気について // 日本研究: 国際日本文化研究センター紀要 [Ляо Юйцзюнь. О болезни каккэ в период Эдо // Материалы Международного центра исследований японской культуры]. 1996. С. 103–123.

鳥屋に就く // コトバンク [Спрятаться в гнезде // Словарь «Котобанк»] [Электронный ресурс]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%B3%A5%E5%B1%8B%E3%81%AB%E5%B0%B1%E3%81%8F-585100> (дата обращения: 15.03.2022).

三谷一馬. 江戸吉原図聚. 東京: 公論社 [Митани Кадзума. Сборник иллюстраций Ёсивара, Эдо. Токио: Ко: ронся]. 1992. 656 с.

山本正身. 浮世絵に見る子どもの発見 // 慶應義塾大学文学部教育学専攻山本研究会 [Ямамото Масами. Изображения детей на гравюрах укиё-э // Издание исследовательской группы Ямото при факультете литературы университета Кэйю]. 2010. 108 с.

山東京山. 聞道初音復讎 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Санто Кёдзан. Кику нараку хацунэ-но адаути // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция] [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10301135> (дата обращения: 17.05.2022).

市河寛齋. 北里歌 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Итикава Кансай. Песня северной деревни // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция] [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2533340> (дата обращения: 15.03.2022).

五柳亭徳升. 矢猛心兵交 // 早稲田大学図書館 [Горюгэй Токусё. Ятакэ гокоро цувамоно-но мадзавари // Электронная библиотека университета Васэда] [Электронный ресурс]. URL: https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/he13/he13_02378_0217/index.html (дата обращения: 15.03.2022).

香月牛山. 小児必用養育草 // 国立公文書館 [Кацуки Гюдзан. Сё: ни хицүё: содатэ гуса // Национальный архив Японии] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.go.jp/exhibition/digital/hatamotogokenin3/contents/04/index.html> (дата обращения: 15.03.2022).

磯田湖龍齋. 雛形若菜の初模様 [Исода Корюсай. Образцы новых узоров для молодежи] // Wikimedia commons [Электронный ресурс]. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Hinagata_wakana_no_hatsu_moy%C5%8D_\(New_designs_of_young_models\)_by_Isoda_Koryusai](https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Hinagata_wakana_no_hatsu_moy%C5%8D_(New_designs_of_young_models)_by_Isoda_Koryusai) (дата обращения: 22.03.2022).

芝全交. 玉子の角文字 // 国立国会図書館デジタルコレクション [Сиба Дзэнко. Тамаго-но каку модзи // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция] [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/9892687> (дата обращения: 11.05.2022).

佐藤要人. 川柳吉原便覧. 東京: 三省堂 [Саго: Ё: дзин. Справочник сэнрю: Ёсивара. Токио: Сансейдо:]. 1999. 416 с.

The article was submitted on 18.05.2022

В. Э. Молодяков

ОПИУМНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТАЙВАНЕ В ИНОСТРАННОЙ ОЦЕНКЕ, 1890–1900-Е ГОДЫ

Аннотация. Политика колониальных властей на Тайване, полученном Японией у Китая в 1895 г. по мирному договору, в отношении ввоза, производства, продажи и потребления опиума в переходный период (1895–1898) и начальный период колонизации (1898–1906) относилась к числу первоочередных мероприятий. Для успешной колонизации острова, на что сделала ставку японская элита, был необходим комплекс экстренных санитарно-гигиенических мер с целью сделать его безопасным для жизни. Опиумная политика входила в число этих мер. Однако она имела и другое не менее важное, политическое значение. Оценка ее эффективности иностранными наблюдателями влияла на общую оценку в мире японской колониальной политики, что имело стратегическое значение для элиты. Опиумная политика, разработанная и реализованная под руководством главы гражданской администрации Гото Симпэй, была признана иностранными наблюдателями успешной, достойной изучения и применения в других странах.

Ключевые слова: Япония, Тайвань, колонизация, опиум, монополия, пропаганда

V. E. Molodiakov

OPIUM POLICY OF THE JAPANESE COLONIAL AUTHORITIES IN TAIWAN AS SEEN BY FOREIGNERS, THE 1890–1900S

Abstract. The policy of the colonial authorities in Taiwan, which Japan received from China in 1895 according to the peace treaty, regarding the import, production, sale and consumption of opium during the transition period (1895–1898) and the initial period of colonization (1898–1906) was among the priority measures. For the successful colonization of the island, which the Japanese elite relied on, a set of emergency sanitary and hygienic measures was needed in order to make it safe for life. Opium policy was one of these measures. However, it had another equally important, political significance. The assessment of its effectiveness by foreign observers influenced the overall assessment of Japanese colonial policy in the world, which was of strategic importance for the elite. The opium policy, developed and implemented under the leadership of the chief of the civil administration Goto Shimpei, was recognized by the foreign observers as successful, worthy of study and application in other countries.

Keywords: Japan, Taiwan (Formosa), colonization, opium, monopoly, propaganda

Значение санитарно-гигиенических мероприятий в начальный период колонизации Тайваня

По условиям Симоносэцкого мирного договора (17 апреля 1895), завершившего японо-китайскую войну 1894–1895 гг., Китай передал победившей Японии «в вечное владение» Тайвань и архипелаг Пэнхуледао. Самыми острыми проблемами, с которыми немедленно столкнулись новые хозяева острова, были во-

оруженное сопротивление местного населения и тяжелая эпидемиологическая обстановка. При «замирении» Тайваня японцы потеряли в боях 164 человека убитыми, в то время как от болезней, особенно от холеры и малярии, скончались 4642 человека и еще 27 тыс. человек пришлось отправить на лечение [Takekoshi, 1907, p. 91]. В числе умерших оказался даже член императорского дома принц Китасиракава Ёсихиса.

Периодизацию полувекового японского правления на Тайване историки дают по-разному. Применительно к нашей теме можно говорить о переходном периоде 1895–1898 гг., когда генерал-губернаторами служили адмирал Кабаяма Сукэнори (21 июня 1895–2 июля 1896), генерал-лейтенант Кацура Таро (2 июля – 14 октября 1896), генерал-лейтенант Ноги Марэсукэ (14 октября 1896–26 февраля 1898), и о начальном периоде 1898–1906 гг., когда под началом генерал-губернатора генерал-лейтенанта Кодама Гэнтаро и главы гражданской администрации Гото Симпэй (1857–1929) были заложены основы его колонизации. «Эпоху Кодама-Гото» принято считать основополагающей, хотя несправедливо преуменьшать сделанное при их предшественниках, особенно при Ноги. Если остров удалось в целом «замирить» при первых трех генерал-губернаторах (в отдельных местах сопротивление вспыхивало и позднее), то радикальное улучшение его санитарно-гигиенического состояния считается заслугой команды под руководством Гото, дипломированного врача-гигиениста.

Как ни оценивать японскую колониальную политику на Тайване в целом, в области санитарии и гигиены она увенчалась успехом, что было признано иностранными наблюдателями, современниками и позднейшими авторами. В исследовании «Колониальное развитие и население на Тайване», законченном в 1952 г., через семь лет после окончания колониального периода, американский ученый Дж. Барклай, которого не заподозрить в японофильстве, сделал выводы: «В течение пятидесяти лет японской “эксплуатации” и “угнетения” они (китайские жители Тайваня – В. М.) жили более мирно и благополучно, чем их соотечественники в континентальном Китае. <...> Японцам в полной мере так и не воздали по заслугам за то, что они сделали для здравоохранения. <...> Несомненно, что в сфере охраны здоровья японское правление прибавило немало лет к продолжительности жизни тайваньцев. <...> Японцы разработали согласованную программу против значимой группы угроз здоровью. <...> Пример японской политики в области здравоохранения остается полезным уроком того, чего можно достичь с помощью энергичных мер, даже не имея высококлассных медицинских учреждений» [Barclay, 1954, p. VII, 133, 171]. Сказанное применимо к политике в отношении ввоза, производства, продажи и употребления опиума, что мы далее будем называть опиумной политикой.

Управление Тайванем и его освоение имели для Японии особое, не только экономическое, но политическое и, говоря современным языком, пиаровское значение: она должна была доказать «великим державам», что не-белая и не-христианская страна может успешно «цивилизовать дикарей», как тогда выражались. В предисловии в книге депутата нижней палаты японского парламента, историка и журналиста, специализировавшегося на экономических вопросах,

Такэкоси Ёсабуру (1865–1950) «Японское правление на Тайване» Гото Симпэй писал: «История нашей страны как колониальной державы начинается с истории нашей администрации на Тайване, и наш успех или неуспех там окажет значительное воздействие на все такие наши предприятия в будущем. <...> Мир до сих пор сомневается в наших способностях к колонизации. Однако я рад написать данное предисловие в уверенности, что эти страницы помогут развеять подобные сомнения» [Takekoshi, 1907, p. V–VI].

Книга Такэкоси с предисловием Гото, вышедшая в конце 1905 г., была адресована прежде всего многочисленным японским критикам колониальной политики, которые считали Тайвань дорогостоящей бесполезной игрушкой и вредной тратой бюджетных денег. Иностранцы тоже успели высказаться негативно о японской политике. Немец Адольф Фишер, посетивший остров в февралемарте 1898 г., опубликовал подробный, но явно пристрастный очерк об увиденном. Выход его русского перевода с пассажами вроде: «Несмотря на европейский мундир, японский военный остался тем же дикарем, что и был, и кровожадность его нисколько не уменьшилась внешней культурностью», – в 1904 г. логично вписывался в пропагандистское противостояние с Японией во время войны [Головачев, Молодяков, 2014, с. 28–29]. К сожалению, мы не знаем, кому именно пришла в голову идея выпустить книгу Такэкоси на английском языке, какое ведомство финансировало ее перевод и появление в известном лондонском издательстве «Longmans, Green and Co.» в 1907 г. Перевод сделал живший в Токио британский миссионер Джордж Брэйсуэйт, проработавший в Японии 45 лет. Выход книги Такэкоси в качественном переводе и богато иллюстрированном виде стал первой крупной и успешной пиаровской акцией японского правительства на тайваньском направлении, поскольку изданные на иностранных языках отчеты генерал-губернаторства мало кто читал.

Основанный на официальных данных и на личных впечатлениях автора, независимый от колониальной администрации, но получивший с ее стороны полное содействие, труд Такэкоси на многие годы стал для иностранцев важнейшим собранием сведений о начальном периоде японского управления Тайванем и по сей день сохраняет ценность как исторический источник. В предисловии автор подчеркнул: «Западные народы долгое время были уверены, что лишь на их плечах лежит ответственность за колонизацию еще не освоенных частей земного шара и распространение благ цивилизации на их обитателей. Но теперь мы, японцы, <...> намерены принять участие в этой великом и славном труде» [Takekoshi, 1907, p. VII].

Первую главу книги Такэкоси демонстративно назвал «Краткий обзор наших успехов», хотя далее по частным поводам критиковал действия генерал-губернаторства. Безопасность жизни на острове, обеспеченная санитарно-гигиеническими и военно-полицейскими мерами колониальных властей, действительно, контрастировала как с предыдущим периодом, так и с положением дел в материковом Китае. Далеко не все было в равной степени успешно, а недостатка в критике не было. В этой ситуации особое значение приобрела политически деликатная опиумная проблема.

Первый проект опиумной политики: Уильям Майерс

К концу XIX в. опиекурение было распространено по всей Азии и считалось серьезной угрозой здоровью людей, однако отношение к нему оставалось двойственным. Производство, трафик и продажа опиума являлись высокодоходным бизнесом, прибыль от которого получали не только частные лица и компании, но и государства. Многие колониальные чиновники относились к этому практично и даже цинично: считали, что доход от продажи опиума следует направить в казну, отобрав его у частных производителей, контрабандистов и торговцев, а употребление опиума местным населением понижает социальную активность и делает его более покорным и управляемым. Другие, прежде всего миссионеры, являвшиеся если не столь влиятельной, то социально значимой группой, считали опиум абсолютным злом и требовали полностью запретить его производство (кроме применения в медицинских целях) и продажу. Подобные предложения выглядели эффектно, но не эффективно. Зависимость от опиума невозможно вылечить запретами, а лишение доступа к нему вызвало бы вспышку болезней и смертей среди опиоманов, контрабандный бум и, возможно, волну насилия и преступности.

Японцы не курили опиум и презрительно относились к курившим его китайцам. В генерал-губернаторстве посчитали бесперспективным полный запрет оборота опиума, принимая во внимание и экономические соображения, и решили взять его под контроль. Миссионеры, требовавшие запретить опиум, были важным источником информации о Тайване для европейской и американской прессы и влияли на изображение и оценку ей японской колониальной политики. На их высказывания надо было реагировать. Стоимость опиума, ввезенного на Тайвань десятком местных и иностранных фирм под контролем китайской таможни, в 1891–1894 гг. колебалась от 463 860 фунтов стерлингов в 1891 г. до 365 813 фунтов стерлингов в 1894 г., причем снижение не было линейным, а на падение импорта в 1894 г. повлияла война [Campbell, 1915, p. 323]. Японцы уже 23 февраля 1896 г. запретили частный ввоз опиума на остров, преследуя не только пиаровские, но и экономические цели: деньги не должны были уходить к перекупщикам. Затем они «добровольно-принудительно» выкупили у торговцев их запасы [Campbell, 1915, p. 285, 326]. Теперь предстояло разобраться с местным производством и потреблением.

Первый обоснованный проект новой опиумной политики представил генерал-губернаторству в октябре 1896 г. его советник Уильям Уикхем Майерс (1845–1920?), британский медик, с 1879 г. работавший в Дагоу (позднее Гаосюн) главным врачом основанной англичанами больницы. Он приветствовал переход Тайваня под японское управление, предоставлял властям информацию о ситуации на острове и консультировал их по разным вопросам. В записке «Мнение о контроле над оборотом опиума на Тайване» (введена в научный оборот японским историком С. Хасэбэ), поданной в генерал-губернаторство и пересланной оттуда в Токио, Майерс подошел к делу как опытный профессионал, знающий местную специфику. В общих чертах он предлагал следующее.

Взяв под контроль ввоз и производство опиума, можно приступить к искоренению опиокурения, но делать это следует постепенно из-за наличия большого количества хронических курильщиков. Прежние китайские власти поощряли опиокурение как источник своего дохода, поэтому немедленный и полный запрет приведет к хаосу. Следует создать систему жесткого контроля над его оборотом с помощью законов, регулирующих опиокурение, а также обеспечивающих Японии доход.

«Для осуществления контроля над хроническими курильщиками опиума необходимо заставить лиц со стажем опиокурения 25 лет и более подать властям уведомление о размере потребляемой дозы, чтобы власти затем выдали им пожизненную лицензию на потребление. Поскольку существует вероятность незаконного использования этих лицензий другими лицами, для идентификации их надо снабдить фотографией владельца и оттиском большого пальца руки. Для осуществления контроля над незаконным курением опиума лицами, не имеющими лицензий, эффективной и простой мерой являются периодические проверки и обходы, поскольку приспособления для курения, лампы и другие устройства бросаются в глаза, а их очищение после использования требует времени. При этом с заядлыми курильщиками нельзя обращаться как с преступниками. Для продажи опиума, как и в случае со спиртными напитками, требуется ввести лицензионную систему. Лучше всего, если производство и продажа опиума будут напрямую осуществляться японцами. Работавший врачом в таможне, Майерс был хорошо осведомлен о контрабандистах. В качестве временной меры для контроля над контрабандой опиума он предлагал наем иностранных контролеров и введение традиционной системы доносительства. <...> Как врач он настаивал, что необходимо отделить вопрос о контроле над опиумом от этических проблем» [Хасэбэ, 2016, с. 33–34]. Последний тезис отвечал на призывы миссионеров полностью запретить производство и оборот опиума.

Позиция Гото как врача и администратора в целом совпадала с позицией Майерса, рекомендации которого, вероятно, были использованы при выработке японскими властями опиумной политики. Однако личные отношения двух докторов по неизвестным причинам не сложились. С назначением Гото главой гражданской администрации в начале 1898 г. службе Майерса как советника по контракту пришел конец, хотя он и позднее подавал докладные записки в генерал-губернаторство и приглашался для консультаций. В марте 1901 г. Майерс покинул Тайвань и переехал в Фучжоу, затем его следы теряются [Хасэбэ, 2016, с. 32–33].

Монополия, регистрация, контроль: Гото Симпэй

Объявивший курс на «научную колонизацию» Тайваня, Гото изучал опыт европейских держав и распорядился собрать библиотеку литературы по этим вопросам, которая переводилась или реферировалась на японском языке. Связывая успех опиумной политики с успехом управления колонией в целом, он следовал существовавшим, проверенным трендам. В переходный период управление островом было в руках военных, привыкших «рубить сплеча», поэтому среди них

нашлись сторонники полного и немедленного запрета, невзирая на последствия. «Однако попытка заставить тайваньского китайца отказаться от курения опиума подобна попытке заставить его перестать есть и пить» [Takekoshi, 1907, p. 156]. Военные и гражданские администраторы постепенно пришли к согласию в том, что ввоз и производство опиума надо поставить под жесткий контроль в отношении количества и качества.

Одним из первых иностранцев, увидевших опиумную политику в действии, оказался французский военный атташе в Токио майор Клод де Пимодан, посетивший Тайвань в октябре-ноябре 1896 г. вместе с группой высокопоставленных японских военных во главе с заместителем начальника генерального штаба армии генерал-лейтенантом Каваками Сороку (подробнее [Молодяков, 2021]). В музее промышленности в Тайбэе гостям показали процесс производства опиума и проверки его качества сертифицированным китайским курильщиком-дегустатором [Pimodan, 1900, p. 257–258]. Пимодан заметил, что китаец-дегустатор вызвал бы восторг в знаменитом парижском «клубе гашишистов», где во второй половине 1840-х годов бывали Шарль Бодлер и Теофиль Готье, Жерар де Нерваль и Александр Дюма-отец. Особняк, где собирался «клуб», назывался «Hôtel de Lauzun» или... «Hôtel de Pimodan» (он существует до сих пор, но был ли как-то связан с семьей военного атташе, нам неизвестно). Позже японцы демонстрировали производство и дегустацию опиума только самым «проверенным» визитерам, от которых не ожидали критики или саркастических комментариев.

Занимавший в 1896 г. должность главы санитарного управления МВД Гото подал начальству записку, в которой предложил проводить умеренную политику в отношении опиекурения: максимально снизить потребление наркотика среди нынешних курильщиков и предотвратить появление новых путем образовательных мер и строгого контроля над всеми этапами производства, реализации и потребления, то есть установления государственной монополии на опиум. Предложенный курс был одобрен, и Гото в качестве главного санитарного советника генерал-губернаторства приступил к разработке закона, вступившего в силу в январе 1897 г. [Takekoshi, 1907, p. 155–157].

Закон объявил производство, ввоз и вывоз опиума государственной монополией и запретил «продавать, покупать, распространять, получать или иметь опиум без разрешения властей», причем это распространялось и на лекарства с опиатами. Нарушение каралось тюремным заключением до 5 лет и штрафом до 5000 иен; меньшие наказания устанавливались за выращивание опиумного мака и изготовление наркотика даже из законно приобретенной опиумной пасты. Хроническим курильщикам надлежало зарегистрироваться и приобрести лицензию (три типа разной стоимости) для легальной покупки опиума по фиксированным ценам; курение без лицензии, открытие курилен и создание условий для курения опиума подлежало наказанию. Заниматься продажей опиума напрямую японские власти не хотели и поручили это дилерам, которые после проверки на благонадежность должны были купить у властей лицензию на торговлю и сам товар, продавать его лицензированным курильщикам по фиксированным ценам, причем их вознаграждение не должно было превышать 1,5 % [Takekoshi, 1907, p. 157–158, 161–163].

«Особенное внимание обращает японское правительство на агентов или торговцев опиума. Самое главное условие для агентов – это хорошее поведение и безупречное прошлое. Патент выдается им, когда они покупают продукт, но отпускается им в определенном количестве» [Левитов, 1906, с. 15]. Для реализации политики в системе генерал-губернаторства было создано Бюро опиумной монополии.

Японские власти утверждали, что такие меры не просто приведут к постепенному отказу населения от пагубной привычки, но и облегчат страдания наркозависимых, ибо контроль за производством должен привести к появлению менее вредоносного «зелья». Всю прибыль от продажи опиума и лицензий на его приобретение предполагалось направить в бюджет колонии, дабы снизить налоговое бремя местного населения. «Метод производства значительно улучшился. <...> Опиумный вопрос был успешно решен и с политической, и с санитарной точки зрения. Он также обещал финансовый успех, – подытожил Такэкоси. – <...> Доход от опиума сейчас является одним из главных источников дохода Тайваня» [Takekoshi, 1907, p. 159–160]. Он добавил, что довольным осталось большинство курильщиков, опасавшихся полного запрета, а в накладе оказались только частные импортеры в условиях жесткой борьбы с контрабандой [Takekoshi, 1907, p. 161]. Автор отметил связь японской опиумной политики на Тайване с мерами, которые англичане принимали в Индии [Takekoshi, 1907, p. 160], тем самым давая понять, что его страна находится «в тренде».

«Япония решает опиумную проблему лучше всех европейцев»: Илья Левитов

В числе первых иностранцев, основательно и с практическими целями изучавших японскую опиумную политику на Тайване, был дальневосточный журналист и публицист Илья Семенович Левитов (1850–1918), считающийся автором термина «Желтороссия». В 1900-е годы он посвятил ряд резонансных публикаций проблеме оборота наркотиков, прежде всего гашиша и опиума, на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии, в которых обращал особое внимание на быстроту его распространения и на масштабы контрабанды из Китая и Персии при формальном запрете и фактическом бездействии местных властей. «Я объездил весь Дальний Восток и открыто заявляю, что нигде опиумокурение (так – В. М.) не распространяется с такой быстротой, как у нас на Дальнем Востоке, только благодаря тому, что русское правительство воспретило опиумокурение еще в половине прошлого столетия, но не приняло никаких мер к действительному искоренению этого вредного наркотического средства, как делает это Голландия на Яве, Франция в Индо-Китае и даже Япония на Формозе» [Левитов, 1906, с. 1]. Левитов призвал сделать ввоз опиума государственной монополией, поставить под строгий контроль и обложить акцизом. Он обращался в МИД, министерство финансов и к депутатам Государственной Думы, но его предложения не получили отклика (подробнее [Головачев, Перминова, 2016]).

«Япония решает опиумную проблему Дальнего Востока лучше всех европейцев», – решительно заявил Левитов в одноименной статье 1906 г. [Левитов, 1906, с. 6]. Это утверждение он основывал на трехнедельном пребывании на Тайване

в январе-феврале 1903 г. Японское правительство разрешило ему изучать опиумную политику при содействии и под надзором местных властей, не ограничиваясь отчетами и статистическими данными. Указав на снижение общего количества курильщиков за счет переставших курить, т. е. добровольно отказавшихся от лицензии, а не только умерших, Левитов подчеркнул: «Система опиумокурения, введенная японцами на Формозе, поразительна не только своей искренностью, т. е. не только тем, что они желают добра китайцам, так как стремятся действительно искоренить опиумокурение, но и своей экономической выгодностью. <...> Опиумная монополия в высшей степени плодотворна и гуманна. Уж если говорить о нравственности, то я положительно утверждаю, что японская опиумная монополия нравственней нашей водочной монополии» [Левитов, 1906, с. 8, 16].

Сопоставляя восторги журналиста: «Я был поражен успехом, которого Япония достигла» [Левитов, 1906, с. 4], – с реальным положением дел, В. Ц. Головачев и В. А. Перминова указали: «Особенно интересно проследить, насколько объективен И. С. Левитов в освещении японского опыта и какие особенности опиумной политики Японии на Тайване случайно или умышленно не упомянуты в его статьях. <...> На практике все выглядело не совсем так, как заявляли японцы и казалось Левитову, а позитивных результатов такой политики, даже незначительных, пришлось ждать довольно долго. <...> На налоги, которые, по заверению японских властей, должны были снижаться за счет монопольных сборов, в действительности никак не влияло введение монополий на соль, опиум, камфару, табак и алкогольные напитки. Если учесть, что бюджет Японской империи на 66 % состоял из доходов от монополий из Кореи и Тайваня (где 68 % – доходы от продаж опиума), нетрудно представить, насколько существенно могла быть снижена налоговая ставка в случае реальной компенсации налоговых поступлений за счет сборов от монополий. Но японские власти, вопреки их заявлениям, озвученным Левитовым, не собирались снижать налоговое бремя жителей колонии. Напротив, они стремились максимально умножить бюджетные доходы, что, впрочем, способствовало быстрому (чуть больше 10 лет) переходу Тайваня к финансовому самообеспечению и независимости от дотаций центрального правительства» [Головачев, Перминова, 2016, с. 91, 94–95].

Означает ли это, что журналист по каким-то причинам поддался японской пропаганде и дезинформировал российскую аудиторию? Ведь даже Такэкоши признавал, что опиумная проблема остается острой и продолжает захватывать тайваньскую молодежь, которую японцы клялись избавить от пагубного «зелья», и что «самый способный государственный деятель не может уменьшить число нынешних опиокурльщиков» [Takekoshi, 1907, p. 164]. «Желание привлечь внимание российской общественности и властей к проблеме опиокурения и поиску эффективных способов ее решения, судя по всему, побудило Левитова показать лишь позитивные стороны японской политики. Но это же желание помешало ему объективно выявить серьезный разрыв между официальными заявлениями японцев о гуманных целях и куда менее гуманной реальностью» [Головачев, Перминова, 2016, с. 100]. Японофилом Левитов не был. Напротив, он еще до русско-японской войны слыл алармистом и после нее продолжал откровенно высказываться о по-

литике соседней державы: «Япония, за это можно поручиться, не оставит в покое наш Дальний Восток десять лет подряд, а раз будет у нас война, то анархия неминуема» [Левитов, 1906, с. 22].

«Предвестье еще более грандиозного прогресса в близком будущем»:

Уильям Кэмпбелл

Не все иностранные миссионеры на Тайване призывали к полному и безоговорочному запрету опиума по соображениям морали, как это делал, например, Томас Барклай, проживший на острове с 1875 г. до своей смерти в 1935 г. и пользовавшийся значительным авторитетом. Именно ему возражал Майерс [Хасэбэ, 2016, с. 34]. Его коллега Уильям Кэмпбелл, прослуживший здесь почти полвека, с 1871 г. по 1918 г., и считавшийся не только успешным проповедником, но и крупным знатоком истории Тайваня, занимал более взвешенную позицию. Опираясь на богатый личный опыт и возможность сравнивать действия японских и китайских властей, он высоко оценивал политику японцев, отметив личный вклад Гото, причем, полагаю, сделал это совершенно искренне [Campbell, 1915, p. 300]. «Японцы оказали Кэмпбеллу необычную почесть, когда генерал-губернатор лично приехал в Тайнань выразить ему уважение при отъезде Кэмпбелла с Тайваня» [Otness, 1999, p. 26].

Рассказывая о своей долгой и богатой приключениями жизни в книге «Зарисовки с Формозы» (1915), Кэмпбелл посвятил большую главу «японцам как колонизаторам», опираясь на личные впечатления и выводы. Учитывая разноречивость мнений и деликатность темы с точки зрения миссионеров, он особо остановился на опиумной проблеме, которая активно обсуждалась в британских политических и церковных кругах. Указав на масштаб распространения опикуренния на Тайване, попустительство китайской администрации, наживавшейся на ввозных пошлинах, и на роль иностранцев в торговле наркотиком, Кэмпбелл сообщил читателям, что решение не запрещать опиум, но «постепенно искоренить гигантское зло, за которое японцы не ответственны» [Campbell, 1915, p. 325] было принято после обстоятельного гласного обсуждения. Воздерживаясь от однозначных суждений, он дал понять, что поддерживает «постепенный метод», в пользу которого высказывались многие миссионеры, занимавшиеся, как и он сам, врачебной деятельностью. Автор добавил, что силой вопрос не решить: «Для предотвращения контрабанды понадобится армада крейсеров вокруг всего острова, а полицейских учреждений и тюрем просто не хватит» [Campbell, 1915, p. 326].

Кэмпбелл не жалел суровых слов в адрес «удовлетворяющих свои пагубные желания» и не осуждал японцев за отказ от политики запретов, видя в их действиях сочетание принципа «неизбежного зла» с необходимостью прибылей от государственной монополии. После ее введения импорт «зелья» возобновился и начал расти, постепенно догоняя предвоенный уровень: от 146 668 фунтов стерлингов в 1897 г. до 360 464 фунтов стерлингов в 1900 г. Автор указал, что лицензированными курильщиками являются 165 752 человека, т. е. 6,18 % всего населения острова [Campbell, 1915, p. 326–327]. Это данные на 1900 г. и самый высокий по-

казатель в период 1897–1903 гг. [Takekoshi, 1907, p. 163]. В первые годы после введения монополии их количество росло скачкообразно, что объяснялось не резким увеличением абсолютного числа курильщиков, но нежеланием регистрироваться и платить за лицензию, с чем японцы энергично и успешно боролись. С началом нового века абсолютное число курильщиков начало сокращаться.

В целом Кэмпбелл оптимистически оценил достижения и перспективы японской колонизации Тайваня, видя в деятельности Гото и его команды «предвестие еще более грандиозного прогресса в близком будущем». «Остается пожелать Японии успешно пройти этот критический, но очень обнадеживающий период ее истории», – заключил он [Campbell, 1915, p. 300, 286].

Успехи японской колониальной администрации в деле улучшения санитарно-гигиенической ситуации на Тайване, связанные во многом, но не исключительно с работой главы гражданской администрации Гото Симпэй в 1898–1906 гг., содействовали созданию позитивного имиджа колониальной политики Японии в целом. Заметную роль в этом играли мнения и оценки иностранных наблюдателей. Японские власти придавали им большое значение, быстро оценив пользу, важность и эффективность позитивного имиджмейкинга.

Список литературы

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления. Источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. М. : ИВ РАН, 2014. 120 с.

Головачев В. Ц., Перминова В. А. Журналист И. С. Левитов об опиумной политике на Тайване // Тайвань под японским управлением. Новые исследования и материалы. М.: ИВ РАН, 2016. С. 89–100.

Левитов И. О необходимости опиумной реформы на Дальнем Востоке. СПб.: Санкт-Петербургские ведомости, 1906. 24 с.

Молодяков В. Э. «Ситуация остается весьма напряженной»: дневник поездки Клода де Пимодана на Тайвань (октябрь–ноябрь 1896 г.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 2 (16). С. 179–186.

Хасэбэ С. Советник генерал-губернаторства Уильям Майерс и японское управление Тайванем // Тайвань под японским управлением. Новые исследования и материалы. М. : ИВ РАН, 2016. С. 26–41.

Barclay, G. W. Colonial Development and Population in Taiwan. Princeton NJ: Princeton University Press (репринт: Port Washignton N. Y. : Kennikat Press, 1972). 274 p.

de Pimodan [C.], le commandant. Promenades en Extrême-Orient (1895–1898). Paris : Honoré Champion. 378 p.

Campbell, W., Rev. Sketches from Formosa. London: Marshall Brothers Ltd., 1915. (репринт: London : Forgotten Books, 2015). 395 p.

Otness, H. M. One Thousand Westerners in Taiwan, to 1945. A Biographical and Bibliographical Dictionary. [Nankang:] Institute of Taiwan History, 1999. 176 p.

Takekoshi, Y. Japanese Rule in Formosa. Lodon : Longmans, Green and Co., 1907. (репринт: New Dehli : Facsimile Publisher, 2019). 342 p.

The article was submitted on 20.05.2022

Э. А. Барышев

АВГУСТ 1914 Г. И ЯПОНСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА «СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА»

Аннотация. В статье рассматривается процесс завязывания двустороннего российско-японского сотрудничества в начальный период Первой мировой войны и, в частности, инициативы японской стороны в данном отношении, на примере чего демонстрируются некоторые особенности политической системы и внешнеполитической тактики Японии в указанную эпоху. Автор показывает ошибочность тезиса о том, что инициатором общеполитического сближения и углубления военно-технического взаимодействия являлся «официальный Токио», и доказывает, что за кулисами этого действовал неформальный центр власти в Японии в лице старейшин клана Тёсю Ямагата и Иноуэ. Для проведения в жизнь своих инициатив, не согласованных с позицией кабинета министров Окума, старейшины активно использовали обширные связи в Генеральном штабе и торгово-промышленных кругах страны. Предложения о помощи, выразившиеся в рекомендации компаний Мицуи Буссан, Окура и Таката как поставщиков японских армии и флота, были переданы российским военным представителям в Японии и Китае в первые дни войны. Узнав об этом, военное министерство в лице Главного артиллерийского управления (ГАУ) обратилось к японскому военному агенту в Санкт-Петербурге с просьбой поставить некоторые виды оружия и боеприпасов. При содействии японских военных и дипломатических представителей в Санкт-Петербурге сотрудник Мицуи Буссан был представлен начальнику ГАУ и предложил услуги своей компании. Аналогичным образом отреагировало на японские предложения Главное управления кораблестроения морского министерства. Тем не менее к концу августа был получен по сути отрицательный ответ японского правительства по данным запросам. Улаживать случившийся конфуз пришлось дипломатическими средствами, подыгрывая японской стороне в ее желании более рельефно подчеркнуть значение оказываемой ею военной помощи. Перевода данного вопроса в область большой дипломатии и добивались японские старейшины, стремившиеся к заключению нового, более выгодного для Японии общеполитического соглашения с Россией.

Ключевые слова: российско-японские отношения, внешняя политика Японии, клановая олигархия, Первая мировая война, военные поставки

Eduard Baryshev

AUGUST 1914 AND JAPAN'S OFFERS OF MILITARY ASSISTANCE: THE POLITICAL SYSTEM AND FOREIGN POLICY TACTICS OF JAPAN

Abstract. The article examines the process of establishing bilateral Russian-Japanese cooperation in August 1914, and, in particular, Japan's initiatives in this regard. Through the examination, some characteristic features of political system and foreign policy tactics of Japan in this epoch are demonstrated. The author shows the fallacy of the thesis that the initiator of the political rapprochement and military-technical cooperation was "official Tokyo," and proves the fact that informal leaders of Japan, the Elder Statesmen of the Choshu clan, Yamagata and Inoue, secretly acted behind the scenes. In order to realize their initiatives, which were not coordinated with the Okuma Cabinet, they actively used extensive connections in the General Staff and com-

mercial and industrial circles of Japan. The offers of assistance that took a form of the recommendation of Mitsui Bussan, Okura and Takata companies as suppliers to the Japanese Army and Navy, were transmitted to Russian military representatives in Japan and China in the early days of the war. Having learned about this, the Russian Ministry of War, represented by the Chief Artillery Department (GAU), submitted a request for supplying of some types of weapons and ammunition to the Japanese military agent in St. Petersburg. With a cooperation of the Japanese official representatives in St. Petersburg, the employee of Mitsui Bussan was introduced to the head of GAU and offered the services of his company. The Chief Shipbuilding Department of the Ministry of the Navy reacted to Japanese unofficial proposals in a similar way. However, by the end of August, an essentially negative response from the Japanese government to these requests was received. The awkward situation had to be settled by diplomatic means, and Russia had to play along with Japanese greeting any concessions regarding the issue of arms supply. It was the very transfer of this issue to the area of international diplomacy that the Elder Statesmen sought for, and their purpose was to impose a new and stronger political agreement on Russia.

Keywords: Russo-Japanese relations, Japan's foreign policy, clan oligarchy, First World War, armaments supply

Вопрос российско-японских отношений во время Первой мировой войны неоднократно рассматривался в прошлом как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Прежде всего исследователи обратили свое внимание на вопросы большой дипломатии и, в частности, на феномен российско-японского секретного союзного договора 1916 г. [Мацумото; Berton, 1956; Григорцевич; Ёсимура, 1968; Berton, 1988; Кутаков; Ёсимура, 1991]. Интерес к эпохе «русско-японского военно-политического союза» с новой силой проявился в начале XXI в. Примечательно, что на этот раз тема разрабатывалась главным образом российскими исследователями, преимущественно японоведами, что было вызвано, без всякого сомнения, как необходимостью переоценки дореволюционного «имперского» внешнеполитического прошлого России, так и стоявшими тогда на повестке дня проблемами двусторонних отношений. Иными словами, обращаясь к позитивным страницам дипломатического, военно-технического и общекультурного сотрудничества, эти исследователи пытались преодолеть негатив современности и найти новые подходы к разрешению существовавших тогда проблем [Saveliev, Pestushko; Подалко; Молодяков, 2006; Барышев, 2007; Пестушко; Молодяков, 2012; Павлов; Барышев, 2020]. В результате вышеизложенного были проанализированы различные грани российско-японских отношений предреволюционной эпохи. Тем не менее собственно востоковедческие вопросы, касающиеся особенностей японской внешней и внутренней политики в преломлении к вопросам двустороннего сотрудничества в период Первой мировой войны, к сожалению, так и не получили глубокого рассмотрения.

Важное место в историографии российско-японских отношений в эпоху Первой мировой войны занимала дискуссия о движущих силах двустороннего сближения. Примечательно, что до недавнего времени не были расставлены точки над *i* в вопросе о том, какая из сторон и в силу каких мотивов являлась инициатором военно-технического и общеполитического сотрудничества в эти годы. Выводы исследователей в этом отношении иногда почти диаметрально расходились. Так, один из пионеров в изучении данной проблематики, американец Питер Бертон последовательно проводил тезис о российской заинтересованности в укре-

плении системы дальневосточной безопасности и в японских военных поставках, считая данную заинтересованность главным фактором двустороннего сближения во время Первой мировой войны [Berton, 1956, pp. 27–32, 249–257; Berton, 1988; Berton, 2012, pp. 11–12, 84–87]. Российские военно-дипломатические инициативы продолжают рассматриваться в качестве отправной точки и в сравнительно недавней монографии Нагоя Мицугу [Нагоя, 2010, с. 54–55]. С другой стороны, в отечественной историографии – абсолютно резонно – подчеркивалась «первичность» японских предложений и проектов в направлении двустороннего сближения и углубления военно-технического сотрудничества [Григорцевич, с. 470; Пестушко, с. 53, 56–57; Павлов, с. 12–16; Барышев, 2020, с. 414–415].

В целом верно определяя характер двусторонних отношений того времени, новые исследователи, к сожалению, нередко воспроизводили ошибки своих предшественников, а также допускали новые ошибки и неточности, что приводило к упрощениям в трактовке тех или иных событий. Одним из принципиально ошибочных тезисов, частично утвердившимся в отечественной историографии, является мысль о том, что инициатива заключения двустороннего союзного договора, равно как и предложения в отношении военного сотрудничества шли от *японского правительства в лице тогдашнего кабинета министров* (здесь и далее курсив – Э. Б.).

В отечественной историографии можно встретить, например, утверждение о том, что к 5 августа японская сторона якобы подготовила проект двустороннего союзного договора, и последний был передан в Петербург послом Н. А. Малевским-Малевицем. Телеграмма посла была помещена еще в одном из томов известной дипломатической серии «Международные отношения в эпоху империализма» [Международные отношения в эпоху империализма, с. 11–12]. На основе анализа ее содержания томский историк С. С. Григорцевич в своем известном труде сделал предположение, что данный проект «был составлен в японском министерстве иностранных дел» [Григорцевич, с. 470]. Исследование Григорцевича, несомненно, оказало большое влияние на последующие поколения историков международных отношений на Дальнем Востоке. Так, в монографии хабаровского исследователя-японоведа Ю. С. Пестушко, уже без ссылок на вышеуказанную работу, прямо говорится о проекте как «*подготовленном японской стороной*». При этом из контекста рассуждения вышеуказанного автора следует, что он считает данный проект одобренным и санкционированным тогдашним *кабинетом министров Японии* [Пестушко, с. 56–58].

В аналогичном ключе говорится и об инициативах Японии в отношении военного сотрудничества. Так, в одной из новейших монографий по данной тематике, а именно, в работе московского историка Д. Б. Павлова, процесс, сопутствовавший выдвижению японских предложений о помощи, резюмируется следующим образом: «инициатива японско-русского военного и военно-технического сотрудничества исходила от Токио, а не от Петербурга..., причем в первое время *японское правительство* старалось действовать скрытно и преимущественно *по частным каналам*»; «...в действительности инициатива исходила от *официального Токио*, который первоначально в основном оперировал через *близкие правительству частные компании*...» [Павлов, с. 15].

Вышеуказанные утверждения требуют весьма значительной корректировки. Что касается вопроса проекта русско-японского союзного договора от начала августа 1914 г., то он рассматривался уже в докторской диссертации Бертона, представившего аргументированный вывод о том, что этот документ был подготовлен Малевским-Малевичем, и его главной целью было обезопасить положение России на Дальнем Востоке в условиях начавшегося конфликта; непосредственным же импульсом к его составлению стал зондаж позиции Японии со стороны Франции на предмет заключения франко-японского союзного договора [Berton, 1956, pp. 28–29, 310–311; Berton, 2012, pp. 11–12]. Разумеется, это отнюдь не исключает того, что известные намеки или неофициальные предложения японской стороны в отношении двустороннего соглашения могли иметь место, однако утверждать, что проект был подготовлен японским правительством нет оснований: никаких документальных подтверждений этому ни в японских, ни в российских архивах не обнаружено.

Вопрос авторства проекта договора, конечно, следует считать частным и второстепенным случаем, однако применительно к вопросу о движущих силах русско-японского сближения он имеет существенное значение. Как показано выше, в отечественной историографии частично утвердилась ошибочная трактовка, приписывающая инициативу во внешнеполитическом и военно-стратегическом сближении «официальному Токио». Данная трактовка основывалась преимущественно на анализе отечественных архивных источников и не учитывала особенности внешнеполитической тактики и общественно-политической системы Японии того времени. Вследствие этого, процесс двустороннего взаимодействия в указанную эпоху получил искаженное представление. В настоящей статье автор хотел бы более пристально рассмотреть процесс завязывания военно-технического и общеполитического сотрудничества между двумя странами в августе 1914 г. не столько для анализа вопроса двусторонних отношений, сколько для того, чтобы составить более полное представление о рычагах и методах, характерных для внешней политики Японии в указанную эпоху.

Император, институт старейшин, Генеральный Штаб и кабинет министров

Император в Японии, хотя и был наделен, согласно конституции 1891 г. различными формальными полномочиями, не обладал реальными рычагами власти. Его положение и статус во многом определялись существующей дальневосточной культурной традицией и обычным правом: считаясь «живым божеством» (термин «тэнно», использующийся нередко в качестве эквивалента европейского понятия «император», буквально означает «небесный правитель»), император как священная особа не мог непосредственно соприкасаться с «нечистым» миром и активно жить в нем. Посему ему преимущественно отводилась роль символа «верховой власти», легитимизировавшего действия «приземленных» властей предержавших [Боги, святилища, обряды Японии, с. 92; Кокуси дайджитэн, т. 9, с. 991–995; Нихон-си дайджитэн, т. 4, с. 1233–1242]. Для поддержания необходимой связи между «небом» (императором) и «землей» (подданными) помимо предусмотрен-

ных основным законом страны центральных органов власти были созданы различные неформальные институты, «помогавшие» императору в его служении [Бидзюару-вайдо Мэйдзи дзидай-кан, с. 534–535]. Одним из таковых являлся совет старейшин (*гэнро кайги*) или своего рода «совет мудрецов», члены которого назначались особым указом императора.

В 1914 г. верховными советниками императора являлись четверо: генерал-фельдмаршал князь Ямагата Аритомо (1838–1922), маркиз Мацуката Масаёси (1835–1924), маркиз Иноуэ Каору (1835–1915) и генерал-фельдмаршал князь Ояма Ивао (1842–1916). Разрешение правительственных кризисов в стране, избрание нового премьер-министра и образование нового кабинета министров являлось по сути прерогативой старейшин. Ямагата и Иноуэ представляли собой клан Тёсю (нынешняя преф. Ямагути на юге острова Хонсю), Мацуката и Ояма – клан Сацума (ныне – преф. Кагосима на юге острова Кюсю). Ямагата и Ояма как представители армии являлись членом другого совещательного органа при императоре – Совета маршалов (*гэнсуйфу*), а Иноуэ и Мацуката преимущественно выражали интересы торгово-финансовых кругов страны. Тем не менее представители клана Сацума не имели реального политического ресурса для проведения своего курса, поэтому Ямагата и Иноуэ, а значит, члены клана Тёсю, определяли политическую повестку дня. Особым влиянием обладал Ямагата, являвшийся одновременно председателем Тайного Совета (*сумицуин*), конституционного совещательного органа при императоре для разрешения и обсуждения важнейших вопросов государственной жизни [Кокуси дайdzитэн, т. 5, с. 240–242; Кокуси дайdzитэн, т. 8, с. 36–37; Нихон-си дайdzитэн, т. 2, с. 1282–1283, 1320; Нихон-си дайdzитэн, т. 4, с. 29–31].

Государственный строй Японии внешне предполагал четкую вертикаль власти, характерную для монархий: главнейшие системообразующие элементы – кабинет министров, Тайный Совет, армия и флот – подчинялись непосредственно императору. За императором конституционно была закреплена функция верховного главнокомандующего вооруженными силами страны. Тем не менее, как отмечалось выше, на деле император не принимал активного участия в управлении государством, и поэтому в политической системе господствовали партикуляризм и местничество, что выражалось в сильных позициях клановой олигархии и бюрократии. Кабинет министров не обладал достаточной властью, чтобы формировать политическую повестку дня и тем более проводить ее в жизнь. Закрепленное в конституции положение о персональной ответственности министров перед императором, особый статус Тайного Совета, Палаты пэров и армии со флотом резко ограничивали возможности кабинета и премьер-министра, в результате чего старейшины выполняли роль «коллективного императора», являясь фактически главным полюсом силы в стране [Кокуси дайdzитэн, т. 5, с. 240–242; Кокуси дайdzитэн, т. 10, с. 498–499; Нихон-си дайdzитэн, т. 2, с. 1320; Нихон-си дайdzитэн, т. 5, с. 290–292].

Армия, созданная по германскому образцу, являлась одной из главных «вотчин» клана Тёсю, представленного во власти фельдмаршалом Ямагата и его последователями во главе с графом генералом Тэраути Масатакэ (1852–1919). Высшим органом

военного командования был Генеральный штаб, подчиненный формально императору, а общее управление войсками и военным имуществом осуществлялось военным министерством. Вследствие преобладающего влияния представителей клана Тёсю (Ямагата) в армии и системы персональной ответственности министров перед императором, глава военного ведомства также являлся их ставленником. Таким образом, старейшины получали в руки еще один козырь для осуществления контроля над кабинетом министров. Армия же и Генеральный штаб, в частности, выступали естественным фундаментом, на котором базировались авторитет и влияние фельдмаршала Ямагата и его приверженцев [Кокуси дайджитэн, т. 6, с. 610–614; Нихон-си дайджитэн, т. 3, с. 754–755, т. 2, с. 1320; Мацусита, с. 61–68, 89–93, 187–192, 208–210, 232–234, 258–260; ГАРФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 281–282].

Важно отметить, что клан Тёсю в лице тех же Ямагата и Иноуэ обладал не только преобладающим влиянием в армии, но и имел в своих руках значительные финансово-экономические рычаги. Дело в том, что торгово-промышленная и финансовая олигархия во многом была обязана им своим благополучием: их положение во многом предопределилось реформами Мэйдзи и исходом нескольких успешных войн, которые японский режим вел с 1870-х гг. Войны эти, как известно, сопровождалась приобретением значительных колониальных владений, в которых также установилось господство «военной партии». Одной из символических организаций, тесно связанной с активностью этой «военной партии», стал синдикат Тайхэй-кумиай, занимавшийся экспортом оружия за рубеж. Синдикат был образован тремя ведущими торговыми компаниями Японии – Мицуи Буссан, Окура и Таката – в июне 1908 г. в качестве особой посреднической организации для вывоза избытков оружия, произведенного на Токийском и Осацком арсеналах, за рубеж, преимущественно в Китай. Очевидно, что образование синдиката свидетельствовало не только об усилении военно-экономической мощи страны, но и отражало рост национально-империалистических амбиций у японского правящего класса [Кокуси дайджитэн, т. 8, с. 867; Акутагава; Baryshev, 2014, pp. 3–4; Барышев, 2020, с. 414–415]. К слову, все три компании пользовались покровительством старейшин клана Тёсю.

По мере усложнения общественно-политической жизни Японии и ее условной демократизации соперничество между клановой олигархией и парламентом, старейшинами и кабинетом министров, «военной партией» и бюрократией все более усиливалось. Накануне Первой мировой войны условно демократические силы, опирающиеся на партии, парламент и прессу, набрали значительный вес. Образованный в марте 1914 г. при непосредственном участии маркиза Иноуэ кабинет министров Окума Сигэнобу стремился проводить более независимую от старейшин политику, а министр иностранных дел Като Такааки даже отказывался предоставлять «мудрецам» дипломатическую переписку в соответствии с существовавшим до тех пор негласным обычаем. Вследствие этого старейшины и клановая олигархия для противодействия «демократии» начинают все больше использовать свои особые каналы влияния, полагаясь на альтернативные правительству институты государственно-политической системы. Можно сказать, что наступает известная «реакция» консерваторов, и в этих условиях политическое

значение совета старейшин, армии и Генштаба, колониальных администраций, а также связанных с ними торгово-промышленных кругов усиливается. В результате, в государственно-политической жизни Японии складывается известное двоевластие, выразившееся прежде всего в тактическом противостоянии между кабинетом министров и старейшинами [Нихон-си дайджитэн, т. 3, с. 755; Кокуси дайджитэн, т. 6, с. 614]. Все это является в Японии фактами энциклопедического порядка, которые должны приниматься во внимание при анализе внутренней и внешней политики страны в указанную эпоху.

«Европейская война» и японские предложения

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, что положило начало первому общемировому конфликту. Для того чтобы сосредоточить свои силы на Западе, России нужно было сначала обезопасить свои дальневосточные рубежи и избежать войны на два фронта. Кабинет министров Окума не спешил определять свою позицию по отношению к воюющим сторонам, однако сразу же четко дал понять, что будет придерживаться положений англо-японского союзного договора. Министр иностранных дел Като, известный своей проанглийской ориентацией, с самого начала конфликта продемонстрировал готовность вступить в войну на стороне стран Антанты. Однако единства по вопросу «Европейской войны» в Японии не было: старейшины и оппозиция в лице руководства партии Сэйюкай настороженно смотрели на возможное вступление Японии в войну, отстаивая необходимость нейтралитета. Есть веские основания предполагать, что при этом ими учитывались не только внешнеполитические и военно-стратегические, но и финансово-экономические аргументы в пользу нейтрального статуса Японии в условиях начавшегося в Европе военного конфликта.

Реакция японских экономических кругов на разразившийся в Европе конфликт была молниеносной. Так, один из директоров-распорядителей компании Окура сообщал в конце 1915 г. следующее: «Как только в конце июля прошлого года разразилась война в Европе, нам тотчас же пришла в голову мысль об организации поставок необходимых припасов воюющим странам. На момент начала войны Япония была еще нейтральной. Прецедента снабжения воюющих стран в качестве нейтрального государства у Японии не было, и нам хотелось обязательно попробовать. Во-первых, мы внимательно рассмотрели вопрос, к сделкам с какой из держав следовало бы приступить... На такое расследование, куда бы направить свою инициативу, у нас ушло три дня. В результате нам стало ясно, что наибольшие потребности в деле военного снабжения имеет Россия. Исходя из географических соображений и из оценки ситуации, 2 августа мы приняли решение начать работу на российском направлении» [Окура, с. 49–50]. В первые дни августа руководство компании Мицуи Буссан, обеспокоенное известием о свертывании всех сделок на Лондонском финансовом рынке, также решило, что операции на российском рынке, а именно продажа оружия, боеприпасов и других необходимых товаров военному ведомству, с расплатой золотой монетой в Лондоне будет для них единственно выгодной стратегией. Иными словами, японские финансово-

экономические круги положили глаз на русское за рубежом [Сакамото, с. 165; Мицуи буссан, с. 107–108; Baryshev, 2011, p. 27]. Таким образом, экономические круги Японии подошли к вопросу организации военных поставок России с не-малым рвением.

В указанных условиях уже в первые дни конфликта японские предложения о помощи были переданы российской стороне. Так, 4 августа в Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар) Главного Управления Генерального Штаба (ГУГШ) прибыла шифротелеграмма военного агента в Мукдене подполковника Генерального Штаба В. В. Блонского, в которой последний сообщал, что к нему поступило «принципиальное предложение поставки оружия русской армии» от представителя «*всемирно известной фирмы Мицуи*» согласно «телеграфной инструкции главной конторы» компании. Любопытно, что в данном предложении Мукден назывался «наиболее удобным местом [для] переговоров ввиду отсутствия наблюдения других держав» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 164].

В тот же день российский военный агент в Японии генерал-майор В. К. Самойлов направил в Петербург секретную шифротелеграмму № 311, в которой сообщал следующее: «*Японцы* обещают [нам] полное содействие. Указывают [на] возможность, если надо, снабжать нас ручным оружием, огнестрельными припасами, продовольствием через частных лиц» [РГВИА. Ф. 499. Оп. 5. Д. 395. Л. 3]. В телеграмме № 316, посвященную тому же вопросу и переданную в ГУГШ 6 августа, военный агент дополнительно доносил: «*Японцы* предлагают поставлять все нужное для артиллерии и флота, включая артиллерию, изготовляя наши образцы или, если требуется, скоро уступив состоящие на вооружении орудия. Предпочтительно вести переговоры во Владивостоке, куда могут выехать японцы немедленно» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 162]. Днем ранее, 5 августа, в российское министерство иностранных дел прибыла секретная телеграмма Малевского-Малевича, доносившего со слов того же Самойлова, что японское «*военное министерство* изъявляет полную готовность содействовать нам всеми способами, включительно до продажи резервных артиллерийских орудий и снарядов» [Международные отношения в эпоху империализма, с. 113]. Вследствие этого уже 6 августа ГУГШ запросил Главное артиллерийское и Главное интендантское управления (ГАУ и ГИУ соответственно) военного министерства об их потребностях.

Здесь стоит обратить внимание на следующее. Хотя сообщения, полученные от Самойлова, по сравнению с предельно ясной по смыслу и содержанию телеграммы подполковника Блонского, не содержат подробностей относительно того, как, кем и когда были сделаны соответствующие предложения, неопределенность в словоупотреблении («японцы») говорит в пользу предположения об их неофициальном характере. В то же время в телеграмме российского посла со слов агента Самойлова говорится о том, что помощь русской армии готово оказать японское «*военное министерство*». Кабинет министров Окума в этих телеграммах не упоминался, однако очевидно, что имелись некие обстоятельства, заставившие Самойлова и Малевского-Малевича доверять указанным предложениям. Из нижеизложенного очевидно, что прежде всего это был авторитет неформально-го центра силы в Японии, представленного князем Ямагата и его приверженцами.

7 августа российский посол сообщал, что *маршал Ямагата* прислал к нему «известного поставщика на японскую армию Таката с секретным предложением поставлять возможные военные материалы, указывая на наиболее удобный путь через Корею, генерал-губернатор которой, *граф Тэраути*, окажет всякое содействие, как и *администрация Южно-Маньчжурской дороги*». Представитель компании Таката должен был со дня на день отправиться во Владивосток с рекомендательным письмом от российского посольства. Посол также указывал, что точно такими же документами российское посольство снабдило представителей якобы рекомендуемых японским военным министерством фирм Мицуи и Окура [Малевский-Малевиц – Сазонову, № 126 от 25 июля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70; Павлов, 2014, с. 153]. 8 августа Малевский-Малевиц также сообщал, что находящийся в Петербурге представитель японской компании Мицуи Ямамото Сётаро «уполномочен этим крупным торговым домом предложить военному министерству и морскому министерству свои услуги по снабжению, если потребуется, всем необходимым». Японский посол в Петербурге Мотоно Итиро (1862–1918), уже поставленный в известность об этом, должен был представить Ямамото российским властям [Малевский-Малевиц – Сазонову, № 134 от 26 июля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 116].

Японский отказ

Все говорит о том, что предложения России о предоставлении военной помощи были сделано не со стороны «официального Токио», как иногда утверждается в историографии, а от «военной партии» Японии в лице ее неформального лидера фельдмаршала Ямагата и представителей Генштаба. Предложения эти носили характер рекомендации близких к «военной партии» торгово-промышленных компаний, кровно заинтересованных в успехе военной торговли на российском направлении. К сожалению, информация о японских инициативах была передана в Санкт-Петербург в не совсем корректной форме.

Вожди «военной партии» позаботились о том, чтобы просьбы о содействии компаниям были своевременно направлены по линии японского Генштаба военному агенту и переданы послу в Петербурге. В результате этого, к 10 августа Ямамото, неприметному служащему отделения компании Мицуи Буссан в городе Отару, удалось установить контакт с военным агентом генерал-майором Какадзаки Томисабуро (1861–1924) и послом Мотоно [Асида, с. 300–302]. Узнав о предложении японской стороны, начальник ГАУ генерал-лейтенант Д. Д. Кузьмин-Караваев сообщил Какидзаки, что российское правительство желает закупить в Японии 800 тыс. орудийных снарядов, около 400 тыс. пороховых зарядов и 800 тыс. зарядных трубок (взрывателей) на сумму около 10 млн рублей. Какидзаки не замедлил передать эту информацию в японский Генштаб, а Мотоно телеграфировал в МИД, что выполнение этого заказа собирается взять на себя компания «Мицуи» (именно это сообщение нередко фигурирует в качестве отправной точки двусторонних переговоров в историографии вопроса в Японии и за рубежом). Россия испытывала острую нужду в тяжелых орудиях, поэтому

руководство ГАУ через Какидзаки дополнительно попросило японское военное ведомство уступить 12 15-см пушек и 12 гаубиц калибром около 21 см с 500 зарядами на орудие [Нихон гайко бунсё, с. 680; Кобун бэцуроку, военный министр Ока – премьер-министру Окума, 18 августа 1914 г.]. 13 августа Ямамото был представлен начальнику ГАУ, указав при встрече, что компания Мицуи Буссан готова организовать поставку просимого вооружения *при согласии японского правительства* [Асида, с. 302].

Лидеры «военной партии» в лице князя Ямагата предполагали, что нейтральный статус страны будет наиболее соответствовать ее национальным интересам, однако желание расширить под шумок Европейской войны свою сферу влияния на Дальнем Востоке, расправившись с конкурентом в лице Германии, в правительственных кругах возобладало. В конечном счете поддержал этот продавленный кабинетом министров Окума курс и Генштаб Японии. 15 августа японское правительство направило ультиматум Германии, и в тот же день во время беседы с представителями держав Като заявил, что Япония вступает в войну с целью сохранения мира на Дальнем Востоке и не имеет никаких захватнических намерений. Во время встречи с российским послом министр добавил, что Россия может не опасаться за ее дальневосточные владения [Нихон гайко бунсё, с. 153–154; Международные отношения в эпоху империализма, с. 106–107 (прим. 4), 123–124]. На следующий день заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Акаси Мотодзиро (1864–1919), прославившийся своей диверсионной деятельностью во время русско-японской войны, заявил Самойлову о готовности Японии помогать России «всем в настоящую кампанию», заверив, что Россия может быть спокойна за свою «сибирскую границу и за порядок в Китае» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 159].

Несмотря на то, что в первые дни войны старейшины и другие представители «военной партии» поспешили заверить российское правительство в своем желании оказать всестороннюю помощь, военное министерство, ответственное за безопасность страны и успех боевых действий японской армии в Китае, смотрело на вещи иначе и не собиралось жертвовать своими резервами ради России. 18 августа в докладе премьер-министру военный министр Ока Итиносуке прямо указывал, что *несмотря на просьбу российского правительства, переданную через военного агента Какидзаки*, «мы не можем себе позволить уступку орудий, находящихся на вооружении в действующей армии». Вместе с тем глава военного ведомства сообщал, что военное министерство хотело бы безвозмездно передать России орудия, захваченные в качестве трофеев во время прошлой войны. Имелись в виду захваченные при взятии Порт-Артура 4 15-см орудия и 12 23-см мортир с соответствующим комплектом снарядов [Кобун бэцуроку, военный министр Ока – премьер-министру Окума, 18 августа 1914 г.]. Ответ японского военного министерства был тотчас же телеграфирован военному агенту Какидзаки для передачи в ГАУ. 20 августа Самойлов также информировал Генштаб об отрицательной реакции «официального Токио» [Самойлов в Огенквар, № 83 от 6 / 7 августа 1914 г.; Монкевиц–Самойлову, 10 августа; Самойлов в Огенквар, № 84 от 11 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4058].

Тремя днями ранее, 17 августа, в Петербург был передан по существу отрицательный ответ военно-морского министерства Японии на запрос Главного управления кораблестроения относительно возможности приобретения последним торпед и мин. Япония лишь предложила «одолжить» России «30 18-дм мин Уайтхэда типа Фиумэ, изготовления 1909 г., с условием возврата после войны». Кроме того, японское военно-морское ведомство «в видах современной политической ситуации» соглашалось уступить «некоторое количество 3-х фунтовых и 2,5 фунтовых орудий» [АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 31; Малевский-Малевиц – Сазонову, № 173 от 4 августа 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70; Павлов, с. 14].

«Что все это значит»: смысл японских предложений

Нет нужды говорить, что содержание ответа, переданного в Петербург к 21 августа, фактически аннулировало данные в неофициальном порядке японские предложения и обещания. Однако произошло то, что и следовало ожидать, так как ни старейшины в отдельности, ни «военная партия» в целом, ни тесно связанный с ними Генштаб, ни рекомендуемые ими торговые компании не выражали позиции кабинета министров. Старейшины Ямагата и Иноуэ, считавшие желательным для Японии придерживаться нейтральной позиции по отношению к европейскому конфликту, стремились воспользоваться предоставившимся случаем для полной нормализации отношений с Россией и нейтрализации «русской угрозы», что открывало, по их мнению, пути для усиления позиции страны в мировой политике [См.: Барышев, 2008, с. 250–252]. В атмосфере назревающей «русско-японской дружбы» Генштаб всерьез рассматривал планы укрепления позиций японского капитала и создания мощной разведывательной сети на территории потенциального противника [См.: Араки]. Торговые компании, разумеется, желали заработать на этой войне, расширив свои рынки сбыта.

В свете имеющихся источников выдвижение японских предложений о военной помощи выглядит следующим образом: в условиях европейской войны японские торговые компании Окура и Мицуи Буссан посчитали возможным развернуть поставки различных товаров военного назначения России. Представители «военной партии» и старейшины из клана Тёсю благословили данный план и помогли этим двум компаниям, а также компании Таката обратиться с предложением поставок к российским военным представителям в Японии и Китае. Одновременно с этим они позаботились о том, чтобы просьбы о содействии были направлены военному агенту и послу в Петербурге. Таким образом, предложение России было сделано не со стороны «официального Токио», а от представителей «военной партии» и членов совета старейшин во главе с князем Ямагата. Между тем в Петербурге восприняли эту некритически переданную Самойловым и Малевским-Малевицем информацию как заслуживающую полного доверия и свидетельствующую о действительном курсе японского правительства. Подключение к этому вопросу японской военной агентуры и японского посла в Петербурге усиливало создаваемое этим «демаршем» впечатление «государственного предложения». Используя государственные каналы для предложения своей помощи России, японская военно-

политическая и торгово-финансовая олигархия как бы давала понять, что японское правительство в лице кабинета министров на стороне России, что совершенно не соответствовало действительности.

Как уже говорилось выше, данная инициатива вызвала требуемую реакцию со стороны России, попросившей свою «дальневосточную соседку» о помощи. Хотя первые российские запросы натолкнулись на отрицательный ответ японского правительства, переговорный процесс по линии военных и внешнеполитических ведомств был запущен. «Военная партия» в лице князя Ямагата тотчас же предприняла шаги для смягчения эффекта, вызванного отказом кабинета министров удовлетворить пожелания России. Решение о безвозмездной передаче России трофейных артиллерийских орудий из крепости Порт-Артур, принятое якобы с согласия императора, должно было создать основу для продолжения выгодных для Японии переговоров [Самойлов в Огенквар, № 84 от 11 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4058]. Нужно сказать, что эта тактика показала свою действенность, что стало очевидно во время пребывания в Японии специальной военно-технической комиссии во главе с заведующим артиллерийскими приемками генерал-майором Э. К. Гермониусом, командированной в Японию и Америку «для покупки необходимых артиллерийскому ведомству изделий и материалов» 25 августа [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4060. Л. 15, 15 об.]. Прибывшая 11 сентября в Токио комиссия Гермониуса, наслушавшегося «речей военного японского агента в Петрограде о готовности со стороны Японии помочь в этом отношении», столкнулась с неожиданно сильным противодействием кабинета министров Окума и японского военного ведомства в деле военных заказов. С самого начала комиссия была поставлена в положение просителя, и вынужденного принять японские правила игры и рассыпающегося в похвалах по отношению к своему «благодетелю» за любую маломальскую услугу [Дневники Л. В. Урусова, с. 125, 128–129]. Все это лило воду на жернова раскручиваемой японской стороной кампании «русско-японской дружбы», рельефно выпячивавшей «союзнический» вклад Японии в дело стран Антанты в условиях мировой войны.

Это была беспроигрышная и в известном смысле абсолютно безответственная тактика правящей клановой клики Японии, перекладывавшая всю ответственность за ту или иную инициативу на плечи зарубежного правительства. С другой стороны, это был весьма действенный способ воздействия на свой министр, что позволяло проводить в жизнь выгодные «серым кардиналам» политические решения. Как показано выше, у представителей кабинета министров резонно складывалось впечатление, что запрос о помощи поступил непосредственно от российских властей: об этом свидетельствовали донесения военных и дипломатических представителей в Петербурге. Мотоно, кстати, по-видимому, также хорошо понимал, что всяческое подстегивание российского руководства ко все новым обращениям за помощью к Японии будет способствовать усилению позиции страны на двусторонних переговорах. Вследствие этого, без согласования с Като он последовательно воздействовал на российский МИД своими намеками о готовности Токио к более тесному внешнеполитическому сближению с Петербургом (Петроградом), что не соответствовало действительности [National Archives, FO 371, vol. 2019 (1914), pp. 232–233, 236, 249–250; vol. 2020 (1914), pp. 27–30].

Рассмотренный пример выдвижения японских предложений о сотрудничестве глубоко символичен и демонстрирует важную особенность японской внешнеполитической тактики в указанную эпоху. Особенность эта состояла в последовательных попытках вызвать официальное обращение зарубежного правительства к японскому путем неформального зондажа с использованием личных каналов связи. В конечном счете, создаваемая таким способом ситуация была выгодна как представителям клановой олигархии, так и в известной степени правительству и японскому государству в целом, способствуя укреплению международно-политического положения страны. Существует множество примеров применения такой внешнеполитической тактики [См.: Гальперин, с. 290; Кутаков, с. 339; Baryshev, 2014, pp. 12–15, 20–23]. Аналогичная августу 1914 г. ситуация в российско-японских отношениях сложилась, например, летом 1919 г., когда Омским правительством для переговоров об укреплении военного сотрудничества в Токио был командирован генерал-лейтенант Ю. Д. Романовский. Эта командировка была вызвана мощным зондажем японских военных представителей в Омске, обещавших поддержку в случае обращения российской стороны. Тем не менее посол В. Н. Крупенский, уже хорошо осведомленный к тому времени о скрытых пружинах и особенностях японской политики, считал эту затею «в корне неверной». В своей телеграмме на имя министра иностранных дел И. И. Сукина и дипломатических представителей за рубежом он писал, в перефразировке А. В. Шмелева, что «в переговорах с военными властями Романовскому могут обещать все что угодно, но эти обещания не будут подкреплены обязательствами внешнеполитического ведомства и правительства в целом. В то же время ввиду широких полномочий Романовского любое его обещание или высказывание будет толковаться как обязательное для омского правительства» [Шмелев, с. 191].

Как показывает вышеизложенное, непрозрачные отношения, установившиеся внутри японских правящих кругов, а также вся державшаяся на них равновесная система государственно-общественных связей, допускаящая двоевластие, многоначалие и просто безответственность, не всегда достаточно ясно осознавались представителями российских властей, привыкшими к принципу единоначалия. Упущение из виду этого немаловажного обстоятельства неоднократно приводило в дальнейшем к весьма значительным проблемам во взаимопонимании между российской и японской сторонами на переговорах. Игнорирование данных особенностей японской политической системы делает затруднительным правильную оценку событий истории российско-японских двусторонних отношений.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70, 116.

Акутагава Тэюси 芥川哲士. Буки юсюцу но кэйфу 武器輸出の系譜 (Как развивался экспорт оружия) // Гундзи сигаку 軍事史学 (Военная история), т. 21 第21卷, № 2 第2号 (сентябрь 1985 г.), т. 21 第21卷, № 4 第4号 (март 1986 г.).

Араки Садао 荒木貞夫. Тайро-саку сикэн 対露策私見 (Мои соображения о политике по отношению к России), Тайсё 3 нэн 8 гацу 大正3年8月 (август 3-го года Тайсё) // Токё дайгаку дайгакуин хогаку сэйдзигаку кэнкюка фудзоку Киндай нихон хосэй-си сирё-сэнта 東京大学大学院法学政治学研究科附属近代日本法政史料センター (Архив правовой и политической истории новой

Японии при Институте правоведения и политологии аспирантуры Токийского университета). Араки Садао мондзё 荒木貞夫文書 (Фонд Араки Садао). Д. I-39. – 3 л.

Асида Хитоси никки: 1905–1945 芦田均日記 : 1905–1945 (Дневники Асида Хитоси: 1905–1945). В 5 т. 全5巻. Т. II: 1912–1925 第2巻 : 1912–1925. Токио東京: Касива-сёбо 柏書房, 2012. 552 с.

Барышев Э. А. パールイシエフ、エドワルド. Нитиро домэй но дзидай, 1914–1917: «Рэйгайтэкина юкю» но синсо 日露同盟の時代 1914～1917年——「例外的な友好」の真相 (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.: Правда о «необыкновенной дружбе»). Фукуока福岡: Ханасёин 花書院, 2007. 397 с.

Барышев Э. А. Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 года: За кулисами японского визита великого князя Георгия Михайловича // Япония 2007. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 249–265.

Барышев Э. А. Россия и Япония накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 2. Россия и союзники. Москва: Международные отношения, 2020. С. 394–466.

Барышев Э. А. Русско-японская политическая конвенция от 3 июля 1916 года и ее международно-политический смысл // Япония 2006. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 243–256.

Бидзюару-вайдо Мэйдзи дзидай-кан ビジュアル・ワイド明治時代館 (Большая наглядная энциклопедия эпохи Мэйдзи). Токио東京: Сёгакукан 小学館, 2005. 606 с.

Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто. М.: РГГУ, 2010. 316 с.

ГАРФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1.

Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. 601 с.

Дневники Л. В. Урусова, 1914–1917. Под ред. МИД РФ. Тамбов: ООО «ТПС, 2017. 590 с.

Йосимура Митио 吉村道男. Нихон то Росиа: Нитиро сэngo кара Росиа какумэй мадэ 日本とロシア : 日露戦後からロシア革命まで (Япония и Россия: От русско-японской войны до русской революции). Токио東京: Хара-сёбо 原書房, 1968. 332 с.

Йосимура Митио 吉村道男. Нихон то Росиа 日本とロシア (Япония и Россия). Испр. и доп. изд. Токио東京: Нихон кэйдзай хёронся 日本経済評論社, 1991. 480 с.

Кобун бэцуроку: Рикугунсё, Мэйдзи 19 нэн – Тайсё 7 нэн 公文別録 : 陸軍省、明治19年～大正7年 (Отдельные записи официальных документов: Военное министерство, 19-ый год Мэйдзи – 7-ой год Тайсё). Т. 1 第1巻 // Кокубосё Бэйи кэнкюдзё Сэнси кэнкю сэнта сирёсичу 国防省防衛研究所戦史研究センター史料室 (Архив Центра военной истории Института национальной обороны при Министерстве обороны Японии).

Кокуси дайджитэн 国史大辞典 (Большой словарь японской истории). В 15 т. 全15巻. Токио東京: Ёсикава-кобункан 吉川弘文館, 1979–1997.

Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 375 с.

Мацумото Тадао 松本忠雄. Кинсэй нишон гайко-си кэнкю 近世日本外交史研究 (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио東京: Хакуходо 博報堂, 1942. 289 с.

Мацусита Йосио. 松下芳男. Нихон гумбацу но кобо 日本軍閥の興亡 (Рождение и гибель японской военной клики). Токио東京: Фую-сёбо 芙蓉書房, 1975. 570 с.

Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917. Т. 6. Ч. 1. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – хix, 481 с.

Мицуи буссан ситэнтё кайги гидзироку 三井物産支店長会議事録 (Протоколы заседаний начальников отделов компании «Мицуи Буссан»). Т. 9 第9巻. Токио東京: Мицуи бунко 三井文庫, 2004. 292 с.

Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М.: АИРО-XXI, 2006. 218 с.

Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945): Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. 655 с.

Нагоя Мицугу 名古屋眞. Тайхэй кумиай но кэнкю 泰平組合の研究 (Исследование о синдикате Тайхэй кумиай). Докторская диссертация 博士学位論文 (Университет Ниигата 新潟大学). 2010. 440 с.

Нихон гайко бунсё 日本外交文書 (Японские дипломатические документы). Тайсё 3 нэн 大正3年 (3-ий год Тайсё). Кн. 3 第3冊. Токио東京: МИД Японии 外務省, 1966. 770, 85 р.

Нихон-си дайджитэн 日本史大事典 (Большой словарь истории Японии). В 7 т. 全7巻. Токио東京: Хэйбонся 平凡社, 1992–1994.

Окура Хацуми. 大倉発身. Рококу э гундзюхин кёкю но мити о хирайта тэнмацу 露国へ軍需品供給の道を開いた顛末 (Как начинались поставки вооружения в Россию) // Осю сэно дзикки 欧州戦争実記 (Летопись Европейской войны), № 49 第49号, 10 января 1916 г. С. 49–54.

Павлов Д. Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2014. 261 с.

Пестушко Ю. С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 2008. – 236 с.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 351 с.

РГВИА. Ф. 499. Оп. 5. Д. 395; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4058, 4060, 4453.

Сакамото Масако 坂本雅子. Дзайбацу то тэйкокусюги: Мицуи Буссан то тьюгоку 財閥と帝国主義 : 三井物産と中国 (Финансово-промышленные группы и империализм: Мицуи Буссан и Китай). Токио 東京: Минэрува сёбо Минерува 書房, 2003. 415 с.

Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 263 с.

Baryshev Eduard, The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War, Acta Slavica Iaponica, Vol. 30 (2011), pp. 21–42.

Baryshev Eduard, The Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War (August 1914 – March 1914), Shimane Journal of North East Asian Research, No. 25 (March 2014), pp. 1–35.

Berton Peter A., Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies, London: Routledge, 2012. 203 p.

Berton Peter, The Russo-Japanese Alliance of 1916 (Washington, D. C., Georgetown University, 1988). 17 + 11 p.

Berton Peter A., The Secret Russo-Japanese Alliance of 1916, Doctoral Dissertation (Columbia University), 1956. 439 с.

National Archives, FO 371, vols. 2019, 2020 (1914).

Saveliev I. R., Pestushko Y. S., Dangerous Rapprochement: Russia and Japan in the First World War, 1914–1916, Acta Slavica Iaponica, Vol.18 (2001), pp. 19–41.

The article was submitted on 13.05.2022

К. Р. Капсалькова, А. А. Буракова

**«МНЕ ДАВНО ИЗВЕСТНО ВАШЕ ИМЯ»:
ПИСЬМА ВАТАНАБЭ КИНЪИТИ И ЯМАМОТО ТЭРУЮКИ
К М. Я. СЮЗЮМОВУ¹**

Аннотация. Статья посвящена важной проблеме – освещению зарубежных научных контактов известного советского византиниста М. Я. Сюзюмова. В личном фонде доктора исторических наук, профессора Уральского университета есть письма от профессора Токийского университета коммерции Ватанабэ Кинъити и Ямамото Тэруюки, аспиранта Университета Хоккайдо. Письма содержат поздравления с различными праздниками и просьбы прислать литературу. Письма изящно оформлены, содержат текст на английском, французском и японском языках. В статье дан анализ 1960–1970 гг. – начального этапа развития японской византистики. Авторы считают, что «алмазное десятилетие» пробудило в Японии интерес к тысячелетнему успешному опыту Восточной Римской империи в создании сильного и богатого государства, способного отражать самые жестокие вызовы собственной безопасности. На первом этапе своего развития японские исследователи использовали достижения советской византистики, проявляя особый интерес к иконоборчеству – яркому и яростному периоду истории империи, находящему параллели в японском средневековье. Статья «Пионера японской византистики» Ватанабэ Кинъити была опубликована в сборнике «Античная древность и средние века» в 1973 г. Этот сборник был издан в честь юбилея доктора исторических наук, профессора М. Я. Сюзюмова. Профессор Ватанабэ начал активную переписку с зарубежными византистами, знакомился с концепциями византийской истории. Он также проанализировал законодательный статус сельской общины и представил теорию государственных финансов. Его интересы были сосредоточены на проблемах аграрной истории: от «Земледельческого закона» до патронии на Ниле.

Ключевые слова: историография, эпистолография, М. Я. Сюзюмов, Ватанабэ Кинъити, Ямамото Тэруюки

Karina R. Kapsalykova, Anna A. Burakova

**“I KNOW YOUR NAME FOR A LONG TIME”:
LETTERS FROM WATANABE KIN-ICHI AND YAMAMOTO
TERUYUKI TO M. YA. SJUZJUMOV**

Abstract. The article is devoted to the important problem – the analyses of foreign scientific contacts by the famous Soviet Byzantinist M. Ja. Sjuzjumov. There are letters from Watanabe Kin-ichi Professor of the Tokyo University of Commerce and the Yamamoto Teruyuki graduate student of the Hokkaido University kept in the personal fund (State Archive of the Sverdlovsk region. F. R-802) of the Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural University. The letters contained congratulations on various holidays and requests to send literature. The letters are designed elegantly. Text wrote in English, French and Japanese. The article was provided an analysis of the initial stage to development of Japanese Byzantine studies, 1960–1970 years. The authors believes that the “Diamond Decade” awakened in Japan an interest in the thousand-year successful experience of the Eastern Roman Empire. This experience on creation a strong state and its security. At the first, Japanese researchers used the achievements of Soviet Byzantine

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>.

studies. Privately, they interested Iconoclasm, a bright and furious period in the history of the Empire, which finds parallels in the Japanese Middle Ages. The article by “Pioneer of Japanese Byzantine studies” Watanabe Kin-ichi was published in the journal “Classical antiquity and Middle Ages” in 1973. This periodical was edited *in honoria* of the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor M. Ja. Sjuzumov. Professor Watanabe began an active correspondence with foreign Byzantine scholars, he suggested with the concepts of Byzantine history. He analyzed the legislative status of the rural community and presented the theory of public finance also. His interests was focused on the problems of agrarian history: from the “Νόμος γεωργικός” to patronage on the Nile.

Keywords: historiography, epistolography, M. Ja. Sjuzumov, Watanabe Kin-ichi, Yamamoto Teruyuki

Один из крупнейших историков XX в. Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) на протяжении почти всей жизни вел активную переписку с отечественными и иностранными коллегами, поддерживал и развивал научные связи [Антошин, Капсалыкова, с. 162–175]. Вопреки расхожему стереотипу о непреодолимых льдах «холодной войны», советский историк принял участие в серии международных научных дискуссий: о переходе к феодализму, о генезисе средневекового города и о роли континуитета в общественном развитии [Сюзюмов, 1972, вып. 8, с. 3–41].

В 1963 г. заведующая Сектором истории Византии Института истории АН СССР З. В. Удальцова (1918–1987) продекларировала намерение Бюро Международной ассоциации византинистов «обратиться с предложением о вступлении к ученым Индии, Израиля, Ирландии, Латинской Америки и Японии». После этого важного события планировалось установление учеными этих стран постоянных контактов с другими научными организациями, в том числе, Международным комитетом исторических наук [Удальцова, Vol. 41, No. 1, p. 288–290].

Это дало основание М. Я. Сюзюмову после VIII сессии византинистов, состоявшейся в 1969 г. в Свердловске, констатировать, что роль Восточной Римской империи в мировом историческом процесса увлекла специалистов из «стран, существование которых даже не могло быть известно византийцам, – Америки и Японии» [Сюзюмов, 1970, № 8, с. 168].

Действительно, «алмазное десятилетие» пробудило в Японии интерес к тысячелетнему успешному опыту Восточной Римской империи в создании сильного и богатого государства, способного отвечать на самые жестокие вызовы собственной безопасности. Наиболее важной в становлении нового научного направления была роль «пионера японской византистики» профессора Ватанабэ Кинъити (渡邊金一 ; 1924–2011).

Ватанабэ Кинъити родился в Токио 14 декабря 1924 года. После четырех лет обучения в средней школе, пропустив последний год, в апреле 1941 г. будущий профессор начал учебу в Токийском университете коммерции (ныне Университет Хитоцубаси; 一橋大学 ; *Hitotsubashi University*). Талантливый студент уделял большое внимание философии и истории, учил иностранные языки. Его наставниками были Уэхара Сэнроку (上原専禄 ; 1899–1975), Масуда Сиро (増田四郎 ; 1908–1997). После трех курсов университета Ватанабэ Кинъити был призван на военную службу. Вернувшись в 1945 г. Токио, он вновь глубоко погрузился

в свои исследования, сосредоточившись на проблемах «рождения Европы». Особенно его заинтересовала проблема преемственности античных достижений в средневековом обществе. В 1948 г. он защитил диссертацию по теме «О структуре западного крупного землевладения в поздней античности» и получил должность научного сотрудника в *alma mater*. Весной 1953 г. молодой ученый стал штатным преподавателем экономического факультета Университета Хитоцубаси, где проработал до 1988 г. [Otsuki, Т. 11, р. 295–300].

Ватанабэ Кинъити испытал влияние разных историографических традиций. Он был знатоком исторической теории Альфонса Допша (*Alfons Dopsch*; 1868–1953), рассматривающего континуитет как эволюцию. Также Ватанабэ Кинъити были близки взгляды Анри Пиренна (*Henri Pirenne*; 1862–1935) об отсутствии каких-либо принципиальных изменений в Европе эпохи раннего средневековья со времен «позднеримского средиземноморского единства» [ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 542. Л. 62–72].

С 1960-х гг. профессор Ватанабэ начал активную переписку с зарубежными византинистами, что позволяло ему получать новейшую научную литературу и знакомиться с актуальными концепциями византийской истории. Сфера его научных интересов, нашедшая отражение в публикациях, была весьма обширна: от вопросов аграрной истории (патрониций в ранневизантийском Египте, юридический статус сельской общины по «Земледельческому закону») до теории и практики государственных финансов империи [List of late Professor Kin-ichi Watanabe's works, No. 21, р. 301–308].

Ватанабэ Кинъити, как и другие японские ученые 1960–1970 гг., уделял большое внимание сложному и изобилующему фактурой периоду иконоборчества. Дополнительной трудностью в изучении данной проблемы была давняя традиция глубоко политизированной историографии.

Крупнейшим специалистом по истории византийского иконоборчества являлся профессор М. Я. Сюзюмов. Уральский историк считал, что спор об иконах стал узловым вопросом, затрагивающим интересы самых различных прослоек византийского общества в тот период, когда Византия позднеарабовладельческая превратилась в дофеодальную. «В Византии между *εναλόγραφος* и *λάροκος* стоял свободный *ἄεωρύς*». Императорам было выгодно под флагом борьбы против идолов провести конфискацию церковных сокровищ. Ученый также указывал, что византийское иконоборчество находит очевидные параллели в истории других средневековых государств, включая Японию [ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 7. Л. 127–130].

В Государственном Архиве Свердловской области хранятся четыре письма японских исследователей Ватанабэ Кинъити и Ямамото Тэрююки, адресованные М. Я. Сюзюмову.

Токийский профессор Ватанабэ Кинъити регулярно присылал свердловскому профессору изящно оформленные поздравительные открытки. Самая ранняя из них датируется 1963 г. – временем начала систематических встреч японских византинистов с советскими учеными.

Поздравительная открытка Ватанабэ Кинъити к М. Я. Сюзюмову

Машинопись, оригинал
[ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–2]
1963 г.

Merry Christmas and Happy New Year
Permettez – moi de vous offrir mes, meilleurs souhaits de nouvelle année
ainsi que mes noeux sicenes de bouheur.

Kin-ichi Watanabe
謹賀新年 [Кинга синнэн]

Перевод:

Счастливого Рождества и Нового года!
Позвольте мне передать Вам мои наилучшие пожелания в новом году,
а также поздравления с днем рождения.

Ватанабэ Кинъити
С Новым годом!

Поздравительная открытка Ватанабэ Кинъити к М. Я. Сюзюмову

Машинопись, оригинал
[ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 203. Л. 4]
1971 г.

Greetings of the Season with best wishes for the New Year!

謹賀新年 [Кинга синнэн]

Toutes mes félicitatiouès pour ed Nouvelle Année 1972!

Kin-ichi Watanabe

Перевод:

С праздниками! С наилучшими пожеланиями в Новом году!

С Новым годом!

Все мои поздравления с новым 1972 годом!

Ватанабэ Кинъити

В 1973 г. в честь юбилея М. Я. Сюзюмова был издан сборник научных трудов «Античная древность и средние века». Прославленного профессора-доктора почли за честь поздравить многие известные отечественные и зарубежные ученые. Примечательно, что среди них был и его японский коллега Ватанабэ Кинъити [Watanabe, 1973, вып. 10, с. 56–60].

Поздравительная открытка Ватанабэ Кинъити к М. Я. Сюзюмову

Машинопись, оригинал
[ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 203. Л. 3]
1978 г.

HITOTSUBASHI UNIVERSITY
KUNITACHI, TOKYO,
JAPAN

Tokyo, le 19 septembre 1978

Monsieur et cher Professeur,
J'ai reçu le numéro 14 (1977) de *Antichnaia drevnost' i srednie veka*,
que vous m'avez bienveillamment envoyé. Je vous en remercie de tout mon cœur.
Veuillez agréer, monsieur et cher professeur, l'expression de mes sentiments
très dévoués.

Kin-ichi Watanabe

Перевод:

Токио, 19 сентября 1978 г.

Дорогой господин профессор,
Я получил номер 14 (1977) журнала «Античная древность
и средние века», который Вы мне любезно прислали.
Я благодарю Вас от всего сердца.
Пожалуйста, примите, дорогой господин профессор, выражение
моих самых искренних чувств.

Ватанабэ Кинъити

Об оживленных научных контактах М. Я. Сюзюмова с японскими историками свидетельствует также письмо молодого ученого из Университета Хоккайдо – аспиранта Ямамото Тэрююки. Помимо этого, оно свидетельствует о росте византийских исследований в Японии.

Письмо Ямамото Тэрююки к М. Я. Сюзюмову

Машинопись, оригинал
[ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–2]

c/o Seikin-sō, no. 7,
kita-38, nishi-5.
Sapporo, Japan.
Aug. 3, '66.
Prof. Sjuzumov, M. Ja.
Faculty of History,
Urals A. M. Gorky State University,
ul. Kuibysheva 48 a, Sverdlovsk,
R.S.F.S.R., S.S.S.R.

Dear Sir,

I am a graduate student of the Hokkaidō University in Japan and specializing in the history of the Byzantine Empire. I have known your name for a long time in some periodicals of history and now, having a favour to ask of you, I write a letter to you. My subject of study is Byzantine Empire in the Age of Iconoclasm. I wish to regard Iconoclasm as a social and political movement and to investigate what position it held in the historical process of the Empire. Because my country has been behind another in the Byzantine Studies, and even now only a few scholars are concerned in it, I have not collected enough literatures concerning Iconoclasm. Above all, I am not yet able to obtain the copy of your theses (*Problemy Ikonoborcestva v Vizantii, UZ Sverdlovsk. gos. ped. in-ta, t. 4, str. 48–110, Sverdlovsk, 1948*), which I hope to read first of all. I only knew it's summary through Prof. Zaborov's review (*Vizantijskij Vremennik 4, 1951, str. 190–201*) and your arrangement of many theories about Iconoclasm (*Osnovnye napravlenija istoriografii istorii Vizantii ikonoborcheskogo perioda, Vizantijskij Vremennik 22, 1963, str. 199–226*).

If you have a collection of *Uchenyja Zapiski Sverdlovsk. gos. pedagogich. in-ta, t. 4, Sverdlovsk, 1948*, would you mind lending it to me? I should be very delighted if you would do so. I will take great care of it and return it as soon as possible. If you cannot do so, I am going to make a request to the library of Urals A. M. Gorky State University or to the library of Sverdlovsk. gos. ped. in-t to send me a micro-film of your above-mentioned thesis. When my written request will have reached there, if it suits your convenience, I beg you will manage it then all right. Please forgive me for asking such a favor.

Yours sincerely,
山本暉之
Teruyuki Yamamoto

Перевод:

по адресу: Сэйкин-со; № 7,
кита-38, ниси-5.
Саппоро, Япония.
3 августа 1966 года.
проф. Сюзюмов, М. Я.
Исторический факультет,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
ул. Куйбышева 48а, Свердловск,
РСФСР, СССР

Уважаемый господин,

Я аспирант Университета Хоккайдо в Японии, специализируюсь на истории Византийской империи. Мне давно известно Ваше имя по некоторой исторической периодике и теперь пишу Вам письмо с просьбой. Моя тема – Византийская империя в эпоху иконоборчества. Я хочу рассмотреть иконоборчество как социальное и политическое движение и исследовать, какое место оно занимало в истории Империи. Поскольку моя страна отстала от других в византистике, и даже сейчас ею занимаются лишь несколько ученых, я не собрал достаточно литературы по иконоборчеству. Прежде всего, я не могу получить копию Вашей диссертации (*Проблемы иконоборчества в Византии, УЗ Свердловск. гос. пед. ин-та, т. 4, стр. 48–110, Свердловск, 1948*), которую надеюсь прочитать в первую очередь. У меня есть только рецензия проф. Заборова (*Византийский временник, 4, 1951, стр. 190–201*) и Ваш разбор многих теорий об иконоборчестве (*Основные направления историографии истории Византий иконоборческого периода, Византийский временник, 22, 1963, стр. 199–226*).

Если у Вас есть сборник Ученых Записок Свердл. гос.педагог. ин-та, т. № 4, Свердловск, 1948 г., не могли бы Вы мне его одолжить? Я был бы очень рад, если бы Вы это сделали. Я буду очень аккуратен и верну его как можно скорее. Если Вы не можете этого сделать, я сделаю запрос в библиотеку Уральского государственного университета им. А. М. Горького или попрошу библиотеку Свердловского государственного педагогического института, – прислать мне микрофильм Вашей вышеупомянутой диссертации. Когда мой письменный запрос дойдет туда, если это удобно для Вас, я прошу Вас справиться о нем, чтобы все было в порядке. Пожалуйста, простите меня за такое беспокойство.

Искренне Ваш,
Ямамото Тэруюки

Подводя итоги, отметим, что в Японии 1960–1970-х гг. наблюдался рост интереса к позднеантичной и византийской истории. Набирающая силу японская византистика ставила перед собой задачи по изучению традиционных для мирового византиноведения, но также злободневных для японской национальной истории, проблем: вопросы земельной собственности, статус общины, генезис города, сословные структуры [Murata, *Histos Supplement* 9, p. 16.1–16.13]. Помимо этого, японские исследователи проявляли большой интерес к иконоборчеству. Особое значение при изучении этого яркого и яростного периода византийской истории имели труды М. Я. Сюзюмова, что и обусловило, по нашему мнению, активные контакты уральского историка с японскими коллегами.

Достижения византистов из Страны восходящего солнца были представлены на XV Международном конгрессе в Афинах, заслужив высокую оценку научного сообщества [XV Международный конгресс византистов в Афинах, т. 39 (64), с. 17–45]. Впрочем, давно известно – византистика любит младших детей...

Список литературы

Антошин А. В., Капсалькова К. Р. «Вам пишет Сюзюмов...»: письмо М. Я. Сюзюмова русскому историку-эмигранту А. В. Соловьеву (1958) // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2017. Вып. 45. С. 162–175.

ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 7, 202, 203, 542.

Сюзюмов М. Я. Дофеодалный период // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 3–41.

Сюзюмов М. Я. VIII Всесоюзная сессия византистов // *Вопросы истории*. 1970. № 8. С. 168–172.

Удальцова З. В. Встреча византистов в Афинах // *Klio*. Vol. 41. No. 1. 1963. P. 288–290.

XV Международный конгресс византистов в Афинах // *Византийский Временник*. 1978. Т. 39 (64). С. 17–45.

List of late Professor Kin-ichi Watanabe's works // *Mediterranean world*. 2012. No. 21. P. 301–308.

Murata Koji. Procopius in the Far East: Japanese Language Studies and Translations // *Recent Work on Procopius outside the English-speaking World: A Survey*. 2019. *Histos Supplement* 9. P. 16.1–16.13.

Otsuki Yasuhiro. Pioneer of Byzantine Studies in Japan: Late Prof. Kin-ichi Watanabe's Works // *Mediterranean World*. 2012. Т. 11. P. 295–300.

Watanabe Kin-ichi. Ein Beitrag zum weltgeschichtlichen Bild des Frühmittelalters // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 56–60.

The article was submitted on 4.05.2022

ВЬЕТНАМ

УДК 378.115.15(597) + 329:0/9 + 316.35 + 323.1(470.54–25)

Т. Ю. Тепляшина

ВЬЕТНАМСКИЕ СТУДЕНТЫ И ПОЛИТИЗИРОВАННЫЙ ДОСУГ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Аннотация. Внушительное по своему масштабу вьетнамское молодежное движение может принимать разнообразные формы, где ключевую роль играет Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина (СКМ). Представляя политическое ядро массовых молодежных организаций во Вьетнаме, СКМ развивает свою деятельность далеко за пределами страны. Будучи довольно автономным движением внутри принимающей страны, СКМ стремится привлечь к активной работе вьетнамскую молодежь, выступая при этом некоторым связующим звеном между административными органами Вьетнама и представителями местных вьетнамских диаспор.

В России работа СКМ насчитывает более 20 лет, где основным актором выступают вьетнамские студенты. На основе полевых исследований, выполненных при комсомольской ячейке вьетнамских студентов в Екатеринбурге, в статье демонстрируется особенности работы СКМ в заграничном контексте. Если во Вьетнаме наиболее яркой характеристикой деятельности СКМ являются социальные практики, то за рубежом фокус работы смещен скорее на проведение совместного досуга. Тем не менее данный досуг нацелен не только на консолидацию местного сообщества, он имеет довольно яркий политический окрас. Статья ориентирована на специалистов по Вьетнаму и антропологов, интересующихся вопросами политики и ее трансцендентальности в заграничном контексте.

Ключевые слова: вьетнамские студенты в России, Союз коммунистической молодежи (СКМ), общественно-политическое молодежное движение, Екатеринбург, политическая антропология

Tatiana Yu. Tepliashina

VIETNAMESE STUDENTS AND POLITIZED LEISURE IN YEKATERINBURG

Abstract. The imposing Vietnamese youth movement can take many forms, with the Ho Chi Minh Communist Youth Union playing a key role. Representing the political core of mass youth organizations in Vietnam, Vietnamese Communist Youth Union develops its activities far beyond the borders of the country.

Being a quite autonomous movement within the host country, the Ho Chi Minh Communist Youth Union strives to involve Vietnamese youth in active work, while acting as a bridge between the administrative bodies of Vietnam and representatives of local Vietnamese diasporas.

Youth Union has been operating in Russia for more than 20 years, where Vietnamese students are the main actors. Based on fieldwork carried out at the Youth Union cell of Vietnamese students in Yekaterinburg, the article demonstrates the features of its work in a foreign context. If in Vietnam the most striking characteristic of Youth Union activities is social practices, then abroad the focus of its work is more likely to be spent on joint leisure. Nevertheless, this leisure is not only

aimed at consolidating the local community, it has a rather bright political connotation. Thus, the article, by its specificity, is addressed to both Vietnamese scholars and specialists in anthropology interested in issues of politics and its transcendence among Vietnamese youth in a foreign context.

Keywords: Vietnamese students in Russia, Ho Chi Minh Communist Youth Union, socio-political youth movement, Yekaterinburg, political anthropology

Введение

«Ты до сих пор думаешь, что đoàn viên'ы [вьетнамские комсомольцы (в России)] это что-то серьезное? Они просто обычные студенты, без каких-либо политических поручений от государства. Их единственная задача – учиться. Они только учатся и радуются жизни тут»¹.

С распадом СССР комсомол из будничной жизни подавляющего числа молодежи страны ушел в историю, в то время как во Вьетнаме Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина (СКМ) (Đoàn Thanh niên Cộng sản Hồ Chí Minh) является характерной чертой современного общества и сегодня. Оценка влияния его деятельности может различаться, но масштаб самой организации сложно пренебречь. Судя по информации государственных медиа, на март 2022 г. во Вьетнаме насчитывается 7,03 млн комсомольцев [Nguyễn, 2022], что составляет чуть больше 7 % от всего населения страны и более трети от количества всей вьетнамской молодежи. При довольно внушительных статистических данных вьетнамское комсомольское движение изучено непропорционально мало². Особые пробелы существуют в изучении разветвленности данного феномена вне Вьетнама. Безусловно, масштаб деятельности СКМ за границей sui generis скромнее по сравнению с «домашней» вьетнамской повесткой, тем не менее анализ его деятельности может приблизить к пониманию механизмов работы СКМ в целом.

На взгляд автора, одним из многообещающих направлений изучения вьетнамского комсомольского движения заключается в проведении антропологического исследования. В разрезе политической антропологии данный феномен любопытен тем, что СКМ представляет собой общественно-политическую организацию, задачей которой является продвижение определенных идеологических установок. И если на уровне дискурса идеологические установки довольно часто подвергаются анализу, то изучение имплементации доктринального учения в повседневной жизни остается перспективной траекторией работы [Haugbolle, 2018].

Статья базируется на данных наблюдениях, ненаправленных интервью и этнографическом материале, собранных при ячейке СКМ имени Хо Ши Мина в Екатеринбурге. На примере организации культурно-развлекательного досуга ав-

¹ Цитата вьетнамского студента, бывшего руководителя СКМ в Екатеринбурге.

² Большой вклад в изучение СКМ во Вьетнаме внесли Valentin K. (2008, 2007), Duong, Phuoc M. (2017).

тор стремится приблизиться к пониманию механизмов, определяющих жизнедеятельность комсомольских ячеек в зарубежном контексте. Для более полного анализа данного феномена стоит прежде всего обратить внимание на выстраивание официального дискурса в отношении деятельности вьетнамской молодежи за границей.

Рамки официального дискурса

В соответствии с Заключением Политбюро № 12-KL/TW от 12/8/2021 г. о работе вьетнамцев за границей в период 2021–2026 гг., Секретариат Центрального комитета СКМ опубликовал собственный план работы. Данный документ не нацелен на выстраивание деятельности СКМ в России конкретно, но направлен на разработку дорожной карты СКМ в иностранных государствах в целом.

Согласно данному документу, перед СКМ стоят 3 основные цели при его деятельности за рубежом [Ban Chấp hành Trung ương Đoàn TNCS Hồ Chí Minh, 2021]. Они выражаются в повышении осведомленности вьетнамской молодежи о деятельности их сограждан за рубежом, улучшении качества работы молодежных вьетнамских организаций за границей, а также объединении вьетнамской молодежи за рубежом вокруг национальных ценностей для успешного продвижения Вьетнама на международной арене. Методы, благодаря которым предлагается достижение поставленных целей, можно свести к двум основным блокам.

Во-первых, речь идет о проведении более интенсивной информационной работы. Повышение осведомленности молодого вьетнамского поколения за рубежом о политике партии и государства предлагается за счет усиления работы по информированию (пропаганде), где особое внимание должно придаваться цифровым платформам.

Во-вторых, подчеркивается необходимость усовершенствования организационной деятельности СКМ по форме и содержанию. С одной стороны, предлагается разнообразить виды мобилизации вьетнамской молодежи за границей, более тщательно направлять и поддерживать их деятельность за счет укрепления механизмов координации, а также увеличения ресурсов для работы вьетнамской молодежи за рубежом. С другой стороны, большое внимание должно уделяться смысловой части. Так, при диверсификации деятельности СКМ за рубежом следует работать над продвижением вьетнамского языка, популяризации национальной культурной самобытности и традиций. К тому же необходимо способствовать более активному установлению связей вьетнамской молодежи за рубежом с принимающей страной для укрепления межнациональных отношений. Что касается укрепления отношений с вьетнамской стороной, то это должно поспособствовать развитию национального строительства и обороны страны.

Таким образом, вьетнамская политика в отношении своего присутствия в иностранных государствах стремится к значительной автономии в работе с представителями вьетнамской диаспоры за рубежом. Существует тенденция не только сохранить и приумножить свое влияние на собственной территории, но и распространить властные отношения относительно субъектов своего интереса на других суверенных территориях.

История выстраивания данных отношений в России как политики расширения сферы влияния СКМ насчитывает более 20 лет. Кадровый комитет СКМ в России (Ban Cán sự Đoàn tại Liên bang Nga) был основан 9 января 2001, а к 2017 г. по всей стране функционировало уже более 50 ответвлений [Kim Bảo Ngân, 2017]. Основным контингентом СКМ в России являются вьетнамские студенты, представляющие немаловажную часть местной диаспоры. [Чесноков А. С., 2009]. На 2019 г. в России обучалось как минимум 6 тыс. вьетнамских студентов в более чем 170 вузах [Нязан Онлайн, 2019]. Российско-вьетнамское сотрудничество предполагает несколько вариантов получения образования в РФ, среди которых наиболее распространенными считаются обучение на коммерческой основе за счет собственных средств, в рамках межгосударственных отношений, т. е. по квотам, предоставляемым правительством РФ (1000 квот для вьетнамских граждан в 2021 г.) [Сục Hợp Tác Quốc Tế – Bộ Giáo Dục Và Đào Tạo, 2021], а также за счет бюджетных средств Вьетнама³.

Вследствие прикрепления к какому-либо российскому ВУЗу, образуются множественные комсомольские ячейки. Тем не менее при определенной концентрации вьетнамских комсомольцев данные ячейки могут объединяться в более крупное сообщество и носить наименование «Liên Chi đoàn» (Объединение ячеек СКМ). Данная ситуация сложилась, к примеру, во Владивостоке и Казани, где эти Объединения не отсылают к какому-либо конкретному университету, но являются сообществом по более широкому территориальному признаку.

В то же время сохраняется организационная иерархия данных объединений. Руководство СКМ в России (Кадровый комитет СКМ в России) находится в Москве, откуда управляются остальные комсомольские ячейки и их объединения. При необходимости туда направляются разного рода запросы, в частности, если комсомолец потерял тетрадь СКМ (sổ đoàn viên) и хочет ее восстановить, находясь в России, то этот вопрос будет решаться в Москве.

Характеристика работы СКМ в Екатеринбурге

В отличие от СКМ во Вьетнаме, фокус деятельности вьетнамских комсомольцев в России смещен больше в сторону совместного развлекательного досуга, нежели выполнения общественно значимых задач. Если во Вьетнаме, самой заметной формой жизни данных сообществ является волонтерская работа с социальным уклоном, то за границей речь идет скорее о студенческой взаимоподдержке. Приведем мнение бывшего секретаря СКМ в Екатеринбурге:

«Деятельность chi đoàn [комсомольской ячейки] в России в основном направлена на повышение солидарности студентов, празднование больших праздников Вьетнама, организацию спортивных мероприятий для снятия стресса... В целом, это формальность, а не реальность как во Вьетнаме».

³ Для ознакомления с более полным перечнем вариантов обучения вьетнамцев в России можно обратиться к работам Соколова А. А. (2014), Жидких А. А., Каримова М. И., Ширяев Н. А. (2018).

После прибытия в Россию студентам необходимо концентрироваться на учебе, и участие в жизни СКМ приобретает для них довольно формальный характер. Во Вьетнаме же комсомольская жизнь устроена по-другому: помимо учебы необходимо выполнять многие дополнительные социально-значимые задачи [Тепляшина Т. Ю., 2021].

Помимо смещения приоритетов деятельности, на внутренний уклад СКМ в России влияет и нехватка ресурсов. Если во Вьетнаме эта проблема не ощущается, то, по мнению комсомольцев, в Екатеринбурге мало людей, что сказывается на масштабах деятельности местного ответвления СКМ. В то же время, очень многое зависит от главы комсомольской ячейки, ее секретаря (Bí thư Chi đoàn). Если у секретаря активная позиция, большой энтузиазм, значительная спонсорская помощь и большая команда, то реализация разнообразных мероприятий не заставит себя ждать. На данный момент секретарь комсомольской ячейки в Екатеринбурге Чанг считается очень сильным руководителем. Она не только занимается формальной организацией мероприятий, но и творчески подходит к их продвижению среди своих товарищей.

Рисунок 1. Приглашение на мероприятие, разосланное участникам секретарем комсомольской ячейки Чанг.

Примечательно и выстраивание отношений активистов с представителями местной диаспоры. Этот спонсорский фонд считается основным источником пополнения финансовых активов СКМ в Екатеринбурге, поскольку сбор средств среди студентов довольно незначительный (200–500 руб. в год с каждого комсомольца для поддержания работы местной ячейки). Спонсорами могут выступать и вьетнамские предприниматели, и владельцы вьетнамских ресторанов, и представители Таганского ряда, а также Посольство Вьетнама в Екатеринбурге. Если фонд весомый и секретарь активно работает, тогда и мероприятия будут проводиться чаще. По мнению руководителей екатеринбургской ячейки, раньше спонсорский фонд был скромнее, но в последнее время увеличился.

Продвижение и поддержание национальной гордости

Тем не менее, не все финансовые издержки ложатся на плечи спонсоров. К примеру, для участия в мероприятии по случаю объединения Вьетнама каждый участник должен был внести 1500 р. Данное мероприятие проходило в частном коттедже в черте города с 1 по 2 мая 2022 г. Сам коттедж не принадлежит вьетнамцам, но лицам, им симпатизирующим. Поводом встречи стал День освобождения Южного Вьетнама и воссоединения страны (30/04/1975, Ngày Giải phóng miền Nam, Thống nhất đất nước), который является государственным праздником, знаменующий конец войны во Вьетнаме. На деле же студенты не прибегали к использованию выражения об освобождении Юга, а предпочитали говорить именно о Дне воссоединения страны, или же, по выражению собравшихся, о «ngày giỗ Việt Nam Cộng hòa», что означает «помянки Республики Вьетнам», т. е. режима Южного Вьетнама в 1955–1975 гг.

Точкой сбора для многих служило общежитие УрФУ, расположенное на ул. Комсомольская (что довольно символично, хотя сами вьетнамцы этому внимание не придают). Организованного выезда предусмотрено не было, и студенты самостоятельно или маленькими группами добирались до коттеджа. Там их ждал трехэтажный дом, предусмотренный для сдачи в аренду для проведения мероприятий.

При постепенной заполняемости дома вьетнамцами внутреннее убранство совсем отдаленно напоминало хоть о какой-то связи с Россией. Из представителей интернационального сообщества присутствовало лишь две иностранки – девушка из Китая и сам автор статьи. Эту деталь можно было бы опустить, если бы культурная программа вечера не внесла свои коррективы.

На фоне лирических номеров особой художественной эстетикой выделился один. Будучи самым длинным и масштабным представлением за весь вечер, он включал в себя множество элементов: патриотическая песня, флаги СРВ, танец, демонстрирующий симбиоз вьетнамской традиционной культуры и идеологической составляющей. Девушки одеты в национальное платье ао зай, молодые люди – в рубашки Комсомола, которые они специально привезли с собой из Вьетнама. Этот элемент довольно примечателен, так как именно логистические проблемы (территориальная отдаленность и сложность доставки) приводились в качестве одного из основных препятствий по культурной экспансии Вьетнама в Россию [Kim Bảo Ngân, 2017]. При вручении наград и денежных призов активистам, участники этого номера получили наивысшую оценку.

Рисунок 2. Творческий номер в исполнении вьетнамских комсомольцев в Екатеринбурге. Фото автора

Данную кульминационную развязку было необходимо подкрепить финальным номером. Им стало частично импровизированное выступление иностранных гостей. За несколько дней до мероприятия китайянку попросили выучить вьетнамскую патриотическую песню «*Như có Bác trong ngày đại thắng*», отсылающую к исторической победе Хо Ши Мина и взятию Сайгона. Поскольку китайянка не знает вьетнамского, но говорит на русском языке, то для нее подготовили специальный текст – транскрипцию вьетнамских слов на кириллице. Другой иностранный гость эту песню наизусть не знал, но владеет вьетнамским языком. С ним подготовительной работы проделано не было. Вьетнамцы настаивали, чтобы именно гости спели эту песню и тем самым закончили культурную часть вечера. После определенных уговоров иностранки вышли на сцену с одним из их сопровождающих, держащим флаг Вьетнама. Эта песня мгновенно тронула всех присутствующих, и в 2 часа ночи более 30 человек в унисон скандировали ее финальные строчки «*Việt Nam Hồ Chí Minh*» (Вьетнам, Хо Ши Мин).

По зову сердца или по принуждению?

Патриотическая песня, исполненная гостями, не только заканчивала официальную часть вечера, она также служила и некоторым его разогревом. Во время подготовки к торжественной части, характерной чертой которой была неформальность в общении, молодые люди жарили шашлыки, веселились. Один из примечательных моментов данного эпизода пришелся на воспроизведение песни о Хо Ши Мине, той самой о которой речь шла выше, – студенты радостно кричали, прыгали, поднимали тосты за «поминки Республики Вьетнам».

Это был и момент некоторого формирования групп общения на последующие часы. Познакомившись с Таном, чьи родители занимаются торговлей на Таганском ряду, можно было обратить внимание на несвободное владение русским языком, при том, что он сам родился в Перми. Тан большую часть своей жизни провел во Вьетнаме, а его желание примкнуть к СКМ основывается на его любви к стране его предков и Хо Ши Мину.

Другой пример, Ким Оань, молодая девушка, комсомолка с 16 лет. Примкнула к СКМ не столько по велению сердца, сколько по внешним обязательствам. Эти обязательства наложило на нее участие в Пионерской организации имени Хо Ши Мина, куда ее приняли в младшей школе за отличную учебу. Если в 4 классе пионерами становились все, то, судя по ее опыту, более раннее участие в пионерской деятельности было привилегией, знаком отличия. Несмотря на то что само членство в СКМ носит для Ким Оань определенный налет обязательства, ее участие в мероприятиях СКМ в Екатеринбурге абсолютно добровольно.

Это подтверждает общее мнение студентов, что участие в жизни Комсомола за границей не носит принудительный характер для его членов. Если за границей комсомолец не хочет участвовать в работе СКМ, то для него это не будет иметь никаких последствий. Так, вьетнамский студент Шон не стал участвовать в выездном мероприятии, аргументируя это тем, что не любит толпу и массовые скопления людей. Его товарищи относятся к этому с пониманием. Шон является членом СКМ и даже КПВ, несмотря на то, что не согласен с их политикой. По его мнению, примкнуть к этим двум организациям легко, но проблематичным становится именно выход из них.

Заключение

Собранный этнографический материал нуждается в пополнении и более глубоко осмыслении в рамках не только изучения вьетнамской диаспоры в России или феномена Союза коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина, но и политической антропологии в целом. Будучи общественно-политической организацией СКМ развивает свою деятельность на зарубежных территориях с сохранением определенной автономии в России. Если в контексте Вьетнама деятельность СКМ направлена в большей степени на организацию социальных практик, то в случае комсомольской ячейки в Екатеринбурге, она протекает скорее в плоскости развлекательного досуга. Этот досуг тем не менее носит особый политический окрас, а само участие в таких мероприятиях остается добровольным. Студентами

приветствуются практики по продвижению национальных символов, с которыми они активно знакомят представителей других национальностей. Эти символы не носят исключительно культурный смысл, но подкрепляются неким политическим высказыванием, направленным на поддержание режима СРВ.

Список литературы

Вьетнам принимает участие в 10-м Евразийском экономическом форуме молодежи в России // Нязан Онлайн 17/04/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.nhandan.vn/nhipcauhuonghi/nhipcauhuonghi-hoptac/item/1601750> (дата обращения: 10/05/2022).

Жидких А. А., Каримова М. И., Ширяев Н. А. Опыт сотрудничества России и Вьетнама в сфере образования во второй половине XX – начале XXI вв / А. А. Жидких, М. И. Каримова, Н. А. Ширяев // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. С. 242–247.

Соколов А. А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2014, (25). С. 64–68.

Тепляшина Т. Ю. Социальные акции СКМ города Кантхо и воспитание молодежи // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М. : ИДВ РАН, 2021. С. 210–224.

Чесноков А. С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность / А. С. Чесноков // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2009. – № 3(69). С. 40–46.

Ban Chấp hành Trung ương Đoàn TNCS Hồ Chí Minh [Центральный исполнительный комитет Союза коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина]. Kế Hoạch Thực hiện Kết luận số 12-KL/TW ngày 12/8/2021 của Bộ Chính trị về công tác người Việt Nam ở nước ngoài trong tình hình mới giai đoạn 2021–2026. Số: 470 -KH/TWĐTN-BQT [План реализации Заключения Политбюро № 12-KL/TW от 12 августа 2021 г. о работе вьетнамцев за рубежом в новой ситуации на период 2021–2026 гг. Номер: 470 -KH/TWĐTN-BQT]. Ханой, 28/12/2021.

Duong, Phuoc M. Unpredictable Agency: An Analysis of Youth and Educational Practices in Times of Political and Economic Precarity in Contemporary Đà Nẵng City, Việt Nam. PhD dissertation. University of California, Riverside, 2017.

Haugbolle S. Anthropology and Political Ideology // Handbook of political anthropology. Wydra Harald and Bjorn Thomassen (ed.). Cheltenham, UK, Northampton, MA, Edward Elgar Publishing, coll. «Elgar handbooks in political science». 2018. P. 191–204.

Kim Bảo Ngân. Hoạt động Đoàn ở Liên bang Nga có gì khác lạ? [Чем отличается деятельность СКМ в Российской Федерации?] // Dân trí, 14/12/2017. URL: <https://dantri.com.vn/giao-duc-huong-nghiep/hoat-dong-doan-o-lien-bang-nga-co-gi-khac-la-20171212130911461.htm> (дата обращения: 03/05/2022).

Nguyễn Đình Lộc. Đoàn Thanh niên Cộng sản Hồ Chí Minh – 91 năm xây dựng và phát triển [Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина – 91 год строительства и развития] // Công Thông Tin Điện Tử Đảng Bộ Tỉnh Tuyên Quang, 1/03/2022. URL: <https://tuyenquang.dcs.vn/DetailView/77057/25/Doan-Thanh-nien-Cong-san-Ho-Chi-Minh-91-nam-xay-dung-va-phat-trien.html> (дата обращения: 22/04/2022).

Thông báo tuyển sinh đi học tại Liên bang Nga diện Hiệp định năm 2021 [Объявление о наборе на обучение в РФ по Соглашению в 2021 году] // Cục Hợp Tác Quốc Tế – Bộ Giáo Dục Và Đào Tạo, 03/03/2021. URL: http://icd.edu.vn/372/thong-bao-tuyen-sinh-di-hoc-tai-lien-bang-nga-dien-hiep-dinh-nam-2021.html/BPF/vi-VN/CMS_Cat/Thong-Tin-Tuyen-Sinh/CMS_Detail/1922 (дата обращения: 18/04/2022).

Valentin K. Mass Mobilization and the Struggle over the Youth: The Role of Ho Chi Minh Communist Youth Union in Urban Vietnam // Young. Vol. 15. 2007. N 3. P. 299–315.

Valentin K. Politicized Leisure in the Wake of Doi Moi: A Study of Youth in Hanoi // Youth and the City in the Global South. Ed. by Hansen Karen Tranberg. Indiana University Press, 2008. P. 74–97.

The article was submitted on 22.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышев Эдуард Анатольевич, доктор философии, ассистент-профессор факультета библиотечного дела, информатики и медийных исследований Университета Цукуба (Цукуба, Япония). E-mail: baryshev@slis.tsukuba.ac.jp

Eduard Baryshev, PhD, assistant professor, University of Tsukuba, Faculty of Library, Information and Media Science (Tsukuba, Japan). E-mail: baryshev@slis.tsukuba.ac.jp

Бахвалова Анастасия Алексеевна, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Anastasiia A. Bakhvalova, teaching fellow, Department of Oriental Studies, Ural Federal University. E-mail: anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Буракова Анна Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: a.a.burakova@urfu.ru

Anna A. Burakova, Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: a.a.burakova@urfu.ru

Гайкин Виктор Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. E-mail: Unara49@mail.ru

Victor A. Gaikin, PhD in History, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: Unara49@mail.ru

Гуськова Екатерина Александровна, магистр, выпускница кафедры востоковедения УрФУ, Екатеринбург, Россия. E-mail: rinaguskova@gmail.com

Ekaterina A. Guskova, MA, alumna, Department of Oriental Studies, Yekaterinburg, Russia. E-mail: rinaguskova@gmail.com

Кавун Мария Дмитриевна, студент кафедры востоковедения, Уральский федеральный им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: mariakavun@gmail.com

Mariia D. Kavun, student, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: mariakavun@gmail.com

Капсалыкова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), стажер Школы Актуальных Гуманитарных Исследований РАНХиГС, Екатеринбург, Россия. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Karina R. Kapsalikova, PhD in History, graduate assistant of RANEPА; Assistant professor, the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: k.r.kapsalykova@urfu.ru

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: vadim.kuzmin@urfu.ru

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vadim.kuzmin@urfu.ru

Лим Сунгжае, преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Russia, приглашенный преподаватель Корейского фонда (Korea Foundation). E-mail: aluminary@gmail.com

Lim Sungjae, lecturer, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. Visiting Professor, Korea Foundation. E-mail: aluminary@gmail.com

Лу Цзяцзинь, аспирант, ассистент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. URL: lujiajin@yandex.ru

Lu Jia Jin, PhD, assistant, Ural Federal university, Ekaterinburg, Russia. URL: lujiajin@yandex.ru

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония), ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия). E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, PhD, Dr. Hab. (Political Science), Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: dottore68@mail.ru

Мусинова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург. E-mail: irina.musinova@gmail.com

Irina A. Musinova, Senior Lecturer of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: irina.musinova@gmail.com

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: verger177@yandex.ru

Vera A. Perminova, PhD (History), researcher in Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: verger177@yandex.ru

Смирнов Вадим Викторович, кандидат исторических наук (PhD), ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: wajin1987@yandex.ru

Vadim V. Smirnov, PhD (History), Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: wajin1987@yandex.ru

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dmitry A. Suroweñ, PhD in History, Associate Professor. Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Тепляшина Татьяна Юрьевна, докторант Университета Люмьер Лион 2, Франция. E-mail: tatiana.tepliashina@univ-lyon2.fr

Tatiana Tepliashina, PhD student, Université Lumière Lyon 2, France. E-mail: tatiana.tepliashina@univ-lyon2.fr

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Assistant professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Чжан Цзюнь, магистр, ассистент, Авиационный университет ВВС НОАК, Чанчунь, Китай. E-mail: breezyjane@yandex.ru

Zhang Jun, master degree, assistant, PLA Air Force Aviation University, Changchun, China. E-mail: breezyjane@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

«Уральское востоковедение» – международный научный журнал, тематика которого охватывает широкий круг проблем истории, культуры, языкознания, политологии, экономики, философии и религиоведения стран Азии и Африки. Цель журнала состоит в создании принципиально междисциплинарной исследовательской платформы для востоковедов разного профиля, представляющих разные ведущие школы, по изучению восточных обществ и обмену мнениями по ключевым вопросам истории и современности стран Востока.

«Уральское востоковедение» – первое и единственное издание в УрФУ по востоковедной тематике. Деятельность журнала «Уральское востоковедение» призвана способствовать формированию Уральского федерального университета в качестве одного из ведущих центров гуманитарных исследований востоковедной направленности и преподавания восточных языков.

Научная миссия журнала состоит в разработке проблематики трансграничья, контактных зон, межрегионального и межкультурного взаимодействия на Востоке. Отсюда приоритетное внимание журнала к колониальным и постколониальным исследованиям, имагологической проблематике (формирование образа Другого в различных культурах), истории международных отношений в Восточной Азии, Центральной Азии и на Ближнем Востоке с Древности до наших дней, истории связей России и Востока (в частности, истории русской эмиграции в странах Азии и Африки), региональной интеграции в Азии и Африке на современном этапе. Данные сюжеты являются традиционными для «Уральского востоковедения» и оказываются представлены в каждом номере журнала.

Рубрикация материалов журнала сочетает региональный и тематический принципы. Наряду с разделами по регионам (Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка и др.), традиционным для журнала является также тематический блок «Преподавание восточных языков и литературы», материалы которого позволяют одновременно рассмотреть различные аспекты собственно университетского преподавания восточных языков и литератур, а также выявить основные особенности восприятия культуры изучаемой страны студентами.

Редакционная политика «Уральского востоковедения» строится на принципах академизма и научного плюрализма: мнение авторов журнала может не совпадать с точкой зрения редактора и редакционной коллегии. В представляемых на рассмотрение редколлегии материалах приветствуются междисциплинарность, методологическое новаторство, историографическая полнота и введение в научный оборот новых исторических источников. Редакционная коллегия журнала обязуется оценивать содержание предоставляемых материалов исключительно по критерию их научной значимости и новизны, вне зависимости от персоналий авторов, их гражданства, политических и идеологических предпочтений.

Основная целевая аудитория журнала – специалисты в области востоковедения и африканистики из разных научных центров России и мира. Издание также ориентировано на исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания, от лингвистики до искусствоведения. Редакционная коллегия приветствует публикацию материалов авторами в соавторстве со студентами старших курсов бакалавриата и магистрантами, способствуя поддержанию как преемственности научных традиций, так и инициатив талантливой молодежи.

Требования к оформлению подаваемых материалов: объем – до 1 п. л. (для рецензий – до 0,3 п. л.), формат «.doc» Word97/2000/XP, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5; поля – 2,0 со всех сторон; форматирование текста по ширине, без расстановки переносов и нумерации страниц; ссылки внутритекстовые в квадратных скобках: [Иванов, с. 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников и литературы, вторая (курсивом) – на страницу. Список источников и литературы оформляется в конце текста 12 кеглем.

В заявке следует указать на русском и английском языках фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, должность и место работы (учебы), электронный адрес.

Каждая статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами на русском языке, *summary* и *keywords* на английском языке. Название статьи должно быть переведено автором на английский язык. Аннотация и *summary* должны насчитывать не менее 250 слов с пробелами. Ключевые слова и *keywords* – 5–7 слов.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
